

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES

2022. Том 8. № 2 (30)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

И. М. Чубаров, д. филос. н., проф.

Заместители главного редактора:

Е. В. Михалькова, к. ф. н., доцент; *Е. В. Новокрепленных*, к. ф. н.;
Вяч. С. Кулешов, к. и. н., доцент; *А. А. Медведев*, к. ф. н., доц.

Контактная информация:

Главный редактор Чубаров И. М.:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Ленина, 23, каб. 405
i.m.chubarov@utmn.ru

Издатель:
ТюмГУ-Press

Адрес издателя и редакции:

✉ 625003, г. Тюмень,
ул. Володарского, 6
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:

Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Журнал выходит 4 раза в год

Прием статей:

vestnik-humanities-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Информация для авторов:

<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель:

ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Гуманитарные исследования. Humanitates, 2022
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чубаров Игорь Михайлович	доктор философских наук, профессор, проректор, Тюменский государственный
Белозёрова Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вирдис Даниела Франческа	Ph.D., профессор, Университет Кальяри (Италия)
Гартон Сью	Ph.D., профессор, Университет Астон (Англия)
Дрожащих Наталья Владимировна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Лабунец Наталья Вадимовна	доктор филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Марийо Пьер	хабилированный доктор лингвистики, профессор, Университет Тулузы имени Жана Жореса (Франция)
Хомутова Тамара Николаевна	доктор филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет
Хшановска-Ключевска Эльжбета	хабилированный доктор наук (лингвистика), профессор, Ягеллонский университет (Польша)
Медведев Александр Александрович	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Арустамова Анна Альбертовна	доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный научно-исследовательский университет
Викторова Татьяна Владимировна	доктор филологических наук, профессор, хабилированный доктор наук (HDR), Страсбургский государственный университет (Франция)
Зырянов Олег Васильевич	доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Комаров Сергей Анатольевич	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Кононова Алла Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет, ответственный секретарь
Саббатини Марко	доктор филологических наук, хабилированный ординарный профессор по славистике, ассоциированный профессор, Пизанский университет (Италия)
Эртнер Елена Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Еманов Александр Георгиевич	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Вюнш Томас	доктор истории, профессор, Университет Пассау (Германия)
Кинг Рональд	Ph.D., профессор, Государственный университет Сан-Диего (США)
Нефёдкин Александр Константинович	доктор исторических наук, Белгородский национальный исследовательский университет
Парфентьев Николай Павлович	доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южно-Уральский национальный исследовательский университет
Пашин Сергей Станиславович	доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет
Чая Роман	доктор истории, профессор, Торуньский университет имени Николая Коперника (Польша)
Новокрещенных Екатерина Владимировна	кандидат филологических наук, Тюменский государственный университет
Михалькова Елена Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Кулешов Вячеслав Сергеевич	кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет
Костомаров Владимир Михайлович	кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет

ISSN: 2411-197X
e-ISSN: 2500-0896

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

HUMANITIES RESEARCH. HUMANITATES

2022. Vol. 8. No. 2 (30)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. F77-72166 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60411 on 29 December 2014) by RF Press Committee

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

EDITOR-IN-CHIEF:

I. M. Chubarov, Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

E. V. Mikhalkova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.; **E. V. Novokreshchennykh**, Cand. Sci. (Philol.);
V. S. Kuleshov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.; **A. A. Medvedev**, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.

EDITORIAL BOARD

I. M. Chubarov, Dr. Sci. (Philos.), Prof.
N. N. Belozeroва, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
D. F. Virdis, Ph. D., Prof. (Italy)
S. Garton, Ph. D., Prof. (UK)
N. V. Drozhashchikh, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
N. V. Labunets, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
P. Marillaud, Dr. of Ling., HDR (France)
T. N. Khomutova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
E. Chrzanowska-Kluczevska, Dr. Sci. (Ling.), Prof. (Poland)
A. A. Medvedev, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
A. A. Arustamova, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
T. V. Viktorova, Dr. Sci. (Philol.), HDR (France)
O. V. Zyryanov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
S. A. Komarov, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
A. V. Kononova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. — executive secretary
M. Sabbatini, Dr. Sci. (Philol.), Prof. Ordin. (Italy)
Ye. N. Ertner, Dr. Sci. (Philol.), Prof.
A. G. Yemanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
T. Wunsch, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Germany)
R. King, Ph.D., Prof. (USA)
A. K. Nefedkin, Dr. Sci. (Hist.), Lead. Researcher
N. P. Parfentiev, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
S. S. Pashin, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
R. Czaja, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Poland)
E. V. Novokreshchennykh, Cand. Sci. (Philol.)
E. V. Mikhalkova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof.
V. S. Kuleshov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.
V. M. Kostomarov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.

Contact information:

Editor-in-chief Igor Chubarov:
of. 405, 23 Lenina St., Tyumen, 625003, Russia
i.m.chubarov@utmn.ru

Publisher:
UTMN-Press

Publisher and editorial address:
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia
vestnik-humanitaries-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Subscription to the printed edition of the journal:
No. IIA252 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges

For article submission or any requests contact:
vestnik-humanitaries-r@utmn.ru
<http://vestnik.utmn.ru>

E-version of the journal can be accessed at:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Founded by the University of Tyumen:
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

© Tyumen State University Herald.
Humanities Research. Humanitaries, 2022
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Краснопеева Е. С., Краева С. С.
Адаптация устного переводчика
к работе в гибридной среде (на примере
пусконаладочных работ с удаленным
участником)6

Родригес Эрнандес Л. Г.
Кросс-культурные аспекты русских
и латиноамериканских идиом43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мартьянова С. А.
Антропология читательского опыта
в повести А. И. Солженицына «Рако-
вый корпус»47

Лагунова О. К., Маркова В. В.
Физическая ненорма как мера
природного и социального порядка
в повестях ненецкой писательницы
А. П. Неркаги (к специфике этнотерпе-
ния)61

Чепига В. П.
Поэзия серебряного века на француз-
ском языке: к проблеме поэтического
перевода79

ИСТОРИЯ

Григоришин С. В.
Listenwissenschaft Вольфрама фон
Зодена и проблема интерпретации
шумерских лексических списков94

CONTENTS

LINGUISTICS

Krasnopeyeva E. S., Kraeva S. S.
**Interpreter adaptation in hybrid ecology:
the case of video-mediated commissioning
of equipment6**

Rodríguez Hernández L. G.
**Cross-cultural aspects of Russian
and Latin American idioms43**

LITERATURE STUDIES

Martyanova S. A.
**The anthropology of the reader's
experience in the story Cancer Ward
by A. I. Solzhenitsyn47**

Lagunova O. K., Markova V. V.
**Physical abnormality as a measure of
natural and social order in the stories of
the nenets writer A. P. Nerkagi: to the
specificity of ethno-patience61**

Chepiga V. P.
**Silver age of Russian poetry into
French: towards the problem of poetic
translation79**

HISTORY

Grigorishyn S. V.
**Wolfram von Soden's Listenwissenschaft
and the problem of interpreting
Sumerian lexical lists94**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Екатерина Сергеевна КРАСНОПЕЕВА¹

Светлана Сергеевна КРАЕВА²

УДК 81'25

АДАПТАЦИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА К РАБОТЕ В ГИБРИДНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПУСКОНАЛАДОЧНЫХ РАБОТ С УДАЛЕННЫМ УЧАСТНИКОМ)*

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода,
Челябинский государственный университет
krasnopeyeva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3503-1849

² кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода,
Челябинский государственный университет
kraeva.svetlana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2039-4022

Аннотация

Процесс устного перевода видеокоммуникации — относительно новый объект исследования, требующий интеграции теоретико-методологических баз переводоведения, теории коммуникации, теории медиа и когнитивной науки.

В данной статье рассматриваются особенности адаптации переводчика к условиям работы в гибридной среде, которая подразумевает переключение между общением в физическом

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (№ МК-73.2021.2).

Цитирование: Краснопеева Е. С. Адаптация устного переводчика к работе в гибридной среде (на примере пусконаладочных работ с удаленным участником) / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 6-23. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

и виртуальном пространствах. Описывается ситуация устного двустороннего абзачно-фразового перевода в ходе пусконаладочных работ, которыми по видеосвязи руководит иноязычный специалист. Материал исследования — расшифрованные аудиозаписи коммуникации, а также ретроспективный комментарий переводчика. Переводческие решения рассматриваются сквозь призму теории метакогниции. Иллюстрируются особенности мониторинга, лежащего в основе адаптации переводчика к работе в данных неблагоприятных условиях, вызывающих дополнительную когнитивную нагрузку.

В числе ключевых факторов, определяющих профессиональную сложность перевода, выделены специфика двустороннего специального перевода в цехе промышленного предприятия, а также ограничения видеокоммуникации с использованием смартфона. Помимо функций передачи информации и координации коммуникации, характерных для двустороннего перевода, в рассматриваемой ситуации переводчик также осуществляет контроль за состоянием устройства связи. Подобная медиамногозадачность означает новые аспекты когнитивного мониторинга, что потенциально может вести к снижению концентрации внимания и влиять на качество перевода. Традиционные средства структурирования диалога оказываются недоступны при общении с удаленным участником, что приводит к необходимости вербального сопровождения мены коммуникативных ролей, а также контроля за ходом коммуникации в целом. Переводчик также активно выполняет ориентирование удаленного участника в ситуации «на месте», устанавливает общий контекст, что приводит к избыточности и повторам.

Таким образом, в условиях гибридной среды повышается непредсказуемость логики перехода от проблемной ситуации к ее решению. Фрагментированный характер коммуникации затрудняет идентификацию коммуникативно-релевантных смыслов и процесс вероятностного прогнозирования.

Ключевые слова

Переводоведение, устный перевод, двусторонний перевод, цифровой перевод, видеокоммуникация, метакогниция, гибридная среда.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

Введение

Способ хранения и передачи информации — критерий, который позволяет построить периодизацию истории перевода: «использование того или иного канала [передачи информации] существенно влияет на все аспекты переводческой деятельности, на технологию и стратегию перевода» [3]. Сегодня неотъемлемой частью обыденной реальности стали цифровые технологии. Гибридная среда (hybrid environment), гибридное пространство (hybrid space), гибридные территории (hybrid territories), гибридное взаимодействие (hybrid interaction) [12; 20, с. 214-216] — все эти эвристические конструкты вводятся для осмысления процесса размывания границ между реальным и виртуальным, а также влияния этого процесса на когнитивные, психологические, социальные и поведенческие механизмы.

Технологическая детерминированность дальнейшего развития устного и письменного перевода подталкивает переводоведов обратиться как к теории медиа, исследованиям материальности коммуникации, так и к моделям распределенной когниции и интегрированной реальности переводчика [18]. В свете перехода от дескриптивности к проспективности [3] актуальной задачей становится описание практик цифрового перевода — «нового вида перевода, представляющего собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности человека переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств» [2, с. 73].

По оценкам ряда исследователей, устный перевод сегодня вступает в самую активную фазу технологической трансформации в истории [15]. Ограничения пандемии, давление технологических компаний и рынка лингвистических услуг заставляют каждого устного переводчика оперативно формировать собственную цифровую компетентность.

Цифровыми технологиями могут быть опосредованы различные сценарии устного перевода: с применением аудио- или видеосвязи в общении могут принимать участие как коммуниканты, так и сам переводчик. Каждый сценарий дистанционного перевода (термин Ф. Пёххакера [17]) подразумевает особые переводческие задачи, а также особую дополнительную когнитивную нагрузку на переводчика (см. обзор в [5]). В контексте цифровизации устного перевода в качестве объекта исследования чаще выступает удаленный синхронный перевод (RSI, remote simultaneous interpreting) [10, 15], а также социальный перевод (community interpreting) или посредничество в двуязычном диалоге (dialogue interpreting) с применением аудио- и видеосвязи [11, 15].

В данной статье мы затрагиваем проблему адаптации переводчика к условиям работы в гибридной среде¹, подразумевающей параллельное осуществление очной и дистанционной коммуникации. Принципиальная новизна подобного объекта, а также его комплексность обуславливают дескриптивный характер исследования. Обнаруженные особенности рассматриваются с учетом анализа ситуации перевода, а также ретроспективного комментария переводчика, позволяющего перейти от изучения перевода-результата к описанию как коммуникативных, так и когнитивных аспектов перевода-процесса.

¹ Понятие гибридной среды восходит к понятию медиапространства (рассмотренному нами ранее в [4]). Термин «гибридная среда» описывает слияние взаимодействия в физическом и цифровом пространствах («Hybrid ecologies are new class of digital ecology that merge multiple environments, physical and digital, together...» [12, с. 481]; «hybrid ecologies <...> bridge the physical-digital divide» [12, с. 492]). Исследования показывают, что динамика коллективной работы, выполняемой в гибридных средах, имеет определённые отличительные характеристики, в числе которых фрагментированность взаимодействия [12, с. 492] (здесь и далее перевод наш — Е. К., С. К.). Фрагментированность коммуникации, вероятно, можно назвать одной из тех характеристик, которые окажут значительное влияние на работу устного переводчика в гибридной среде.

Материал и теоретико-методологические основания исследования

В нашем проекте мы обращаемся к двустороннему переводу (ДП) в ходе пуско-наладочных работ, которыми в режиме видеосвязи руководит иноязычный специалист. Ряд аспектов исследования уже был ранее описан [4]. В данной статье особое внимание уделяется фрагментам аудиозаписи¹ коммуникации (1 ч. 34 мин.), сделанным в первые часы первого и второго дней работы, что позволило нам проиллюстрировать «включение» переводчика в рабочий процесс. В качестве материала исследования также выступает ретроспективный комментарий переводчика, полученный в ходе прослушивания аудиозаписи коммуникации. Как отмечает К. Меллингер, именно анализ ретроспективного комментария позволяет уточнить сделанные на основе анализа стенограмм гипотезы и выявить влияние технolandшафта на когницию устного переводчика [16, с. 37]. Расшифровка и анализ аудиозаписей осуществляется двумя исследователями в программе для аннотации мультимодального текста ELAN², где используется орфографическая транскрипция, а также ряд элементов метаразметки.

Рассмотрим некоторые параметры коммуникативной ситуации перевода (КСП) по схеме Г. В. Чернова: Где? О чем? Когда? Кто? Кому? С какой целью? [9, с. 139]. Заказ выполняется в течение трех дней опытным переводчиком (опыт работы 12 лет, языковая пара — русский–немецкий) на одном из промышленных предприятий г. Челябинска в июле 2021 г. Работы ведутся в период ограничений пандемии COVID-19, ввиду чего подрядчик заказчика не может присутствовать в России. Переводчик (ПЕР) находится на месте монтажа, в цехе производственного предприятия, где присутствуют заказчик (ЗАК) — руководитель и инициатор перевода, а также группа рабочих-операторов (ОПР_{1-N}, далее — ОПР). Иноязычный специалист — инженер (ИНЖ) — представитель немецкой компании (поставщика оборудования) подключается по видеосвязи. ИНЖ поэтапно объясняет функции машины и этапы работы с компьютерной программой управления. ОПР тестируют данные функции на панели управления. После каждого блока инструкций ИНЖ уточняет у ОПР, есть ли вопросы по пройденным этапам. Цель коммуникации — обучение персонала и выполнение запуска машины.

Перевод осуществляется в шумном производственном помещении, в котором отсутствует стационарный доступ в интернет, а также возможность подключить какое-либо специальное оборудование для конференц-связи. Для видеосвязи используется мобильное устройство (смартфон с основной и фронтальной камерой),

¹ Безусловно, на сегодняшний день именно видеозаписи дают возможность выполнять подробное систематическое описание мультимодального взаимодействия коммуникантов в процессе перевода [17]. Однако отметим, что в исследованиях устного перевода в деловой среде любой аутентичный эмпирический материал представляет особую ценность, поскольку ввиду конфиденциального характера коммуникации заказчики достаточно редко соглашаются на ведение аудио- или видеозаписи.

² ELAN (Версия 6.3, 2022) [Программное обеспечение] / Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, The Language Archive. URL: <https://archive.mpi.nl/tla/elan> (дата обращения: 01.08.2021).

которое находится в руках у ПЕР. Камеру направляет ПЕР, соответственно, ИНЖ имеет доступ только к той информации, которую транслирует и озвучивает ПЕР. Какое-либо оборудование, позволяющее ОПР принимать участие в видеозвонке, не предусмотрено. ИНЖ выходит на связь из офиса, для чего использует компьютер, оборудованный веб-камерой, и гарнитуру — блютуз-наушник с микрофоном. На экране телефона ПЕР видит изображение ИНЖ, ИНЖ наблюдает за происходящим в цехе на экране монитора.

Таким образом, профессиональная сложность описанного сценария определяется в первую очередь следующими факторами: спецификой переводческих задач в ДП группового диалога, а также особенностями коммуникации в гибридной среде (ограничениями видеоканала, помехами на месте перевода, фрагментированностью взаимодействия и пр.).

Устный последовательный абзацно-фразовый ДП осуществляется в паузах непосредственно после прослушивания небольших фрагментов исходного высказывания. Как правило, ДП выполняется без использования нотации, с опорой исключительно на память переводчика. ДП может применяться в ходе переговоров, при переводческом сопровождении в учреждениях здравоохранения, иммиграционных службах, полиции и пр. ДП также имеет место в КСП, которую В. В. Сдобников условно именуется «шеф-монтаж» — ситуации личного общения специалистов для решения определенной производственной задачи (перевод в ходе медицинской операции, пусконаладочных работ на предприятии, перевод общения тренера и команды) [6, с. 96]. К этой категории можно отнести рассматриваемый нами сценарий. Целью перевода является выравнивание уровня квалификации двух сторон для решения задач их предметной деятельности и/или координации их совместных действий, что подразумевает передачу при переводе коммуникативно-релевантной информации [6, с. 97, 208].

В. Н. Комиссаров выделяет факторы, усложняющие ДП: «небрежность речи участников беседы, неполнота формулировок, рассчитанная на посвященного, одновременность высказывания нескольких лиц, <...> неудобное положение переводчика с точки зрения обзора и слышимости» (цит. по [8, с. 185]). В отличие от многих ситуаций посредничества в двуязычном диалоге специфика КСП «шеф-монтаж» также будет состоять в наличии объектов (оборудования, инструментов и пр.), с которыми участники общения взаимодействуют для решения поставленных задач.

Указанные параметры определяют необходимость постоянной оценки информационной ценности сообщения, рефлексии со стороны переводчика, проактивное осмысление собственной компетентности и коммуникативных потребностей реципиента. Несмотря на то, что определение особенностей потенциального реципиента является компонентом предпереводческого анализа — первого этапа любого процесса перевода, в рассматриваемой ситуации у переводчика есть возможность (и необходимость) непосредственно наблюдать вербальную и невербальную реакцию реципиента, и, соответственно, корректировать переводческие решения с учетом ситуативного контекста.

Специфической чертой ДП является многозадачность: как отмечает С. Ваденшё, в задачи переводчика при посредничестве в двуязычном диалоге (*dialogue interpreting*) входит не только передача информации (*relaying*), но и координация взаимодействия коммуникантов (*coordinating*) для достижения цели коммуникации [19]. М. Я. Цвиллинг описывает роль переводчика при ДП как активную (но не лишаящую участников беседы коммуникативной инициативы): «Ответственный переводчик не должен ограничиваться ролью безучастного „транслятора“, он должен «чувствовать ход беседы, осознавать логику ее развития, соответствие ответов ожиданиям спрашивающего в интервью или прогресс в достижении согласия» [8, с. 184-185]. Особое внимание уделяется наличию зрительного контакта с реципиентом, динамическим характеристикам голоса, использованию в речи обращений и других допустимых средств (жестов, прикосновений, перемещений — когда перевод осуществляется «на местности») [8]. Другими словами, различным средствам контроля смены коммуникативных ролей. Значительная часть указанных средств оказывается недоступна в условиях дистанционного перевода.

Охарактеризуем некоторые ограничения видеокommunikации с использованием смартфона, выделяемые Ф. Юсом [20, с. 107-118]. Во-первых, видеозвонок не позволяет сформировать ощущение присутствия (*presence*), которое в ряде исследований описывается как основной фактор, определяющий дополнительную нагрузку при дистанционном переводе (см. обзор в [5]). Во-вторых, видеозвонок с помощью мобильного телефона подразумевает гибридизацию реальных/физических и виртуальных сценариев (*physical–virtual practices*), а также переключение между двумя общими когнитивными средами (*mutual cognitive environments*) — в трактовке Д. Спербера и Д. Уилсон. В нашей ситуации переводчик переключается между общей с ОПП и ЗАК средой в физическом пространстве (*foreseeable mutual cognitive environment*) и общей средой с ИНЖ в виртуальном пространстве (*narrowed mutual cognitive environment*) [20, с. 116]. В-третьих, при общении в режиме видеозвонка говорящие затрачивают много когнитивных усилий для установления общего контекста, поскольку не знают ни местоположения, ни социальной ситуации, в которой находится собеседник. Кроме того, видеосвязь всегда подразумевает некоторые помехи (размывание, зависание картинки, задержка аудио и пр.), в результате чего пользователи начинают ощущать дискомфорт: по словам К. Мёрфи, «наш мозг пытается заполнить пробелы и понять смысл происходящего, в результате чего мы чувствуем тревогу и усталость, не понимая, почему» (цит. по [20, с. 112]).

Таким образом, в условиях гибридной среды многозадачность ДП превращается в медиамногозадачность, понимаемую как «параллельное использование технических устройств, переключение между источниками информации, одновременное получение информации из онлайн- и офлайн-источников» [1, с. 130], что означает дополнительную когнитивную нагрузку.

Для изучения особенностей адаптации переводчика к ограниченному контексту в ситуации ДП деловой коммуникации по видеосвязи С. Браун обращается к феномену *мониторинга* [11]. Мониторинговые стратегии строятся на основе

лингвистических, энциклопедических, социокультурных знаний говорящего; вербальной и невербальной обратной связи собеседника, а также контекста и реплик других участников коммуникации. Вслед за К. Коном и У. Левелтом С. Браун описывает фазы антиципационного/упреждающего, синхронного и ретроспективного мониторинга в ходе восприятия сообщения и в ходе говорения переводчика.

В когнитивной модели социального ДП Б. Энглунд Димитрова и Э. Тиселиус также выделяют ряд видов *мониторинга* (таблица 1), включающего операции наблюдения, оценки и потенциальной корректировки переводчиком порождаемого высказывания [13, с. 203-204].

Таблица 1.

Виды мониторинга в процессе двустороннего перевода

Table 1.

Types of monitoring in dialogue interpreting

<i>Виды мониторинга в процессе восприятия речи коммуникантов</i>	<i>Виды мониторинга непосредственно в процессе перевода</i>
Мониторинг собственного понимания звучащего сообщения.	Мониторинг собственной речевой деятельности на языке перевода.
Мониторинг соотносительности содержания сообщения коммуниканта и озвученного ранее перевода, т. е. понимания коммуникантом ранее прозвучавшего перевода.	Мониторинг соотносительности смыслов в прослушанном сообщении коммуниканта и порождаемом на данный момент сообщении (в ряде случаев озвучиваемый фрагмент не является эквивалентом озвученной ранее реплики).
Мониторинг объема оперативной памяти, необходимого для запоминания звучащего отрывка.	Мониторинг вербальной и невербальной реакции коммуникантов.
Мониторинг собственного понимания звучащего сообщения.	Мониторинг собственной речевой деятельности на языке перевода.

Во многом представленные выше трактовки понятия мониторинга соотносятся с понятием *когнитивного мониторинга*, введенным Дж. Флейвеллом. Когнитивный мониторинг (или регуляция) определяется взаимодействием метакогнитивных знаний, метакогнитивного опыта/переживаний, целей (или задач) и действий (или стратегий) [14]. Мониторинг формирует дополнительное знание о когнитивной стратегии (ее удачном, неудачном характере) и позволяет регулировать ее последующее использование — продолжить, отказаться, скорректировать. Именно исследования метакогнитивных способностей переводчика подчеркивают роль рефлексии в переводческом процессе.

С. Браун отмечает, что операции мониторинга не подразумевают простое самоисправление переводчика: мониторинг (и, соответственно, метакогниция) лежит в основе эволюции переводческих решений в условиях ограничений коммуникации по видеосвязи. Важными аспектами мониторинга при этом являются гибкость (умение отойти от традиционно выдвигаемых требований

к переводчику), а также приобретаемое умение предвосхищать потенциальные трудности (встретившись с трудностью несколько раз, переводчик в дальнейшем использует более эффективную стратегию для ее решения или предотвращения) [11].

Описание особенностей мены коммуникативных ролей в процессе общения по видеосвязи с участием переводчика, а также систематизация используемых переводческих операций, соотнесенные с контент-анализом ретроспективного комментария, позволяют выявить некоторые особенности метакогниции переводчика и адаптации при работе в гибридной среде.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках пилотных экспериментов по исследованию сценариев ДП по видеосвязи С. Браун заключает, что ввиду низкого качества сигнала и одновременного говорения коммуникантов эффективный ДП в последовательном режиме принципиально невозможен, и принимает решение обратиться к экспериментальному исследованию удаленного синхронного ДП. В рассматриваемом нами сценарии переводчик начал выполнять синхронный перевод в наушниках для исключения аудиопомех с места работ (из-за акустики в цехе дискомфорт испытывают все участники коммуникации), однако позднее переключился на абзацно-фразовый ДП без использования наушников.

По замечанию ПЕР, когда ОНР не слышат речь ИНЖ, а также во время перевода реплики на немецкий язык, ОНР параллельно ведут обсуждение работы на русском языке (см. реплики 1.5-1.7 в Примере 1):

«Если я в наушниках, ЗАК и ОНР не слышат ИНЖ, и даже если при этом они видят его на экране, возникает иллюзия общения со мной напрямую: сразу выдаются вопросы и реакции на озвученные инструкции — „ага“, „да“... Это, безусловно, осложняет выполнение инструктажа по намеченному ИНЖ плану».

В условиях удаленной коммуникации ИНЖ также некомфортно говорить в ходе звучания перевода на русский язык.

Пример 1

(1.1) ПЕР: [Фрагмент перевода реплики ИНЖ с немецкого.]

(1.2) ОНР: *Ага, ну, это понятно.*

(1.3) ОНР: *Настройки производятся вот относительно сыпучих материалов, как вы говорили, там один, два, три, они в килограммах, в граммах, какой расчет программы?*

(1.4) ПЕР: [Озвучивает перевод реплики ОНР с русского на немецкий.]

(1.5) ОНР1 [Одновременно с переводом]: *Граммы, я так понял, у него там...*

(1.6) ОНР2: *Граммы?* [Далее неразборчиво.]

(1.7) ОНР1: *Нет, это здесь килограммы, там-то граммы.*

(1.8) ПЕР [Параллельно слушает реплики 1.6 и 1.7, а также реплику ИНЖ в наушниках.]: *Сейчас покажу всё по порядку.*

Пользователь, говорящий по телефону/видеосвязи, может испытывать ощущение не-присутствия (*absent presence*) в социальной ситуации и физическом пространстве, в котором он на данный момент находится [20, с. 117]. Однако ПЕР, обладая профессиональным навыком переключения внимания, стремится одновременно слушать два потока информации:

«Воспринимая инструкции ИНЖ на иностранном языке через наушники, я прислушиваюсь и к разговору ОПР, пытаюсь определить последовательность перевода реплик — переведу я сначала то, что мне сказал ИНЖ, или сначала мне следует перевести то, о чем говорят ОПР, — а также отследить, какая лексика мне для этого понадобится».

Таким образом, ПЕР осознает, что использование гарнитуры может привести к переспросам со стороны ОПР и ЗАК, а также коммуникативным сбоям в результате «раздвоенности» коммуникации, что усложнит процесс перевода.

Пример 2 иллюстрирует начало первого рабочего дня, первый час работы переводчика. В 2.1 ИНЖ задает вопрос, надежно ли затянуты болты, подразумевая определенное соединение. В условиях ограниченного контекста у ИНЖ нет возможности осмотреть и проверить интересующее соединение, что ведет к необходимости вербализации тех действий, которые, по словам ПЕР, «ИНЖ в ином случае выполнил бы сам, не прибегая к помощи ОПР и ПЕР». Работа в ситуации контактной коммуникации не подразумевает ни описания операций, ни осмысления их описания как коммуникантом, так и переводчиком. В рассматриваемой же ситуации подобная вербализация необходима для замещения отсутствующих каналов взаимодействия. Феномен излишней экспликации (*over-elaboration*) в целом характерен для общения по видеосвязи [11].

Как отмечает ПЕР, в 2.2 планировалось максимально точно и полно с использованием словарного соответствия *Verschraubung* — *резьбовое соединение* донести смысл высказывания до ЗАК. При планировании высказывания ПЕР подбирает терминологическое сочетание, понимая, что в немецком языке допустимо использование словосочетания *silberne Verschraubungen* (рус. букв. «серебряные резьбовые соединения»). В ходе синхронного мониторинга ПЕР осознает, что буквальный перевод не позволяет достичь цели, чему находит подтверждение в невербальной реакции заказчика (2.3). В фазе ретроспективного мониторинга, который совпадает по времени с репликой ЗАК (2.5), ПЕР убеждается в том, что цель достигнута. Тем не менее, в 2.8-2.16 ИНЖ видит необходимость повторить озвученную мысль и уточнить задачу, переговорив с ПЕР. Данная тактика частотна для удаленного коммуниканта, и, вероятно, спровоцирована в том числе невозможностью видеть подтверждающие жесты собеседника.

Пример 2

(2.1) ИНЖ: *Ihr habt da silberne Verschraubungen an der Maschine. Sind diese richtig gut festgezogen?* [рус. букв. «У вас на машине есть резьбовые соединения. Они действительно хорошо затянуты?»]

(2.2) ПЕР: *Так, у вас тут, господа, как они, эмм, резьбовые соединения серебряные такие, они хорошо затянуты?*

(2.3) ЗАК: *М-м-м.*

(2.4) ПЕР: *Болты, болты, болты!*

(2.5) ЗАК: *Андрей, протянуто всё? Протяжка сделана?*

(2.6) ОПР: *Да, конечно.*

(2.7) ПЕР: *Ja, alles ist gut gezogen.* [рус. букв. «Всё хорошо протянуто.»]

(2.8–2.16) ИНЖ: [Повторно поясняет то, что необходимо сделать ОПР. ПЕР слушает ИНЖ, ПЕР за восемь речевых шагов на немецком языке уточняет детали необходимых действий со стороны ОПР.]

(2.17) ПЕР: *Mhm. Moment.*

(2.18) ПЕР: *То есть, он хочет проверить, протянуты [или] нет; вы говорите — да. Давайте, чтобы он убедился, быстренько еще вот просит проверить, можно если.*

(2.19) ПЕР: *Mhm. Wir holen jetzt Werkzeug.* [пауза] *Wir holen jetzt Werkzeug. Und wir machen das.* [рус. букв. «Мхм. Мы сейчас принесем инструменты. [пауза] Мы сейчас принесем инструменты. И мы сделаем это.»]

(2.20) ЗАК: *Нам надо время тогда, может быть.*

(2.21) ПЕР: *Mhm. Wir brauchen Zeit. Willst du jetzt warten oder wir rufen dich später an?* [рус. букв. «Нам нужно время. Ты хочешь подождать, или мы тебе позже перезвоним?»]

В 2.17 и 2.19 мы наблюдаем, как ПЕР перед выполнением перевода вербально и с использованием паралингвистических средств и дискурсивных частиц сигнализирует ИНЖ о необходимости смены коммуникативной роли. Наш материал показывает, что если при контактном ДП переводчик может переходить на нашептывание или начинать перевод, пока говорящий не закончил реплику, то при видео-опосредованном переводе такие тактики в совокупности с помехами аудио- и видеосигнала приводят к дезориентации удаленного участника и еще большей фрагментации дискурса¹. Таким образом, вербализация интенции при смене коммуникативных ролей — одна из немногих тактик, которые позволяют эффективно строить коммуникацию в рассматриваемой КСП.

Реплики 2.18-2.21 демонстрируют, какое место² ПЕР отводит себе в описываемой ситуации: он находится «на стороне» ЗАК и ассоциирует себя с ЗАК

¹ См., например, обзор Ж. Дево о фрагментированном характере дискурса при переводе видеоконференцсвязи на судебных заседаниях [15, с. 93, 110].

² Б. Энглунд Димитрова и Э. Тиселиус, сравнивая ДП начинающего и опытного переводчика, показывают, что сформированное понимание профессиональной задачи (professional self-concept) позволяет переводчику более эффективно осуществлять контроль смены коммуникативных ролей в ДП. Кроме того, как показывает исследование Ж. Дево, переводчик, выполняющий ДП в режиме видеоконференцсвязи, по-иному строит свою пространственно-ролевою модель (role-space model) в аспектах презентации, контроля взаимодействия коммуникантов и др. [15, с. 111].

и ОПР, используя местоимение *wir* (рус. мы), а также местоимение «он», когда поясняет ОПР интенцию ИНЖ. Комментарий ПЕР позволяет судить о том, что основанием для такой тактики являются три фактора: пространственный, этический и лингвокультурный.

В 2.19 наблюдается вербальная реакция переводчика на поведение ОПР: данная реплика — результат мониторинга действий ОПР и ЗАК, трактовки понимания их невербального поведения. Данное высказывание не является переводом (в классификации С. Ваденшьё — *a non-rendition* [19]): ПЕР дает понять ИНЖ, что его интенция реализована — предпринимаются действия согласно озвученным инструкциям, и описывает суть этих действий. ПЕР отмечает, что пояснение ситуативных смыслообразующих компонентов речевого взаимодействия осуществляется для ориентирования удаленного участника в ситуации (ср. 2.21), а также в целом для повышения эффективности командного взаимодействия, ускорения принятия решений (ср. реплика 3.21 в Примере 3).

Диалог, представленный в Примере 3, происходит рано утром во второй день работы. У ПЕР уже сформирован некоторый когнитивный опыт: есть понимание процессов, он более уверенно владеет терминологией и осмысляет звучащий текст. Ориентирование в ситуации снимает часть трудностей, более эффективно работает механизм вероятностного прогнозирования [7]. Тем не менее, вследствие когнитивной перегрузки первого дня работ (большой объем новой информации, погружение в тематику), в отсутствие устойчивого системного представления о специфике производства, активный синхронный и ретроспективный мониторинг порождаемого высказывания приводит к дополнительным уточнениям со стороны переводчика (ср. 3.1 и 3.3).

Пример 3

[Диалогу предшествует обсуждение ЗАК и ПЕР необходимости сообщить ИНЖ информацию о содержании кобальта в предускоренной смоле.]

(3.1) ПЕР: *Wir haben die Informationen zum vorbeschleunigten Harz bekommen...*

Ой ээ извините нет, это же предускоренная не **смола** же. А...

(3.2) ЗАК: *Нет, в нашей...*

(3.3) ПЕР: *...предускоренный **отвердитель**?*

(3.4) ЗАК: *...в нашей, в нашей предускоренной смоле...*

(3.5) ПЕР: *А, **смола** предускоренная. Всё. Всё правильно значит.*

(3.6) ЗАК: *...однопроцентного кобальта один и два процента.*

(3.7) ПЕР: *Мхм. А-а...*

(3.8) ЗАК: *У нас предускоренная смола.*

(3.9) ПЕР: *...er enthält... Mhm, *Имя ИНЖ*? [рус. букв. «...она содержит... Мхм, *Имя ИНЖ*?»]*

(3.10) ИНЖ: *Kannst du mich jetzt hören? [рус. букв. «Ты сейчас меня слышишь?»]*

(3.11) ПЕР: *Super... Mhm, perfekt! [рус. букв. «Супер... Мхм, отлично!»]*

(3.12) ИНЖ: *Das ist gut. Das ist gut. Eh, du sagtest gerade hier, du hast Informationen vom Harz bekommen, ja? [рус. букв. «Это хорошо. Это хорошо. Ты только что сказала, что получила информацию о смоле, да?»]*

(3.13) ПЕР: *Ja, ja.* [Да, да.]

(3.14) ИНЖ: *Welche sind das genau?* [Какую именно?]

(3.15) ПЕР: *Der 1-prozentige Cobalt ist drinnen und davon ein komma zwei Prozent.* [рус. букв. «В ней однопроцентный кобальт, и его 1,2 процента.]

(3.16) ИНЖ: *Alles klar, das schreibe ich mir mal kurz auf. Ich hab ' ja eure Daten [auf dem] Blatt...* [рус. букв. «Всё понятно, сейчас я себе это быстренько запишу. У меня тут все ваши данные...»]

(3.17) ПЕР: *У меня тут все ваши данные, я сейчас это запишу тогда себе.*

(3.18) ЗАК: *Da, по нашей предускоренной смоле.*

(3.19) ПЕР: *Also in unserem vor... im Voraus beschleunigten Harz vom ein-prozentigen Cobalt... eh... gibt's da drinne ein komma zwei Prozent.* [рус. букв. «Так вот, в нашей пред... заранее ускоренной смоле однопроцентного кобальта... э-э... его там внутри 1,2 процента.»]

(3.20) ИНЖ: *Okey, alles klar, dann weiß ich Bescheid.* [рус. букв. «Окей, всё понятно, значит, прояснили.»]

(3.21) ПЕР: *Всё понятно. Так, я записываю.* [вдох] *Mhm, что, спросить про план?*

(3.22) ЗАК: *Да план-то* [неразборчиво]

(3.23) ИНЖ: *So. Em. Ja, dann würde ich vorschlagen, dass wir auch direkt anfangen und vielleicht das Peroxid befüllen.* [рус. букв. «Так. Эм. Да, тогда я бы предложил уже сразу начать, и, наверное, залить перекись.»]

Избыточным является переспрос в реплике 3.1: ПЕР использует верный эквивалент термина (*предускоренная смола* — *das vorbeschleunigte Harz*), однако сомневается в выбранном соответствии и сразу же задает ЗАК дополнительный вопрос. На первом этапе анализа мы допустили, что данный ход связан с ограничениями объема оперативной памяти. Однако ретроспективный комментарий позволил выявить, что поправка связана именно с осмыслением сделанного выбора, т. е. синхронным мониторингом порождаемого сообщения. Этот пример иллюстрирует, что память переводчика, как отмечает М. С. Фирстов, не механическая — ее скорее можно охарактеризовать, как «запоминание мышлением» [7, с. 145]. По словам ПЕР, исходный фрагмент был понятен, перевод выполнен очень быстро, а в момент переспроса была выстроена логическая цепочка:

«В данном случае меня смутило, что смола — предускоренная... Есть четыре компонента: смола, перекись, ускоритель — кобальт, и краска. Раз смола предускоренная, я решила, что это, должно быть, ускоритель отверждения, в этом качестве и используют кобальт, а ускоритель отверждения, в свою очередь, используется наряду с пероксидом — отвердителем. В голове возникла путаница, и вот уже у меня получился „предускоренный отвердитель“, чего в принципе быть не может».

Вероятно, именно подобные интуитивно-эвристические действия, «непредсказуемые „озарения“» основаны на тезаурусе когнитивного опыта, в терминологии М. Я. Цвиллинга [8, с. 98-99].

В переводе с немецкого ПЕР выдерживает логику речевых ходов, очевидно также контролируя то, как содержание озвучиваемого перевода соотносится с прозвучавшим ранее переводом — т. е. следит за структурно-семантической связностью собственных реплик. При условии выдерживания логики последовательных речевых ходов (ср. *запишу* как намерение в 3.17 и *записываю* как его реализация в 3.21) избыточные повторы не влияют на ход и успешность коммуникации. Однако, как мы видим, фрагментированный характер взаимодействия в гибридной среде подразумевает достаточно большое количество когнитивных усилий для координации различных аспектов коммуникации. В реплике 3.19 вместо перевода озвученной ЗАК реплики (3.18) переводчик прибегает к повтору (ср. 3.15 и 3.19), хотя вопрос, казалось бы, решен: «...да, присутствует мотив самоконтроля и контроля ИНЖ, я ему, получается, диктую, повторяя информацию, которая ему нужна». На этапе декодирования сообщения ПЕР распознает функцию высказывания ЗАК, но реализует собственную «не вполне осознаваемую» интенцию для контроля за эффективностью коммуникации.

Модерация коммуникации становится, по негласному соглашению всех сторон, дополнительной функцией ПЕР, которую он добровольно берет на себя. Таким образом, мониторинг осуществляется ПЕР не только для выполнения своих прямых обязанностей языкового посредника, но и для структурирования взаимодействия. Более того, в реплике 3.9 ПЕР, наблюдая за ИНЖ на экране телефона, понимает, что ИНЖ не слышит перевод, что порождает реплики 3.9-3.14. Соответственно, ПЕР также неизбежно осуществляет контроль за работой устройства связи, соотносит переключение между ситуациями общения и собственные моторные реакции (ср. перемещение с видеокамерой в пространстве по запросу ИНЖ). Вероятно, подобный навык переключения может отрабатываться, как и навык переключения в процессе переводческой записи. Из всех аспектов, мониторинг которых осуществляется переводчиком на разных этапах его деятельности, наименьшее значение придается презентации и соблюдению норм языка перевода (ср. нарушение порядка слов, согласования частей предложения). Схожий вывод делает и С. Браун в исследовании удаленного синхронного ДП [11].

Заключение

Рассмотренная ситуация иллюстрирует особенности когнитивно-коммуникативной деятельности переводчика в условиях гибридной среды. Одновременное взаимодействие в физическом и виртуальном пространствах усложняет коммуникацию и обуславливает включение механизмов адаптации при решении переводческих задач.

Видео-опосредованный характер коммуникации определяет ряд наблюдаемых особенностей. Необходимость ориентирования в ситуации «на месте» и установления общего контекста с удаленным коммуникантом снижает темп диалога, приводит к повторам, порождает избыточность, которую переводчик традиционно стремится свести к минимуму. В условиях ограничений гибридной

среды переводчик может излишне фокусироваться на организационной стороне процесса ДП. Ограниченность средств контроля мены коммуникативных ролей вынуждает переводчика брать на себя функции модератора коммуникации, что не всегда уместно с точки зрения этики перевода.

К традиционным задачам ДП — собственно переводу и координации коммуникации — добавляется необходимость контроля визуальной составляющей общения. Подобная медиамногозадачность означает увеличение аспектов когнитивного мониторинга, что потенциально может вести к снижению концентрации внимания и влиять на качество перевода. Особую трудность представляет ориентирование в ситуации многостороннего общения, когда все участники говорят одновременно, не принимая во внимание ситуацию общения «на другом конце провода».

Таким образом, фрагментированное взаимодействие в гибридной среде повышает непредсказуемость логики перехода от проблемной ситуации к ее решению, идентификации коммуникативно-релевантных смыслов и вероятностного прогнозирования в процессе перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войскунский А. Е. Многозадачность в виртуальной среде: эмпирическое исследование / А. Е. Войскунский, Е. М. Хохлова, О. В. Митина, Е. А. Дорохов // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2020. № 4. С. 129-142.
2. Гарбовский Н. К. Мифы о переводе: от Вавилона до «цифры» / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы X Международной научной конференции. Москва: Издательство Московского университета. С. 65-80.
3. Костикова О. И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе / О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2011. № 2. С. 3-22.
4. Краева С. С. Опыт описания коммуникативных особенностей устного перевода по видеосвязи в ходе пуско-наладочных работ / С. С. Краева, Е. С. Краснопеева // «MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция»: Материалы VI Международной научной конференции (Челябинск, 23-25 ноября 2021 г.). Часть 2 / под ред. А. А. Морозовой. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2021. С. 32-37.
5. Краснопеева Е. С. Дистанционный устный перевод: терминология, таксономия и ключевые направления исследования / Е. С. Краснопеева // Научный диалог. 2021. № 11. С. 143-167.
6. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / В. В. Сдобников. Москва: Флинта: Наука, 2016. 464 с.
7. Фирстов М. С. Порядок операций при последовательном переводе и необходимые специфические компетенции / М. С. Фирстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 588. С. 142-155.

8. Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках. Сборник научных статей / М. Я. Цвиллинг. Москва: Восточная книга, 2009. 288 с.
9. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода / Г. В. Чернов. Москва: ЛЕ-НАНД, 2019. 208 с.
10. Чистова Е. В. Мультиканальность и мультимодальность восприятия в когнитивной деятельности переводчика-синхрониста / Е. В. Чистова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12 (9). С. 337-342.
11. Braun S. Interpreting in small-group bilingual videoconferences. Challenges and adaptation processes / S. Braun // *Interpreting*. 2007. Vol. 9. No. 1. Pp. 21-46. DOI: 10.1075/intp.9.1.03bra
12. Crabtree A. Hybrid ecologies: understanding cooperative interaction in emerging physical-digital environments / A. Crabtree, T. Rodden // *Personal and Ubiquitous Computing*. 2008. Vol. 12. No. 7. Pp. 481-493.
13. Englund Dimitrova B. Cognitive Aspects of Community Interpreting / B. Englund Dimitrova, E. Tiselius // *Reembedding Translation Process Research*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016. Pp. 195-214. DOI: 10.1075/btl.128.10eng
14. Flavell J. H. Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry / J. H. Flavell // *American Psychologist*. 1979. Vol. 34. No. 10. Pp. 906-911.
15. *Interpreting and Technology* / edited by C. Fantinuoli. Berlin: Language Science Press, 2018. 159 pp. DOI: 10.5281/zenodo.1493281
16. Mellinger C. D. Computer-assisted Interpreting Technologies and Interpreter Cognition: A Product and Process-Oriented Perspective / C. D. Mellinger // *Revista Tradumàtica. Tecnologies de la Traducció*. 2019. No. 17. Pp. 33-44. DOI: 10.5565/rev/tradumatica.228
17. Pöchhacker F. "Going Video." Mediality and Multimodality in Interpreting / F. Pöchhacker // *Linking Up with Video: Perspectives on Interpreting Practice and Research*. 2020. Pp. 13-45.
18. Remkhe I. N. Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an Integrated Approach / I. N. Remkhe, L. A. Nefedova, D. C. Gillespie // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Vol. 21. No. 4. Pp. 910-926.
19. Wadensjö C. The Double Role of a Dialogue Interpreter / C. Wadensjö // *Perspectives: Studies in Translatology*. 1993. No. 1 (1). Pp. 105-121.
20. Yus F. *Smartphone Communication: Interactions in the App Ecosystem* / F. Yus. 1st edition. London: Routledge, 2021. 330 pp.

Ekaterina S. KRASNOPEYEVA¹

Svetlana S. KRAEVA²

UDC 81'25

**INTERPRETER ADAPTATION IN HYBRID ECOLOGY:
THE CASE OF VIDEO-MEDIATED COMMISSIONING
OF EQUIPMENT***

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Theory and Practice of Translation/Interpreting,
Chelyabinsk State University
krasnopeyeva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3503-1849

² Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Theory and Practice of Translation/Interpreting,
Chelyabinsk State University
kraeva.svetlana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2039-402

Abstract

Video-mediated interpreting is a relatively new object of research, which requires integration of theoretical and methodological frameworks of translation studies, communication theory, media theory, and cognitive science.

This paper examines the way an interpreter adapts to a hybrid environment, which merges communication in physical and virtual spaces. We describe the case of dialogue interpreting during the commissioning of equipment supervised by an instructor via video link. The study is based on transcripts as well as the interpreter's retrospective commentary. The interpreter's decision-making is examined through the lens of metacognition theory and monitoring processes.

* This research is supported by the President's Grant for the State Support of the Young Russian Candidates of Sciences (Project No. MK-73.2021.2).

Citation: Krasnopeyeva E. S., Kraeva S. S. 2022, "Interpreter adaptation in hybrid ecology: the case of video-mediated commissioning of equipment". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 6-23. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

Among the key factors determining the complexity of this job, are the nature of dialogue interpreting in an industrial shop floor, and the limitations of video communication via a smartphone. In addition to the relaying and coordinating functions common to dialogue interpreting, in a hybrid ecology interpreter also monitors the status of the communication device. This kind of media-multitasking may result in additional cognitive monitoring, potentially leading to reduced attention span and affecting the interpreting quality. Additionally, the interpreter actively contextualizes the physical scenario for the remote participant, which leads to over-elaboration, excessive repetition, and addition of non-renditions. While many turn-taking devices are not available in video-mediated communication, the interpreter resorts to verbal turn-taking patterns and ultimately takes control of communication. In a hybrid environment, the logic of transition from a problematic situation to its solution becomes more unpredictable. The fragmented nature of interaction challenges the identification of relevant meanings and the process of probabilistic prediction.

Keywords

Translation studies, interpreting, dialogue interpreting, computer-mediated interpreting, video-mediated interpreting, metacognition, hybrid ecology.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

REFERENCES

1. Voyskunskiy A., Khokhlova E., Mitina O., Dorokhov E. 2020. "Multitasking in a Virtual Environment: Empirical Study". *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kultura i tekhnologii budushchego*, no. 4, pp. 129-142. [In Russian]
2. Garbovskiy N., Kostikova O. 2020. "Myths about Translation: from Babylon to 'Figures'". *Proceedings of the 10th International Conference "Russian Language and Culture Reflected in Translation"*, pp. 65-80. Moscow. [In Russian]
3. Kostikova O. 2011. "The History of Translation: Subject Matter, Methodology, Place in Translation Studies". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda*, no. 2, pp. 3-22. [In Russian]
4. Kraeva S., Krasnopeyeva E. 2021. "On the Interpreter-mediated Communication via Video Link During Equipment Testing and Commissioning". *Proceedings of the 6th International Scientific Conference "MEDIAEducation: Media Inclusion vs Media Isolation"* (23-25 November 2021, Chelyabinsk), pt. 2, pp. 32-37. [In Russian]
5. Krasnopeyeva E. 2021. "Distance Interpreting: Terminology, Taxonomy, and Key Directions of Research". *Nauchnyy dialog*, no. 11, pp. 143-167. [In Russian]
6. Sdobnikov V. 2016. *Translation and the Communicative Situation: Monograph*. Moscow: Flinta Nauka. [In Russian]
7. Firstov M. 2010. "On the Sequence of Operations in Consecutive Interpreting and Specific Competences Required". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 9 (588), pp. 142-155. [In Russian]

8. Tsvilling M. 2009. About Translation and Interpreters. Collection of Research Papers. Moscow: Vostochnaya kniga. [In Russian]
9. Chernov G. 2019. Theory and Practice of Simultaneous Interpretation. Moscow: LENAND. [In Russian]
10. Chistova E. 2019. "Multi-channel Nature and Multimodality of Perception in a Simultaneous Interpreter's Cognitive Activity". *Philology. Theory & Practice*, no. 12 (9), pp. 337-342. [In Russian]
11. Braun S. 2007. "Interpreting in small-group bilingual videoconferences. Challenges and adaptation processes". *Interpreting*, vol. 9, no. 1, pp. 21-46. DOI: 10.1075/intp.9.1.03bra
12. Crabtree A., Rodden T. 2008. "Hybrid ecologies: understanding cooperative interaction in emerging physical-digital environments". *Personal and Ubiquitous Computing*, vol. 12, no. 7, pp. 481-493.
13. Englund Dimitrova B., Tiselius E. 2016. "Cognitive Aspects of Community Interpreting. Toward a process model". In: Muñoz Martín R. (ed.). *Reembedding Translation Process Research*, pp. 195-214. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
14. Flavell J. H. 1979. "Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry". *American Psychologist*, vol. 34, no. 10, pp. 906-911.
15. Fantinuoli C. (ed.). 2018. *Interpreting and Technology*, Berlin: Language Science Press. DOI: 10.5281/zenodo.1493281
16. Mellinger C. D. 2019. "Computer-assisted Interpreting Technologies and Interpreter Cognition: A Product and Process-Oriented Perspective". *Revista Tradumàtica. Tecnologies de la Traducció*, no. 17, pp. 33-44. DOI: 10.5565/rev/tradumatica.228
17. Pöchhacker F. 2020. "'Going Video'. Mediality and Multimodality in Interpreting". In: Salaets H., Brône G. (eds.). *Linking Up with Video: Perspectives on Interpreting Practice and Research*, pp. 13-45. John Benjamins Publishing Company.
18. Remkhe I., Nefedova L., Gillespie D. C. 2017. "Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an Integrated Approach". *Russian Journal of Linguistics*, vol. 21, no. 4, pp. 910-926.
19. Wadensjö C. 1993. "The Double Role of a Dialogue Interpreter". *Perspectives: Studies in Translatology*, no. 1 (1), pp. 105-121.
20. Yus F. 2021. *Smartphone Communication: Interactions in the App Ecosystem*. 1st edition. London: Routledge.

Laura G. RODRÍGUEZ HERNÁNDEZ¹

UDC 81-2.134.2+.161.1

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN AND LATIN AMERICAN IDIOMS

¹ Master of Applied Linguistics, University of Tyumen
pipis.laurita@gmail.com

Abstract

Idioms have aroused the interest of linguists around the world for over a century. From Logan Pearsall Smith (1925), Vinogradov (1946, 1947), Cacciari and Glucksberg (1991), and Fernando (1996), to other contemporary authors such as Kvetko (2009), Negro Alousque (2011), E. Piirainen (2015), C. Ce and S. Chornobay (2016), to mention but a few. Many of the studies of idioms carried out in the last years have analysed idioms from different perspectives and approaches.

The present paper aims to contribute to the cross-linguistic analysis by identifying similarities and differences in idioms in Spanish and Russian languages with an active component. Material includes idioms from 19 Latin American countries as samples of the Spanish language as an attempt to bring the Latin American phraseology into this research field for the first time. The author concentrates on the semantic specifics of these idioms based on the hypothesis that they have some similarities regardless of how geographically distant the two regions are from each other, and that their differences lie only in cultural aspects.

Keywords

Idiom, phraseology, culture, contrastive analysis, equivalence, Latin America.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-24-46

Introduction

In the field of linguistics studies, Phraseology has come to occupy an important place, embracing numerous theoretical approaches. This academic discipline has seen intense

Citation: Rodríguez Hernández L. G. 2022. “Cross-cultural aspects of Russian and Latin American idioms”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 24-46. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-24-46

development since the 1960s thanks to scholars in the former Soviet Union and other countries of Eastern Europe. Comparative phraseology, on the other hand, can rightly be considered one of the mainstays of phraseology. An immense body of literature on comparisons of different types of phraseological units has been produced in North America, Europe, Asia, and, more specifically, in Russia [7, p. 1]. Many of these studies have focused specifically on *idioms*, highlighting similarities and differences between them among different languages.

The study on which this paper is based deals specifically with this type of phraseological unit. As Wood (cited in [17, p. 55]) explains, every language has certain phrases or constructions, which by the normal rules of grammar or syntax are quite inexplicable because their meaning cannot be worked out from the meanings of its constituent words. Native speakers have almost no difficulty in understanding this type of phrases because they are part of their daily speech. Such phrases are called *idioms*. In order to master them, we cannot ignore the importance of the cultural connotation they contain [17, p. 55].

Much of the linguistic research into *idioms* has been done from a cross-linguistic perspective focused on three domains: 1) *description and comparison of structural types of idioms* [14, 15, 30]; 2) *description of thematic groups*, i. e., idioms with constituents from the same semantic field [2, 6, 16, 20, 23, 29], and 3) *types of cross-linguistic equivalents* [8, 28, 33]. The present article focuses on the latter domain.

It was observed that among cross-linguistic studies of European languages, only *idioms* from Spain have been taken as samples of phraseological units from the Spanish language, leaving the rich phraseological tradition of the 33 Latin American countries unexplored. Because of this important finding, the present paper intends to be, precisely, a first serious attempt to bring the Latin American phraseology into this research field. Thus, the aim of this bilateral cross-cultural study is to identify similarities and differences at the semantical level of *idioms* with an active component from Latin America and Russia, as well as to be a great contribution to the phraseology of both cultures.

Methodology

For the purpose of this study, a corpus of 302 idioms with an active component was formed: 188 in Spanish and 114 in Russian. Idioms in Spanish are from 19 Latin American countries: Argentina (A.), Bolivia (B.), Chile (C.), Colombia (Col.), Costa Rica (C.R.), Cuba (Cu.), Dominican Republic (D. R.), Ecuador (E.), El Salvador (Sal.), Guatemala (G.), Honduras (H.), Mexico (M.), Nicaragua (N.), Panama (P.), Paraguay (Par.), Peru (Per.), Puerto Rico (P. R.), Uruguay (U.), and Venezuela (V.). They were selected from two dictionaries: *Big Spanish-Russian dictionary: Latin America* (1998) by A. S. Volkova [35] and *Diccionario de americanismos* (2014) by the Association of Spanish Language Academies (ASALE) [24]. The selection of Russian idioms was carried out in five phraseological dictionaries: *Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language* (2014) by Yu. A. Larionova [18], *Phraseological Dictionary of Modern Russian Literary Language* (2004) by A. N. Tikhonov

(vols. 1 and 2) [32], *Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: approx. 13,000 phraseological units* (2008) by A. I. Fedorov [11], and *Phraseological Dictionary of the Russian language* (2006) by E. N. Telia [31].

The selection of idioms was made taking into account the following characteristics: 1) the idiom contains more than two words; 2) the idiom begins with or contains a verb in infinitive (the active component); 3) the idiom has equivalents in more than 10 countries in Latin America; 4) idioms with isolated reflexive verbs, i. e., those which are not accompanied by other components, were omitted due to their limited informative load.

To analyse these idioms, general scientific and linguistic research methods were used. Among them are contrastive and semantic analysis as well as qualitative descriptive method in order to see the uniqueness of each datum. The research work was divided into three stages:

1. L1/L2 idioms were classified by their active component into 6 semantic fields: “to be poor”, “to be drunk”, “to be with no money”, “to die”, “to escape”, “to fool” — because 1) these are the semantic fields that register the biggest amount of idioms; 2) these idioms have equivalents in more than 10 Latin American countries;
2. Nominative components of L1/L2 idioms were classified into 23 lexical-semantic groups, e. g., “clothes”, “food and drinks”, “traditional items”, “fruits and vegetables”, etc.;
3. Semantic analyses of L1/L2 idioms were performed using the classification of the authors Robert Lado (cited in [2, p. 22]) and Isabel Negro Alousque [22].

Results and discussion

According to the American linguist Robert Lado (1957) [2], there should be seven types of analysis in order to find similarities and differences between two languages: 1) similar forms and meanings, 2a) similar form, different meanings, 2b) similar meanings, different forms, 3) different forms and meanings, 4) different construction, 5) same primary meaning, 6) different connotation, 7) same meaning, but has restrictions regarding the distribution of geographic areas (Lado 1957, p. 82 as cited in [2, p. 22]). In this study, only the first four types are discussed because they are considered the most appropriate for analysing the selected idioms in Spanish and Russian.

1. Similar forms and meanings (full equivalence)

These are the idioms derived from the six semantic fields in Spanish from Latin America and Russian, which have similar meanings and similar forms of expressions. Not a considerable proportion of these idioms are full equivalents, only 16 cases were found. The following are the idioms in both languages that are identical with regard to meaning, syntactic and lexical structure and imagery basis (Table 1).

Table 1

Latin American and Russian idioms with similar forms and meanings

Таблица 1.

Латиноамериканские и русские идиомы с похожими формами и значениями

Latin American idioms	Russian idioms	Meaning
<i>estirar la pata</i> (M., Am.) / to stretch out the leg	<i>протянуть (откинуть, вытянуть) ноги</i> / to stretch (recline, stretch out) your legs	to die
<i>pasar a mejor vida</i> (M.) / to move on to a better life	<i>отойти к лучшей жизни</i> / to go to a better life	to die
<i>irse al otro mundo</i> (M.) / to go off to the other world	<i>отправиться в мир иной (на тот свет)</i> / to go off to the next world (the other world)	to die
<i>ponerle los cuernos a alguien</i> (M.) / to put the horns on someone	<i>наставить рога кому-л.</i> / to put the horns on someone	to fool / to cheat on
<i>parar (alguien) la cola</i> (Am., Sal.) / to raise the tail	<i>показать хвост</i> / to show the tail	to escape
<i>dormir el sueño eterno</i> (Am.) / to eternally sleep	<i>заснуть навеки</i> / to fall asleep forever	to die
<i>dar (entregar, despedir, o exhalar) el espíritu</i> / to give (give up, dismiss, or exhale) the spirit	<i>испустить (выпустить, отдать) дух</i> / to let out, (give back) the spirit	to die
<i>dar el alma (a Dios)</i> / to give the soul (to god)	<i>отдать Богу душу</i> / to give back your soul to god	to die

Estirar la pata / “to stretch out the leg” (in Spanish “pata” is a colloquial word that stands for a person’s leg) = *протянуть (откинуть, вытянуть) ноги* / “to stretch (recline, stretch out) your legs”. Interestingly, both idioms are motivated by a scientific fact: when a body (human or animal) dies, it begins to lose temperature and the muscles stiffen, resulting in an apparently natural stretching of various parts of the body.

Regarding the rest of the idioms from the semantic field “to die”, it is likely that they are what Isabel Negro Alousque, Wotjak and Corpas call full equivalence resulting from the idioms being “interlingual loans” [22]. They come from a religious context, where constituents like “God”, “spirit”, “soul”, “the other world”, “a better life”, and “an endless sleep” contain a biblical reference to heaven. According to some religious beliefs, heaven is a wonderful place that people go to after they die.

Ponerle los cuernos a alguien / “to put the horns on someone” = *наставить рога кому-л.* / “to put the horns on someone”. As recorded by the dictionary of the Real Academia Española (2014), “cuernos” is a colloquial word that stands for a marital infidelity by either a woman or a man, which explains the meaning of the idiom as

being unfaithful to a partner [25]. According to A. I. Fedorov (2018), the same idiom in Russian has two meanings: 1) cohabiting with another man, cheating on your husband; 2) to insult the honour, dignity of a man by cohabiting with his wife. It seems that in both languages the imagery of horns is traditionally associated with a marital infidelity [11].

Parar (alguien) la cola / “to raise the tail” = *показать хвост* / “to show the tail”. Both idioms are almost identical with regard to the imagery basis, and their figurative meaning can be obtained through the metaphoric background of the constituent “tail (raised upwards)” that, in the case of some animals, like dogs, is linked to a state of alertness.

2a. Similar form different meanings (partial equivalence)

These are idioms derived from different semantic fields in Latin American Spanish and in Russian. They have different meanings but similar forms of expressions. From the total of analysed idioms, only 16 cases were found (Table 2).

Table 2.

Latin American and Russian idioms with similar forms and different meanings

Таблица 2.

Латиноамериканские и русские идиомы с похожими формами и разными значениями

Latin American idioms	Russian idioms
<i>hacer la comedia</i> / to make a comedy	<i>сыграть комедию</i> / to play a comedy
<i>torcer alguien la cola (el rabo)</i> (M.) / to twist the tail	<i>вертеть (крутить, вилять) хвостом</i> / to spin (twist, wag) the tail
<i>solo comer frijoles</i> (G., H.) / to eat only beans	<i>сидеть на бобах</i> / to eat only beans
<i>dar la espalda a alguien</i> / to give someone your back	<i>показать спину</i> / to show someone your back
<i>dejar a alguien con tantas (un palmo de) narices</i> / to leave someone with so many noses	<i>оставить с носом</i> / to leave someone with nose
<i>no tener ni segundo calzón</i> (M.) / to not have a second pair of underwear	<i>оставаться в одной рубашке</i> / to stay in one shirt
<i>dar el alma al diablo</i> (M.) / to give your soul to the devil	<i>отдать Богу душу</i> / to give back your soul to God
<i>echarle tierra a alguien</i> (M.) / to dust someone	<i>пускать пыль в глаза</i> / to dust someone's eyes

The similarity in several of these idioms is striking, considering that they belong to geographically distant cultures with different historical and social contexts. We provide some examples below:

Вертеть (крутить, вилять) хвостом / “to spin (twist, wag) the tail” = “to cheat, to deceive”.

Torcer alguien la cola (el rabo) / “to twist the tail” = “to accept what the other person proposes or imposes”.

These idioms are totally identical both in their syntactic and lexical structure, as well as in the imagery basis, but they have completely different meanings. While in Russia, the constituent “tail” has a full negative connotation, in Mexico, this same constituent can be linked to a personal characteristic of weakness (not necessarily a negative characteristic) and lack of character for allowing or accepting what someone else imposes.

Сидеть на бобах / “to eat only beans” = “to be left with no money, with nothing, having cheated in the calculations”.

Solo comer frijoles / “to eat only beans” = “to have to eat only cheap food for a specific reason”.

The constituent “bean” is one of the most popular among Latin American phraseological units of any type as observed in the *Big Spanish-Russian Dictionary: Latin America* (2020), which is explainable, since beans have been a traditionally important element in Latin America as a staple food in the diet of that region. Interestingly, in these two idioms the constituent “bean” is directly or indirectly associated with poverty: a cheap food consumed by poor people. Although they are identical in their syntactic and lexical structure, imagery basis, and the main constituent is associated with the same concept (poverty), they have meanings applied to totally different (and even opposite) contexts.

Оставаться в одной рубашке / “to stay in one shirt” = “to be with no money”.

No tener ni segundo calzón / “to not have a second pair of underwear” = “to be very poor”.

These idioms have different lexical structures. However, in the imagery basis, they are similar: there is no second shirt and no second pair of underwear. Their constituents belong to the same lexicosemantic group of “clothes” (shirt and underwear) and are metaphorically linked to the economic situation of a person, the difference lies in the degree of the economic situation, which, of course, defines the contexts in which they can be used.

Пускать пыль в глаза / “to dust someone’s eyes” = “to give a false impression of yourself to someone”.

Echarle tierra a alguien / “to dust someone” = “to slander someone”.

These two idioms are similar in their lexical and syntactic structure and, to some extent, in the imagery basis (the Mexican idiom does not specify the part of the body dusted by the subject). In both, the constituent “dust” has a negative connotation; yet, their meanings are different.

2b. Similar meanings, different forms (partial equivalence)

These are the idioms derived from the six semantic fields in Latin American Spanish and Russian, which have similar meanings and even constituents, but different forms of expressions; 21 cases have been found (Table 3), which makes this the second most common type of cross-linguistic idiom among those analysed here.

Table 3.

Latin American and Russian idioms with similar meanings and different forms

Таблица 3.

Латиноамериканские и русские идиомы с похожими значениями и разными формами

Latin American idioms	Russian idioms	Meaning
<i>hacerle a uno teatro</i> (M., Col.) / to make someone a theatre	<i>сыграть комедию</i> / to play a comedy	to fool / to trick
<i>dejar el cacaste (trabajando)</i> (M., H., N., Sal.) / to leave your skeleton (working)	<i>сложить свои кости</i> / to fold your own bones	to die
<i>ponerle los ojos verdes a alguien</i> (B.) / to paint someone's eyes green	<i>замазывать (замазать) глаза кому-л.</i> / to cover someone's eyes with something colouring	to fool / to trick
<i>no tener uno un cobre</i> (M., S. Am.) / to not have a single cobre coin	<i>не иметь не гроша (за душой)</i> / to not even have two kopek coins (for the soul)	to be left with no money
<i>no tener uno ni un quinto</i> (M.) / to not have a single quinto coin		
<i>tener unas chirolas</i> (A., Par., U.) / to have some chirola coins	<i>перебиваться с копейки на копейку</i> / to make a living from kopek coins to kopek coins	to be poor
<i>estar de bola</i> (D. R.) / to be a ball	<i>налить (залить) шары</i> / to pour balls	to be drunk
<i>estar como bola</i> (P. R.) / to be like a ball		
<i>andar (ponerse, estar) hasta las chanclas</i> (M.) / to be full from head to sandals	<i>нализаться в стельку (как стелька)</i> / to get drunk to the insole	to be drunk
<i>estar hasta la zapatilla</i> (P.) / to be full from head to slippers		
<i>prometer las perlas de la virgen</i> (M.) / to promise the Virgin's pearls	<i>обещать золотые горы</i> / to promise golden mountains	to fool / to trick
<i>darle capú a uno</i> (D. R., P. R., Cu.) / to give somebody the capú	<i>играть в кошки-мышки</i> / to play the game "little cats and mice" with somebody	to fool / to trick

As observed in Table 3, the difference in the constituents of most of these idioms lies mainly in cultural aspects. Some clear examples of this are *darle capú a uno* and *играть в кошки-мышки*. "Capú" is a popular children's game in Dominican Republic and Puerto Rico. The game consists of knocking an object out of your opponent's hands and getting hold of it, which is probably why it is associated with fooling or tricking someone. In Russia, "кошки-мышки" is also a children's game in which the players stand in a circle, holding hands, and prevent the "cat" from catching the "mouse". Both idioms have in their structure the same constituent: a children's game, and in both cas-

es, the game is associated to the act of fooling, tricking, cheating on someone, even though their syntactic and lexical constructions are completely different.

Another illustrative example that stands out in this category is *ponerle los ojos verdes a alguien* and *замазывать (замазать) глаза кому-л.* In both idioms, the figurative meaning stands for painting or covering someone's eyes with some kind of colouring liquid. However, in the Bolivian expression, the colour plays an important role: "green eyes" is associated with fooling or tricking, while "white eyes" in the expression *poner alguien los ojos en blanco* / "to make your eyes white", e. g., denotes great admiration or astonishment according to the dictionary of the Real Academia Española [25].

Among the most colourful examples in this category, two other phraseological expressions stand out: *prometer las perlas de la Virgen* / "to promise the Virgin's pearls", and *обещать золотые горы* / "to promise golden mountains". These idioms have in their structure the same action: to promise something. Their main nominative constituents are different: in the Mexican idiom — pearls, in the Russian one — gold, but they are metaphorically similar considering that both constituents are high-value objects: the pearls that belong to a saint of the Christian tradition, and gold in large quantities; both are associated with trickery.

Other items such as a country's currency are part of the list of nominative constituents frequently present in the structures of the idioms analysed here. An example of this are *no tener uno un cobre* / "to not have a single cobre coin"; *no tener uno ni un quinto* / "to not have a single quinto coin"; and *не иметь не гроша (за душой)* / "to not even have two kopek coins (for the soul)". The difference in the syntactic and lexical structures of these expressions lies purely on a cultural basis, since their constituents are traditional items: "cobre coins" from Mexico and South America, "quinto coins" from Mexico, and "kopek coins" from Russia. If a similar idiom existed in Argentina, Bolivia, Chile, Paraguay, and Uruguay, it would probably contain in its structure the constituent "chirola" as it is their currency.

3. Different forms and meanings (non-equivalence)

These idioms are derived from the six semantic fields in Spanish from Latin America and Russian, which have not only different meanings but also different syntactic and lexical structures, as well as different imagery basis. A vast majority of idioms analysed here belong to this group: 169 Latin American idioms and 91 Russian idioms (260 in total). It was noted that most of the non-equivalence of these idioms is, obviously, culturally based. Therefore, we have used the classification proposed by Isabel Negro Alousque [22] in order to find the type of cultural non-equivalence that these idioms register (Table 4).

1) *Idioms with a culture-specific constituent.* As can be seen in Table 4, the analysis shows that the lack of equivalence in 141 Latin American and Russian idioms is because in their structure, there are constituents, which are specific and unique to a certain cultural community. This culture-specific constituent can be anything from a traditional item, clothes, dishes, and drinks, fruits and vegetables, plants, animals, utensils, materials used in construction to even furniture. We provide some examples:

Table 4.

Latin American and Russian idioms with different forms and meanings

Таблица 4.

Латиноамериканские и русские идиомы с различными формами и значениями

Non-equivalence type of idiom	L. A. idioms		R. idioms		Total
	Freq.	%	Freq.	%	
1) with a culture-specific constituent	107	63.3	34	37.3	141
2) evoke an aspect of the target culture	29	17.1	29	31.8	59
3) from culturally relevant domains	11	6.5	21	23.1	31
4) built upon a stereotype	19	11.2	2	2.2	21
5) interlingual loan	1	0.6	4	4.4	5
6) undefined	2	1.2	1	1.1	3

Traditional items

Petate — a mat made of woven palm branches for multiple uses. In Latin America, it is also considered a deathbed.

doblar (liar) el petate (M, C. Am.) / “to roll up the petate”; *arrollar los petates* (C. R.) / “to wrap up the petates”; *quedar en el petate* (N.) / “to stay lying down on the petate”; *no tener ni un petate en que caer muerto* (N.) / “to have no petate on which to die”

Reverbero — a small appliance used for heating water or cooking food, powered by alcohol (Am.). In Cuba, it is also a person who viciously drinks alcoholic beverages.

heder a reverbero (Cu.) / “to smell like an alcohol burner”

Копейка — a Russian unit of money equal to one hundredth of a rouble, as well as a small coin of that denomination.

остаться без копейки / “to stay without any kopek coin”

Конек — skate, a boot with a metal part on the bottom, used for moving across ice.

отбросить коньки / “to throw away the skates”

Traditional dishes and drinks

Machorrucio — a Colombian soup made of boiled corn and vegetables.

meterle (jugarle) a uno machorrucio (Col.) / “to make somebody eat machorrucio”

Rosquete — biscuit, usually circular in shape, made of coarse cornmeal and sugar. It is considered a variant of the Easter doughnut (C. Am., M., C. R., Par.).

entregar el rosquete (A., Par., U., B.) / “to hand over the sweet biscuit”

Сало — traditional Russian food consisting of cured slabs of fatback.

подмазать (смазать) пятки салом / “to lubricate someone’s heels with salo”

Крендель — pretzel, a twisted (usually muffin) bun in the shape of a B or the number 8. For a long time, pretzels were baked only on public holidays.

выделывать ноги кренделя / “to make pretzel legs (move in zigzags)”

Atole — also called **atol** in Guatemala, Nicaragua and El Salvador, and **atolillo** in Costa Rica. It is a hot, thick drink made from maize. According to the Mexican newspaper *Zócalo* [3], atole was prepared to give thanks for the fertility of the land and as an offering to the dead.

dar atole/atol/atolillo con el dedo a alguien (M., C. Am., H.) / “to give someone atole with your finger”

Tepache — a Mexican pre-Hispanic beverage made of corn and aromatic herbs. The word comes from the Náhuatl “*tépiatl*”. Mesoamerican peoples used it in religious cults.

regar el tepache (M.) / “to water the tepache”

Traditional clothes

Poncho — a warm garment consisting of a square or rectangular blanket, made of sheep’s, alpaca or vicuña wool, with an opening in the centre for the head to pass through.

perder hasta el poncho (A.) / “to lose even the poncho”; *alzar el poncho* (A.) / “to lift up the poncho”

Caite — a coarse leather sandal worn by indigenous people or peasants, consisting of a thick sole and straps attached to it that cross over the instep (C. R., Sal., G., H., N.).

doblar el caite (Sal.) / “to fold the sandal”; *colgar los caites* (C. R.) / “to hang up the shoes”; *dar agua a los caites* (C. Am.) / “to give water to the sandals”

Лапша — a common dish known as noodles, made from plain flour and unleavened dough (in contrast to the similarly composed and eaten vermicelli, pasta and spaghetti made from durum wheat flour). It is present in the Russian cuisine.

вешать лапшу на уши / “to hang noodles on someone’s ears”

Квас — a sour drink made with water from rye bread or rye flour and malt. Present in the Russian cuisine.

перебиваться с хлеба на квас / “to make a living from bread to kvass”

Конек — skate, a boot with a metal part on the bottom, used for moving across ice.

отбросить коньки / “to throw away the skates”

Лапоть — woven peasant shoes made of bast or rope, covering all sides of the foot.

обувать (обуть) кого-л. в (чертовы) лапти / “to put someone on woven shoes”; *плести (сплести) лапти* / “to weave peasant shoes”

Within this category, terms (as nominative constituents) from specific regions that have no equivalent in others were also included. According to the dictionaries in Russian and Spanish language consulted for the purposes of this study, the following words are particular to a region and, sometimes, are used only in a specific expression:

Palomera — the back of the trousers. This word from Colombia has no equivalent even in other Latin American countries.

salir por la palomera (Col.) / “to get out from the back of the trousers”

Catitear — it is a verb from Argentina and Uruguay that means to entangle a paper kite.

estar catiteando (A.) / “to be with tangeling a kite”

Carraplana — it is a term from Venezuela that stands for total poverty, misfortune, disaster and collapse.

estar en la carraplana (V.) / “to be poor”

Вензеля — the initial letters of a first and last name or two names linked together in a common pattern. *Писать вензеля* / “to write letters when the legs move in zigzags”.

Мыслете — the obsolete name of the letter “m” of the Russian alphabet.

писать мыслете / “to write the old name of the letter ‘m’”

Фуфу — another word very often used in Russian phraseology. It stands for “not thoroughly, frivolously, somehow”.

поднимать на фуфу / “to rise someone in a fu-fu style”

2) *Idioms that evoke an aspect of the target culture.* The Russian language has the highest percentage of such idioms (31.8%). A total of 59 cases in both languages have been found. Among the aspects evoked by these idioms are, e. g., customs, traditions, literary works, historical events and figures, as well as cultural practices of specific countries. The following are some examples:

Customs and traditions

hacer cuadrilla (E.) / “to make a cuadrilla dance”

An idiom based on the festivities of San Juan, Ecuador. In his book *Leyendas y tradiciones del Ecuador*, H. Garcés Paz [13, p. 119] describes this tradition in which groups of men and women in costume danced in the square in pursuit of entertainment.

hacerle a uno de chivo los tamales (M.) / “to cook goat tamales for somebody”

In Mexico the traditional tamales are made of pork meat, so it is believed that the origin of this idiom is that someone cooked them with goat meat (because they did not have pork meat) and lied about the flavour of the tamals.

дать дуба / “to give an oak-tree”

The main constituent of this idiom stands for a large deciduous tree of the beech family with staple wood and acorn fruits. According to the Russian Language Blog (online version from 2021 [27]), it is likely that the idiom came from the old Russian tradition of burying people under the oak trees and also from Slavic rituals connected to Perun, a God who is often represented by a sacred oak tree.

не иметь ни кола ни двора / “to not have either a stake or a yard”

According to the dictionaries consulted here, in the 19th century in Russia, кол was a strip of arable land two fathoms wide (about 4 m). In this sense, not having a кол (stake) meant not having a field, and not having a двор (yard) meant not having a house and living with others.

ponerle la cacona a uno (D. R.) / “to dress sb. up in a cacona costume”

This idiom makes much sense, it means to die, and it comes from the tradition of dressing a child with a “cacona” that is a gala costume, usually worn for baptism or burial.

быть во хмелю / “to be under the mulberry plant”

The word *хмель* was found in the 11th c. in written sources belonging to the Old Russian language period. This term stands for “a climbing plant of dried inflorescences which are used in brewing”, which is probably the reason why it is associated to drunkenness [9].

Historical events

irse a vivir a los caños (A.) / “to move in to the canals”

It is one of the most popular idioms in Argentina. According to Roberto Bongiorno and Juan Pizzorno [5], it emerged during the so-called Crisis of the Thirties, when the world economic depression hit Argentina particularly hard. In those years, the classic landscape of large pipes piled up on the side of roads and highways began to appear. Soon these pipes became the homes of the poor.

llevarse el tren a uno (M.) / “the train takes somebody away”

According to the Mexican newspaper *Milenio Diario* [21], at some point in the 20th century, during the Mexican revolution, trains were used to move troops of soldiers from one side of the country to the other, which meant being in danger and even dying when travelling to a war zone.

откинуть (отбросить) копыта / “to throw back (throw away) the hoofs”

The Russian author D. Absentis (2014) speculates in his book *Christianity and Ergot* about the etymology of this idiom that may be associated to horse diseases. He explains that, in the past, the hooves of some animals fell off from the disease ergot, and others would get them off during drastic epidemics in order for them to survive [1].

ласты склеить / “to glue the flippers together”

According to Yu. Matyushko, this idiom comes from prison jargon, where the word *ласты* was used to refer to the hands of the prisoners. It is said that when a prisoner was dying, his hands were folded on top and glued together [19].

Historical figures

Idioms that include a historical character have only been found in the Russian idioms selection. These historical figures are the Colonel Rayevsky and Prince Svyatoslav. The first one is considered the author of two popular expressions classified within the semantic field “to drink”: *закладывать (заложить) за галстук* / “to put it behind a tie”, and *заливать (залить) за воротник* / “to flood it behind the collar”. According to V. V. Vinogradov (2013), these two expressions came from the military environment, a place where the verb *заложить* is widely spread (*заложить заряд, мину, etc.*), and he states that there is a testimony of Prince Pyotr Andreyevich Vyazemsky about the time of origin of this expression [34].

The latter (Prince Svyatoslav) is considered the inventor of the expression *лечь костьюми (головой, грудью)* / “to lie down with your bones (head, chest)”. As V. Grachikov recorded in his platform (article from 2018, February 10 [12]), historically,

this expression has been attributed to Prince Svyatoslav, who said these words before the battle with the Byzantine soldiers: “We have nowhere to go, whether we want to or not — we must fight. So let us not disgrace the Russian land, but let us lay down our bones here”.

Literary works

Literature also plays an important role in the phraseological construction of a linguistic community. In this analysis, 11 expressions in both languages were observed which, apparently, are of literary origin. Among Russian idioms, Pushkin is one of the most popular authors, whose works have remained not only in the legacy of literature, but also in the phraseology of Russia. A clear example of this are the idioms:

— *оказаться у разбитого корыта* / “to end up with a broken laundry trough”.

It is believed that the source of this expression is the famous Pushkin’s tale *The Tale of the Fisherman and the Fish* [in Russian *Сказка о рыбаке и рыбке*]. In this literary work, there is an old woman, who wanted to take the opportunity to make her wishes come true, but at the end of the tale she is left sitting at the broken trough.

— *лечь (пойти) в гроб (в могилу, в землю)* / “to lie down (to go) in a coffin (in a grave, in the ground)”. There is a register of this idiom in the narrative poem by the Russian writer Pushkin “Poltava” written in 1829: “*Повремени: дай лечь мне в гроб*”.

Regarding Latin American idioms, an illustrative example is *no tener palo donde rascarse* (P. R., A., Par., U.) / “to have no stick to scratch with”. This expression came from the epic poem *Martín Fierro* by the famous Argentine writer José Hernández, and it is part of the popular heritage. At the time it was written, it reflected the characteristic features of Argentine culture. *Estar uno en la lata (las latas)* (Am.) / “to be in tin cans” is another good example from the Latin American phraseology. According to the *Diccionario histórico del español de Costa Rica* in the *Tesoro de los diccionarios históricos de la lengua española* of the Real Academia Española (2021), this idiom comes from 1907, from a text by the author A. Echeverría entitled *Pascuala* in the publication *El Figaro* [26].

3) *Idioms from culturally relevant domains*. This type of non-equivalence idiom is the third most popular among the Russian idioms (23.1%) and one the fourth most popular (6.5%) among the idioms from Latin America. Considering the observations of Isabel Negro Alousque [22], most of the idioms analysed here could be perfectly classified into this category, as a large number of Latin American idioms are gastronomic idioms; for example, there were also found zoomorphic idioms in both languages, and several military and prison idioms in the Russian language. However, it was decided to classify in this category all the idioms: 1) which do not contain a specific-cultural constituent, 2) which do not evoke an aspect of the target culture, and 3) which are not constructed on the basis of a stereotype, but rather belong to the same lexicosemantic field.

In the case of Latin America, several idioms were found that include some means of transport in their structure, e. g.: *meter carreta* (N.) / “to get the carriage in”; *pasarle a alguien por la parrilla* (P.) / “to pass through someone’s luggage carrier”; *guardar el carro* (Cu.) / “to put the car in the garage”.

In both languages, we have found idioms that include body parts in their structure, but most of them belong to the Russian language. We provide further examples of these idioms (Table 5).

Table 5.

Таблица 5.

Latin American and Russian idioms that include body parts in their structure **Латиноамериканские и русские идиомы с частями тела**

hair	<i>alzar el pelo</i> (M., C.R.) / “to rise your hair” Hair associated with the action of escaping.
belly	<i>estar hecho una pipa</i> (Per.) / “to be a pipa”; <i>andar en pipa</i> (C.) / “to walk on your stomach” In some parts of Central America, the word <i>pipa</i> is used as a synonym for a bulging belly and, for the same reason, alludes to a tanker truck.
bottom	<i>andar hasta el culo</i> or <i>rabo</i> (C. R.) / “to be full (of alcohol) from head to butt” The bottom associated with a state of drunkenness.
feet/ leg/ heel	<i>quemarle a uno las canillitas</i> or <i>la canilla</i> (C. Am.) / “to burn someone’s calves”; <i>quemarle a uno los caites</i> (N.) / “to burn someone’s soles”; <i>pasar la pata a uno</i> (A., Par., U.) / “somebody makes you pass under their leg” Feet associated with the act of fooling and deceiving someone. However, Russian idioms with the constituent “leg” are merely associated with the act of running away from a place, like in <i>уплестать (уносить) ноги</i> / “to tuck into someone’s feet”; <i>пуститься наутек, со всех ног</i> / “to run away very hurriedly from all your legs”.
eyes	<i>смежить глаза (очи)</i> / “to shut/close your eyes”; <i>заливать глаза</i> / “to flood the eyes”; <i>отводить глаза кому-л.</i> / “to direct someone eyes away”; <i>ослеплять глаза</i> / “to blind someone’s eyes” These Russian idioms associate the eyes with death, drunkenness, and fooling.
teeth/ tongue	<i>подобрать подол в зубы</i> / “to pick up a hemline in the teeth”; <i>жить на голые зубы</i> / “to live with bared teeth” In the case of the first idiom, teeth are associated with an escape; in the second, — with poverty. <i>еле, еле-еле языком ворочать</i> / “to roll over the tongue a little” The tongue here is associated with a state of drunkenness.
nose	<i>наклеивать нос</i> / “to stick a nose on someone”; <i>натянуть нос</i> / “to stretch someone’s nose” In both idioms, the nose is associated with the act of deceiving a person.
hand	<i>свистеть в кулак</i> / “to whistle into a fist” The hand here is associated with being left with no money.
head/ brain	<i>морочить голову кому-л.</i> / “to mess with the head”; <i>пудрить мозги</i> / “to powder the brain” These two parts of the body are associated with cheating a person.

4) *Idioms built upon a stereotype*. Most of these types of non-equivalence idioms have been found in the analysed units of Latin American Spanish (19 cases). Only two such cases have been found among Russian idioms. It is important to mention that in the Latin American cases (only one case found in the Russian language), most of them are idioms built on stereotypes about animals that create fictitious images of good, bad, dumb, unlucky, etc. The examples are in Table 6.

Table 6.

Latin American and Russian idioms built on stereotypes about animals

Таблица 6.

Латиноамериканские и русские идиомы, построенные на стереотипе о животных

rat	<i>pelar rata</i> (G., N., Sal., V.) / “to skin a rat”; <i>salir como rata por tirante</i> (A., Par., U.) / “to leave like a rat through a horse-drawn carriage rope”; <i>asentar el ratón</i> (M., G., V.) / “to sit the mouse on the chair”; <i>estar ratón</i> (P. R.) / “to be a mouse” Associated with death, escape, drunkenness, hard economic situation.
rooster	<i>pelar gallo</i> (M.) / “to skin a rooster” Associated with death.
eagle	<i>andar a palos con el águila</i> (C.) / “to fight against the eagle with sticks”; <i>estar águila</i> (A.) / “to be an eagle” Associated with poverty, hard economic situation.
rabbit	<i>poner conejo a uno</i> (Col.) / “to turn somebody into a rabbit” Associated with being fool, silly.
turkey	<i>pasar por debajo de la cola del pavo</i> (C.) / “to pass a person under the turkey’s tail” Associated with a deceit.
horse	<i>врать, как сивый мерин</i> / “to lie as a greyish-blue castrated stallion” Associated with the act of lying.

Gender stereotypical idioms were also found among the Latin American idioms, they include in their structure sexual organs that are associated with hard economic situations and even deceits, e. g.: *estar en la raja* (Col.) / “to be in the female genitals”; *pincharse las huevas* (C.) / “to prick the testicles”; *darle mazo a alguien* (N.) / “to give somebody a penis”.

5) *Interlingual loans*. Among the 302 idioms analyzed here, five such idioms have been found, one case in the Spanish from Latin America, and four cases in the Russian language. These are expressions taken from languages other than Spanish and Russian. The following are examples:

Loans from the English language: *patear el balde* (H., N., C. R., P., G.) / “to kick the bucket”. According to the *Diccionario de Americanismos*, this is a loan (or “calco”) from the English idiom to *kick the bucket*. In addition *уносить, унести (с собой) в могилу* / “to carry off (something with you) to the grave”. This expression seems

to be a loan from the English language; it is almost identical to the idiom *to take a (the, your) secret to the grave*, that means “to die without revealing a secret” according to the *Farlex Partner Idioms Dictionary* (2017) [10]. There is a Spanish version of this same idiom, *llevarse un secreto a la tumba*, but there is no register of its use in Latin America.

Loans from the French and Latin language: *отправиться к праотцам* / “to go off to one’s ancestors”. According to N. T. Babichev and Y. M. Borovsky (1982), this idiom is an “interlingual loan” of full equivalence with the Latin idiom *ad patres*, and the French idiom *aller ad patres* and *envoyer ad patres* recorded in the *Dictionnaire de la Langue Française d’Émile Littré* (1872-1877) [4].

Religious loans: *исчезать (исчезнуть) с лица земли* / “to disappear from the face of the earth”. Considering the similitude with another religious Russian idiom *стереть с лица земли*, this is probably an interlingual loan from culturally relevant domains as it contains a biblical reference in the Book of Job, one of the books of the Old Testament.

6) *Undefined idioms*. Only three idioms have been classified into this category as no information was found on their origin, nor was it possible to identify whether they are borrowings from other languages, or whether their main constituent is culturally grounded:

быть пьяней вина / “to be drunker than wine”;

doblar la esquina (C.) / “to turn the corner”;

estar pila (C. Am.) / “to be like a water tap”.

Conclusion

In this article, we provide a cross-cultural analysis of idioms, focusing on semantic similarities and divergences between Spanish idioms from Latin America and Russian idioms. The analysis has revealed three degrees of equivalence in both languages: similar forms and meanings (full equivalence), similar forms and different meanings, and similar meanings but different forms (partial equivalence), as well as different forms and meanings (non-equivalence).

The results show that the lack of cross-linguistic equivalence among these idioms is grounded in culture rather than in the aspects of the languages, as they include specific constituents and elements that evoke aspects of the Latin American and Russian culture. We believe that idioms from Latin America are a topic that deserves further research for two reasons: 1) the phraseology of Latin America is so vast that in order to systematise it specific terms have been established, e. g., *peruvianisms* from Peru, *dominicanisms* from Dominican Republic, *cubanisms* from Cuba, etc.; 2) Latin American idioms are, by far, different from Spanish idioms, as they contain nominative components derived from regional dialects like *nahuátl*.

The practical significance of this research work is due to the possibility of using the findings in the development of academic processes in the field of intercultural communication, as well as in language teaching.

REFERENCES

1. Absentis D. 2014. "Chapter 19. Russia and the ergot. Forever together". In: Absentis D. 2014. *Christianity and Ergot*. Accessed 9 May 2022 from http://ergotism.info/ru/absentis/lsd_14_sporinia_rus.htm [In Russian]
2. Adelina C., Suprayogi. 2020. "Contrastive analysis of English and Indonesian idioms of human body". *Linguistics and Literature Journal*, vol. 1, no. 1, pp. 21-26. Accessed 10 April 2022. http://jim.teknokrat.ac.id/index.php/linguistics_and_literature/article/view/235
3. Agencias. 2018. "Conoce el origen de la frase 'dar atole con el dedo'". *Zócalo*. Accessed 9 May 2022. <https://www.zocalo.com.mx/conoce-el-origen-de-la-frase-dar-atole-con-el-dedo/>
4. Babichev N. T., Borovsky Y. M. 1982. *Latin-Russian and Russian-Latin Dictionary of Winged Words and Expressions*. Moscow: Russian Language. Accessed 8 May 2022. https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=145
5. Bongiorno R., Pizzorno J. 2020. "Andá a vivir a los caños". In: *Pintadas Puntuales. TestimoniosBA*. Accessed 5 May 2022. <https://www.testimoniosba.com/2020/09/10/anda-a-vivir-a-los-canos/>
6. Ce C., Chornobay S. 2016. "Semantic structure of idioms of the conceptual field 'family' in the English and Chinese linguocultures". *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, no. 2 (68), pp. 274-280.
7. Cowie A. 1998. "Phraseological Dictionaries: Some East-West Comparisons". In: Cowie A. P. (ed.). *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*, pp. 208-228. Oxford: Oxford University Press.
8. De Toffol M. 2011. "An English-Spanish Contrastive Analysis of Culturally loaded Phraseological Units Containing Kinship Terms". Master Dissertation. Retrieved from Universidad Complutense de Madrid, Faculty of English Philology. *Archivo Institucional E-Prints Complutense*. Accessed 9 May 2022. https://eprints.ucm.es/14097/1/Marta_De_Toffol.pdf
9. Evgenieva A. P. (ed.). 2002. *Dictionary of Russian Language: In 4 vols. Edited by A. P. Evgenieva*. RAS, Institute for Linguistic Research. *Fundamental Electronic Library "Russian Literature and Folklore" (FEB)*. Accessed 2 May 2022. <http://feb-web.ru/feb/mas/> [In Russian]
10. Farlex Partner Idioms Dictionary. 2017. "take the secret to the grave". Accessed 20 June 2022. <https://idioms.thefreedictionary.com/take+the+secret+to+the+grave>
11. Fedorov A. I. 2008. *Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: approx. 13,000 phraseological units. 3rd ed., rev.* Moscow: Astril: AST. 878 pp. [In Russian]
12. Grachikov V. 2018. "Prince Svyatoslav. 'The dead have no shame...' or who won the battle of Arcadiopolis". *Valerongrach — a blog*. February 10. Accessed 7 May 2022. <https://valerongrach.livejournal.com/477121.html>
13. Garcés Paz H. 1996. *Leyendas y tradiciones del Ecuador. Vol. 2*. Editorial Abya Yala.
14. Ilyushchenko N. 2017. "Comparative Study of English and Russian Phraseology: Component Theory of Identity and Difference of the Seme Organization". *Journal of Language and Education*, no. 3 (1), pp. 75-84. DOI: 10.17323/2411-7390-2017-3-1-75-84
15. Jalilova N. D. 2019. "Lingual analysis of idioms comparison in Uzbek and English languages". *Bulletin of Science and Education*, no. 20 (74), pp. 48-51. Accessed 5 April 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/lingual-analysis-of-idioms-comparison-in-uzbek-and-english-languages>

16. Jinseo N. 2015. "Linguistic Universality in English and Korean Idioms Including Body Term 'Hand'". *The Review of Korean Cultural Studies*, no. 52 (52), pp. 7–28. DOI: 10.17329/kcbook.2015.52.52.001 [In Korean]
17. Katsarou E. 2011. *Descriptive and theoretical aspects of English idioms*. A monograph. Lap Lambert Academic Publ.
18. Larionova Yu. A. 2014. *Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language*. Moscow: Adelant, 2014. 512 pp. Accessed 9 May 2022. <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovary/6.pdf> [In Russian]
19. Matyushko Yu. M. 2017. "Over the troubles — Victory!". *Poems.ru*. Accessed 9 May 2022. <https://stihi.ru/2017/05/21/4935> [In Russian]
20. Mireyla A., Hadi B., Shahrbanoo H. 2020. "Linguocultural analysis of phraseological units with the meaning 'hospitality' in the Russian and Persian languages". *Philology at MGIMO*, vol. 23, no. 3, pp. 96–104. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-96-104 [In Russian]
21. Navarro S. J. H. 2022. "¿Me lleva el tren! ¿De dónde proviene la expresión? Te contamos". *Milenio Diario*, March 15. Accessed 9 May 2022. <https://www.milenio.com/cultura/me-lleva-el-tren-origen-significado-frase-mexicana>
22. Negro Alousque I. 2011. "A contrastive semantic analysis of English, Spanish and French idioms". *Revista Canaria de Estudios Ingleses*, vol 63, pp. 113-123. RIULL — Repositorio Institucional. Accessed 11 April 2022. [https://riull.ull.es/xmlui/bitstream/handle/915/12551/RCEI_63_\(%202011\)_09.pdf?sequence=1&isAllowed=y](https://riull.ull.es/xmlui/bitstream/handle/915/12551/RCEI_63_(%202011)_09.pdf?sequence=1&isAllowed=y)
23. Pinnavaia L. 2015. "“We are what we eat”: Analyzing food and drink idioms in English, French, German, and Spanish". In: Szerszunowicz J., Nowowiejski B., Ishida P., Yagi K. (Eds.). *Intercontinental Dialogue on Phraseology 3: Linguo-Cultural Research on Phraseology*, pp. 455-470. Philological Department of University of Białystok, Białystok, Poland.
24. Real Academia Española. 2014. *Diccionario de americanismos de la Asociación de Academias de la Lengua Española*. 23rd edition. Madrid, Spain. Accessed 20 March 2022. <https://www.asale.org/damer/>
25. Real Academia Española. 2014. *Diccionario de la lengua española*. 23rd edition. Madrid, Spain. Accessed 10 February 2022. <https://dle.rae.es>
26. Real Academia Española. 2021. *Tesoro de los diccionarios históricos de la lengua española*. Madrid, Spain. Accessed 9 May 2022. <https://www.rae.es/tdhle/cabos>
27. Russian Language Blog | Language and Culture of the Russian-Speaking World. 2021. "Oaks, fins, and hooves". August 17. Accessed 9 May 2022. <https://blogs.transparent.com/russian/oaks-fins-and-hooves/>
28. Schafroth E. 2020. "Why Equivalence of Idioms in Different Languages is the Exception. Arguments from a Constructional Perspective". In: Cotta Ramusino P., Mollica F. (eds.). *Contrastive Phraseology: Languages and Cultures in Comparison*, pp. 129-150. Lady Stephenson Library, Newcastle upon Tyne, UK.
29. Skenderi L., Ejupi S. 2018. "A comparative study of idioms with the word "hand" in English, Spanish and Albanian". *Knowledge International Journal*, vol. 28, no. 7, pp. 2217-2221. DOI: 10.35120/kij280722171
30. Stambolishvili N., Abuseridze A. 2019. "Linguocultural peculiarities of German and Georgian phraseological units — contrastive analysis". *EUREKA: Social and Humanities*, no. 4, pp. 37-45. DOI: 10.21303/2504-5571.2019.00966

31. Telia E. N. 2006. Phraseological Dictionary of the Russian language. Accessed 9 May 2022. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/> [In Russian]
32. Tikhonov A. N., Lomov A. G., Korolkova A. V. 2004. Phraseological Dictionary of Modern Russian Literary Language. Edited by Prof. A. N. Tikhonov. Reference book: In 2 vols. Vols. 1 and 2. Moscow: Flint: Nauka. 832 pp. [In Russian]
33. Titarenko N. V. 2020. "Component Actualization in Field Comparison of Phraseological Units (by the Material of the Russian, English and Spanish Phraseological Units with the Component 'Head')". *Filologičeskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 6, 290–294. DOI: 10.30853/filnauki.2020.6.54 [In Russian]
34. Vinogradov V. V. 2013. Word History. Electronic version of the books: from the history of vocabulary of the Russian literary language XVII-XIX centuries and Word and meaning as a subject of historical-lexicological research. Accessed 6 May 2022. <http://wordhist.narod.ru> [In Russian]
35. Volkova A. S. 2020. Big Spanish-Russian Dictionary: Latin America. Edited by N. M. Firsova. 2nd edition, revised. Moscow: INFRA-M. 726 pp. Accessed 23 April 2022. <https://znanium.com/read?id=355237> [In Russian]

Лаура Г. РОДРИГЕС ЭРНАНДЕС¹

УДК 81-2.134.2+.161.1

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКИХ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИДИОМ

¹ магистр прикладной лингвистики,
Тюменский государственный университет
pipis.laurita@gmail.com

Аннотация

Идиомы вызывают интерес лингвистов всего мира уже более века. От Логана Пирсолла Смита (1925), Виноградова (1946, 1947), Каччиари и Глаксберга (1991), Фернандо (1996) до современных авторов, таких как Кветко (2009), Негро Алуск (2011), Е. Пийрайнен (2015), К. Се и С. Чернобай (2016), и это лишь некоторые из них. Многие исследования идиом, проведенные в последние годы, анализировали идиомы с разных точек зрения и подходов.

Цель настоящей работы — внести вклад в кросс-лингвистический анализ, выявив сходства и различия в идиомах испанского и русского языков с актантным компонентом. Было решено включить идиомы из 19 стран Латинской Америки в качестве образцов испанского языка как попытку впервые ввести латиноамериканскую фразеологию в поле данного исследования. Мы сосредоточились на семантической специфике этих идиом, исходя из гипотезы, что они имеют некоторые сходства независимо от того, насколько географически удалены друг от друга эти два региона, и что их различия заключаются только в культурных аспектах.

Ключевые слова

Идиома, фразеологизм, культура, кросс-культурные аспекты, эквивалентность, Латинская Америка.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-24-46

Цитирование: Родригес Эрнандес Л. Г. Кросс-культурные аспекты русских и латиноамериканских идиом / Л. Г. Родригес Эрнандес // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 24-46. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-24-46

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсентис Д. Глава 19. Россия и спорынья. Навеки вместе / Д. Абсентис // Абсентис Д. Христианство и спорынья / Д. Абсентис. litresp.ru. 2014. URL: http://ergotism.info/ru/absentis/lsd_14_sporinia_rus.htm (дата обращения: 9.05.2022).
2. Adelina C. Contrastive analysis of English and Indonesian idioms of human body / C. Adelina, Suprayogi // Linguistics and Literature Journal. 2020. No. 1 (1). Pp. 21-26. URL: http://jim.teknokrat.ac.id/index.php/linguistics_and_literature/index (дата обращения: 10.04.2022).
3. Agencias. Conoce el origen de la frase 'dar atole con el dedo' // Zócalo. 2018. URL: <https://www.zocalo.com.mx/conoce-el-origen-de-la-frase-dar-atole-con-el-dedo/> (дата обращения: 9.05.2022).
4. Бабичев Н. Т. Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровской. М.: Русский Язык, 1982. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=145 (дата обращения: 8.05.2022).
5. Bongiorno R. Andá a vivir a los caños / R. Bongiorno, J. Pizzorno // Pintadas Puntuales. TestimoniosBA. 2020. September 10. URL: <https://www.testimoniosba.com/2020/09/10/anda-a-vivir-a-los-canos/> (дата обращения: 5.05.2022).
6. Се С. Semantic structure of idioms of the conceptual field «family» in the english and chinese linguocultures / С. Се, S. Chornobay // Учёные записки Крымского Федерального Университета имени В. И. Вернадского Филологически Науки. 2016. № 2 (68). С. 274-280.
7. Cowie A. Phraseological Dictionaries: Some East-West Comparisons / A. Cowie // Phraseology: Theory, Analysis, and Applications / edited by A. Cowie. Oxford: Oxford University Press, 1998. Pp. 208-228.
8. De Toffol M. An English-Spanish Contrastive Analysis of Culturally loaded Phraseological Units Containing Kinship Terms: Master Dissertation / M. De Toffol. Universidad Complutense de Madrid, Faculty of English Philology, 2011. URL: https://eprints.ucm.es/14097/1/Marta_De_Toffol.pdf (дата обращения: 9.05.2022).
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/> (дата обращения: 2.05.2022).
10. take the secret to the grave // Farlex Partner Idioms Dictionary. 2017. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/take+the+secret+to+the+grave> (дата обращения: 20.06.2022).
11. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
12. Грачиков В. Князь Святослав. «Мертвые сраму не имут...» или кто победил в битве при Аркадиополе // Блог Valerongrach-a. 2018. 10 февраля. URL: <https://valerongrach.livejournal.com/477121.html> (дата обращения: 7.05.2022).
13. Garcés Paz H. (1996). Leyendas y tradiciones del Ecuador. Editorial Abya Yala. Vol. 2.
14. Ilyushchenko N. Comparative Study of English and Russian Phraseology: Component Theory of Identity and Difference of the Seme Organization / N. Ilyushchenko // Journal of Language and Education. 2017. No. 3 (1). Pp. 75–84. DOI: 10.17323/2411-7390-2017-3-1-75-84

15. Джалилова Н. Д. Лингвистический анализ сравнения фразеологизмов в узбекском и английском языках // Н. Д. Джалилова // Вестник Науки и Образования. 2019. № 20 (74). С. 48-51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingual-analysis-of-idioms-comparison-in-uzbek-and-english-languages/viewer> (дата обращения: 5.04.2022).
16. Jinseo N. Linguistic Universality in English and Korean Idioms Including Body Term 'Hand' / N. Jinseo // The Review of Korean Cultural Studies. 2015. No. 52 (52). Pp. 7-28. DOI: 10.17329/kcbook.2015.52.52.001
17. Katsarou E. Descriptive and theoretical aspects of English idioms. A monograph / E. Katsarou. Lap Lambert Academic Publ., 2011. DOI: 10.1016/j.esp.2013.10.004
18. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю. А. Ларионова. М.: «Аделант», 2014. 512 с. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/6.pdf> (дата обращения: 9.05.2022).
19. Матюшко Ю. М. (2017). Над бедами — Победа! / Ю. М. Матюшко // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2017/05/21/4935> (дата обращения: 9.05.2022).
20. Мирейла А. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением «гостеприимство» в русском и персидском языках / А. Мирейла, Б. Хади, Х. Шахрбану // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 23 (3). С. 96-104. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-96-104
21. Navarro S. J. H. ¡Me lleva el tren! ¿De dónde proviene la expresión? Te contamos / S. J. H. Navarro // Milenio Diario. 2022. March 15. URL: <https://www.milenio.com/cultura/me-lleva-el-tren-origen-significado-frase-mexicana> (дата обращения: 9.05.2022).
22. Negro Alousque I. A contrastive semantic analysis of english, spanish and french idioms / I. Negro Alousque // Revista Canaria de Estudios Ingleses. 2011. No. 63. Pp. 113-123. URL: [https://riull.ull.es/xmlui/bitstream/handle/915/12551/RCEI_63_\(%202011\)_09.pdf?sequence=1&isAllowed=y](https://riull.ull.es/xmlui/bitstream/handle/915/12551/RCEI_63_(%202011)_09.pdf?sequence=1&isAllowed=y) (дата обращения: 11.04.2022).
23. Pinnavaia L. "We are what we eat": Analyzing food and drink idioms in English, French, German, and Spanish // L. Pinnavaia // Intercontinental Dialogue on Phraseology 3: Linguo-Cultural Research on Phraseology / Edited by J. Szerszunowicz, B. Nowowiejski, P. Ishida and K. Yagi. Philological Department of University of Bialystok, Bialystok, Poland, 2015. Pp. 455-470.
24. Diccionario de americanismos de la Asociación de Academias de la Lengua Española // Real Academia Española. 23rd edition. Madrid, Spain, 2014. URL: <https://www.asale.org/damer/> (дата обращения: 20.03.2022).
25. Diccionario de la lengua española // Real Academia Española. 23rd edition. Madrid, Spain, 2014. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 10.02.2022).
26. Tesoro de los diccionarios históricos de la lengua española // Real Academia Española. Madrid, Spain, 2021. URL: <https://www.rae.es/tdhle/cabos> (дата обращения: 9.05.2022).
27. Oaks, fins, and Hooves // Russian Language Blog | Language and Culture of the Russian-Speaking World. 2021. August 17. URL: <https://blogs.transparent.com/russian/oaks-fins-and-hooves/> (дата обращения: 9.05.2022).
28. Schafroth E. Why Equivalence of Idioms in Different Languages is the Exception. Arguments from a Constructional Perspective / E. Schafroth // Phraseology: Languages and Cultures in Comparison / edited by P. Cotta Ramusino and F. Mollica. Lady Stephenson Library, Newcastle upon Tyne, UK, 2020. Pp. 129-150.

29. Skenderi L. A comparative study of idioms with the word “hand” in English, Spanish and Albanian / L. Skenderi, S. Ejupi // Knowledge International Journal. 2018. No. 28 (7). Pp. 2217–2221. DOI: 10.35120/kij280722171
30. Stambolishvili N. Linguocultural peculiarities of German and Georgian phraseological units — contrastive analysis / N. Stambolishvili, A. Abuseridze // EUREKA: Social and Humanities. 2019. No. 4. Pp. 37-45. DOI: 10.21303/2504-5571.2019.00966
31. Телия Е. Н. Фразеологический словарь русского языка / Е. Н. Телия. 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm/> (дата обращения: 9.05.2022).
32. Тихонов А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. Справочное издание: в 2 т. / А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова; под ред. проф. А. Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 1 и Т. 2. 832 с.
33. Титаренко Н. В. Актуализация компонента в полевом сопоставлении фразеологизмов (на материале единиц с компонентом «голова» русского, английского и испанского языков) / Н. В. Титаренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). 2020. № 6. С. 290-294. DOI: 10.30853/filnauki.2020.6.54
34. Виноградов В. В. История слов. Электронная версия книг: Из истории лексики русского литературного языка XVII—XIX вв. и Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов. 2013. URL: <http://wordhist.narod.ru> (дата обращения: 6 мая 2022).
35. Волкова А. С. Большой испанско-русский словарь: Латинская Америка / А. С. Волкова; под ред. Н. М. Фирсовой. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2020. XVIII, 726 с. URL: <https://znanium.com/read?id=355237> (дата обращения: 23 апреля 2022).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана Алексеевна МАРТЬЯНОВА¹

УДК 821.161.1

АНТРОПОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых martyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118

Аннотация

В статье рассматривается читательский опыт героев А. И. Солженицына как средство характеристики сознания и поведения персонажей повести «Раковый корпус». Исследователи давно обратили внимание на роль книги, чтения, человека читающего в художественном мире словесно-художественных текстов («Дон Кихот» Сервантеса, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «Госпожа Бовари» Г. Флобера), однако эти работы носят фрагментарный характер. Соответствующие аспекты произведений литературы XX в., в том числе текстов Солженицына, изучены еще меньше.

Автор статьи показывает, что обращение к читательскому опыту героев является существенной гранью предметного мира повести «Раковый корпус». Анализируется, как прочитанная книга становится частью экзистенциального и культурного опыта героя, свидетельством либо о прозрениях, открытиях, либо о заблуждениях, тупиках. В статье обосновывается возможность говорить о книге в обрисовке персонажей Солженицына с точки зрения культурной антропологии, изучающей связи человека с культурной традицией и обществом, и психологической — с ее интересом к формам мышления,

Цитирование: Мартьянова С. А. Антропология читательского опыта в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» / С. А. Мартьянова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 47-60. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

общения. Опыты интерпретации прочитанного героями Солженицына важны не только для характеристики отдельных персонажей, но и общества в целом.

Подчеркивается, что культурная проблематика советского времени была обусловлена «археологическим» типом герменевтики, отчуждавшим человека от классической традиции, непреходяще-ценной для самоопределения человека. Выделяются два типа событийности в повествовательной организации текста: сюжетный и экзистенциальный. Особое место в общей картине занимает полуавтобиографический герой — Олег Костоготов, путь которого от смерти к воскрешению включает опыты чтения и постижения реальности через художественные и философские тексты.

Методологический фундамент работы составили подходы, выработанные сравнительным литературоведением, теорией интертекста, антропологическими и историко-культурными исследованиями.

Ключевые слова

Книга, читатель, антропология, А. И. Солженицын, «Раковый корпус».

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

Введение

Книга и ее читатель вызывают повышенное внимание не только современных представителей гуманитарного знания, но и междисциплинарных исследований [13]. При этом отмечается недостаточная изученность феномена чтения и его деятелей, «фрагментарный характер читателеведческих исследований» и разобщенность ученых [8, с. 11-12].

В составе отечественной филологической науки существует ряд работ, посвященных героям литературы как читателям и интерпретаторам художественных смыслов и перспектив. Хотя сколько-нибудь целостной и завершенной картины пока не существует, можно обозначить основные направления подобных «штудий».

С. Г. Бочаров в статье, посвященной «Дон Кихоту» Сервантеса, привел суждение Г. Флобера об этом произведении и подчеркнул, что образы читателей и книги в романе испанского писателя группируются вокруг проблемы смешения иллюзии и реальности, сущности и явления, понятия и предмета, повествования и действительности. Само решение проблемы может выступать либо в «грандиозно-поэтическом», как у Сервантеса, либо в сниженном, как у Флобера, варианте. Бочаров выявил в «Дон Кихоте» элементы «самосознания романа» и «художественно-теоретического плана», расширяющего духовное и эстетическое пространство произведения, формирующего новую литературную программу в контексте смены эпох [1, с. 5-34].

Другой вариант модели взаимодействия читателя и книги Бочаров описывает и анализирует в работе о проблеме «Гоголь-Достоевский»: коммуникация с авторами тех произведений, в которых герой узнает самого себя и изображение собственной жизни, выработка собственных суждений о них [5, с. 179].

Множество моделей читательского поведения выявлено известным пушкинистом А. М. Гуревичем в статьях о героях романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: отождествление себя с героями любимых книг, готовность следовать литературным образцам, взаимодействие «книжного» и непосредственного, постижение внутреннего мира избранника по заметкам на полях его книг [3, с. 360-362].

Жанр «Ракового корпуса» определен Солженицыным как повесть, а не роман. В то же время авторское определение в данном случае не должно нас смущать: речь идет о предметном мире эпических произведений в целом и их закономерностях. Если же говорить о прецедентах в составе именно жанра повести, то можно указать на «Шинель» Гоголя и вспомнить гротескную жалобу некоего капитана-исправника, увидевшего покушение на «государственные постановления» только потому, что люди его звания были изображены в «романтическом сочинении» пьяными. Таким образом, жанровые различия в данном случае нерелевантны.

Сказанное исследователями дает нам важные ключи и инструменты для осмысления читательского мира повести «Раковый корпус», которое и является главной целью настоящей статьи. Для достижения цели мы поставили перед собой следующие задачи: во-первых, обобщить суждения литературоведов и литературных критиков о книге в художественном мире повести «Раковый корпус»; во-вторых, рассмотреть читательский опыт героев повести; в-третьих, проследить, как он соотносится с официальными читательскими программами и массовыми практиками; в-четвертых, уяснить, как читательский опыт способен стимулировать рождение нового писателя.

В ходе исследования мы использовали подходы, сложившиеся в русле методологии сравнительного литературоведения, интертекстуальной теории, культурной и психологической антропологии. Методологическими ориентирами послужили также работы Ж. Нива, Л. Лосева, А. Немзера и монография У. Эко «Роль читателя» и ее положения о текстах «открытых» и «закрытых», читателе как «активном начале интерпретации» [16, с. 14].

Литературный обзор

Литературная критика и литературоведение о книге в изображении героев повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»

Повышенная роль книги в жизни самого А. И. Солженицына и его героев не раз становилась предметом внимания филологов. Л. И. Сараскина приводит свидетельства о зарождении у будущего литератора писательского призвания в возрасте 9 лет, о рано появившемся тяготении к библиотекам, журналам, книгам. Биограф сообщает также о роли чтения и книги в ближайшем семейно-родственном окружении, о ранней искушенности в читательских симпатиях, о существовании собственного журнального проекта, об учебе в МИФЛИ как осуществлении «мечты и призвания» [10, с. 98-155].

Сараскина обратила особое внимание на факт прочтения Солженицыным романа «Война и мир» в десятилетнем возрасте. Сам роман был воспринят мальчиком по-особому: «Книга потрясла его — он смотрел на нее даже не как читатель, а как делатель литературы» [10, с. 134].

Обучение в своеобразных «университетах» вело к переосмыслению не только философских и исторических знаний, но и оценок творчества русских и зарубежных писателей, вошедших в школьные и университетские программы советского времени. Эти оценки основывались на «археологическом» типе герменевтики и ничего не сообщали о «главном в жизни». В романе «В круге первом» говорится о читательском опыте героев, заново открывших для себя творчество Л. Н. Толстого (Яконов, Агния) и его аксиологическую парадигму: подлинность личности, ощущение внутренней правоты, поиски мира в душе, величие простоты, которая правда, может скрываться в чудаковатом обличье [4, с. 30-31].

Жорж Нива описал другие «университеты» в жизни Солженицына — сталинские тюрьмы и лагеря, в застенках которых томились и самые образованные люди. Говоря о заключенных в романе «В круге первом», французский исследователь сближает марфинскую шарашку с лицеем и академией, где можно было обучаться по древнегреческому образцу, вести сократические диалоги, участвовать в тайных семинарах. Неустанный поиск истины взамен механического повторения шаблонов официальной идеологии стал высокой ценностью [6, с. 88].

Анализируя повесть «Раковый корпус», исследователи отмечают заключенный в ней диалог с Толстым и говорят, что книга может быть и средством характеристики героя, сопоставления его с другими персонажами, пороговой чертой в самоопределении перед лицом смерти [9, 14].

Значительный вклад в разработку темы внесен статьей А. С. Немзера, посвященной Авиетте Русановой и ее диалогу о современных произведениях. Ученый отметил, что фарсово изображенный эпизод включает в себе вопросы о настоящей литературе и настоящем писателе [5].

Указанные литературоведами факты позволяют сформировать представление о внешних и внутренних контекстах понимания темы «читатель и книга» в повести «Раковый корпус»: биографический, историко-культурный, внутритекстовый. Возникновение похожих тем в других произведениях писателя говорит об устойчивом смысловом поле, вариациях одного и того же образно-тематического комплекса, который нуждается в дальнейшем изучении. Попробуем перейти к его анализу в пределах повести «Раковый корпус».

Результаты и обсуждение

Случай Ефрема Поддубева

Действующие лица повести живут в пространстве «между двумя вечностями»: смерть и ссылка, уничтожение и забвение. По словам Ж. Нива, повествовательная ткань повести сталкивает речь Русанова, «замкнутую в самой себе», «неизречимую речь» Костоглотова и «невнятную» Прошки и Демки [7, с. 312]. Пер-

сонажей «Ракового корпуса» можно разделить на тех, кто искушен в социальных науках (Шулубин), людей, мнящих себя искушенными (Русанов, Авиетта) и неискушенных.

К последним относится Ефрем Поддуев, появляющийся во второй главе. Книжное и устное слово пронизывает и соединяет фрагменты, посвященные этому герою. Попробуем проследить, как это происходит.

«Буроволосый», с «конопатым хмурым лицом», он кажется только что прибывшему в палату Павлу Русанову «чертом». Ефрем явно верховодит в палате, делает мрачные предсказания, а его слова напоминают причитания: «гудел свое, как припев, как по покойнику» [12, с. 20]. Именно в ответ на скулеж Ефрема Костоготов предлагает почитать книгу, которую обязательно надо прочесть именно в преддверии смерти. При этом сам Костоготов прочел книгу внимательно, даже проставив пометы карандашом. Книга в пространстве «по эту сторону опухоли» является чем-то насущным, противовесом отчаянию и вызовом смерти. Видимо, не случайно сразу же за этим эпизодом следует описание ужина, названного торжественно «вечерей».

В конце второй главы Ефрем оказывается носителем устного слова, рассказчиком «идиотской сказки», уподобляющей финал человеческой жизни обезьяньей. Этой сказкой Ефрем буквально добивает ищущего утешения и жалости Русанова, усиливает его отчаяние и безнадежное состояние. Позднее он снова станет рассказчиком «старой басни» о времени человеческой жизни.

В четвертой главе Ефрем представлен совсем другим — безотрывно читающим книгу, а восьмая называется по имени прочитанного рассказа Толстого «Чем люди живы». Глава начинается с развернутого описания Ефрема как здорового, крепкого, волевого человека, внезапно заболевшего и не знающего путей перехода к другой жизни. Не случает и тот факт, что у Ефрема поражен язык — часть человеческого тела, связанная с произнесением слов. Переживание болезни как наказания за грехи усиливается лечением иглоками: «впускали в язык иглоки, как грешнику в аду, и по нескольку суток держали» [12, с. 91]. Неожиданно открывается смысл неотступных хождений героя по палате: это были знаки мольбы о помощи.

Именно книга дает этому внезапно задумавшемуся герою ответ на вопрос, чем и как встречать смерть. Опыт Ефрема кажется тем более ценным, что герой не любил тратить деньги на книги и ходить в библиотеку. Его, если можно так выразиться, читательский опыт был ограничен брошюрами, инструкциями, приказами. Перемена в сознании героя наступает в процессе знакомства со сборником рассказов Толстого: отмечают точность, краткость, дельность. Чтение рождает желание «подумать», делает солженицынского героя «задумавшимся», подобным героям А. Платонова, ушедшим в молчание.

Молчание Ефрема не бесплодно, оно насыщено общением с «серьезной» книгой. И книга в данном случае оказывается не вещью, а живым существом, умеющим разговаривать. Перемена, произошедшая в герое, — смягчение души — была подготовлена не только болезнью, но и чтением «серьезной»

книги: «Как будто что в него вошло и повернуло там, / И где раньше были глаза — глаз не было. / И где раньше рот приходился — не стало рта» [12, с. 95]. Заключенная в этих словах скрытая цитата из «Гамлета» Шекспира указывает на обращение, покаяние, открытость голосу совести.

Погрузившись в сферу молчания и пережив внутренний переворот, Ефрем пересказывает прочитанное соседям по палате. Пересказывает, но не читает, поэтому упускает существенный момент толстовского повествования: замерзающий Михайла, которого подобрал сапожник, — это на самом деле ангел. Но поскольку идеологически воспитанное мировоззрение исключало представление об ангелах, то такая подробность воспринимается Ефремом как незначительная — он искажает в своем переложении суть толстовского шедевра.

Обсуждение соседями по палате имени автора выдержано в комической тональности и также значимо для понимания общей картины читательского опыта в повести. Во-первых, Льва Толстого сразу путают с Алексеем Толстым, трижды лауреатом сталинской премии и автором «оптимистических и патриотических вещей». Во-вторых, догадавшись об истинном авторе, Павел Русанов, партийный чиновник, «отчасти кривясь», произносит тираду в духе статьи Ленина «Л. Толстой как зеркало русской революции»: «Так сю-сю-калка Ваш Толстой! Он во многом, очень во многом не разбирался. А злу надо противиться, паренек, со злом надо бороться!» [12, с. 98].

Возвращение к подлинному читательскому опыту совершается в глубинах человеческой реальности, неведомой идеологии, в особых экзистенциальных обстоятельствах (переход от жизни к смерти, встреча с вопросами о смысле жизни, совести и правде). Психологически этому предшествует освобождение от грубости, нечувствия, смягчение души. В тексте повести через обращение к русской классике, прочно связанной с христианской традицией, реализуется ее «минейный код» [15]. Но и главный оппонент Поддубева, Павел Русанов, осуждающий Ефрема за «поповщину», тоже впоследствии будет искать «чувствительную» книгу, ему захочется «чувствовать теплоту» [12, с. 271].

Книга как источник «воды живой»

Открытие ценности произведений Л. Толстого героями «Ракового корпуса» меняет отношение к классикам советской литературы — М. Горькому, Н. Островскому, А. Толстому, предлагавшим свои рецепты счастья и поисков смысла жизни, далеких от христианской любви и миропонимания. Вместе с тем рецепты советских писателей не способны утолить жажды, которую испытывают люди, оказавшиеся в переходе между жизнью и смертью.

Мотив жажды очень важен в романе, он связан не только с описаниями физиологического состояния онкобольных. В повести среди книг упоминается роман лауреата сталинской премии по литературе А. Кожемякина «Вода живая» [12, с. 109-110]. О нем сообщается иронически, т. к. произведение, название которого имеет евангельский исток (Ин. 4: 1-26), на самом деле не пронизано евангельским началом. Такой роман не способен утолить духовную жажду.

Авиетта Русанова в ответ на просьбу отца о книгах привозит целую сумку романов, названия которых однообразно и поверхностно оптимистичны, но призваны воспитывать «верные» мысли и настроения: «У нас уже утро», «Горы в цвету», «Свет над землей» и т. д. [12, с. 245]. Можно отметить совпадение иронически поданного фрагмента повести с характеристикой произведений социалистического реализма, данной в 1957 г. А. Синявским: телеологичность, обязательные счастливые финалы, «выпрямленные» положительные герои и отсутствие каких бы то ни было исканий, сомнений [11]. Что могут сообщить эти книги неизлечимому больному?

Среди читающих героев повести есть эпизодическая героиня — «нянечка» Елизавета Анатольевна, «очень исполнительная» и «повышенно вежливая». Сообщается, что во время ночных дежурств она читала книги на французском языке. Даже «Анна Каренина» казалась ей книгой, ничего не говорящей о настоящей жизни и трагедиях репрессированных, затронувших и ее семью, и ее лично: образованная, она вынуждена трудиться «нянечкой». Но почему же книги, которые она читает, французские? Выскажем предположение на этот счет. Возможно, это произведения В. Гюго («Последний день приговоренного к смерти», «Девяносто третий год»). Французский писатель критиковал светское общество, которое не узнавало в гонимых страдальцах жертв, и объявлял себя «ходатаем» за виновных и невинных перед всеми судами.

Среди тех, кто ищет в художественной книге «живую воду», есть и врачи. Против излишеств медицины и безоглядной веры в последние достижения науки выступает не один Костоготов. О хирурге Евгении Устиновне сообщается как о читательнице повести Толстого «Казачьи». Говорится также, что она «помнила и понимала» слова Ерочки о европейских врачах. Это понимание помогает Евгении Устиновне не стать обыкновенным исполнителем врачебных инструкций, а найти собственную хирургическую практику, основанную на принципах «нежности», «незаметности», «внутренней разумности» [12, с. 101]. Хирург больше всего боится потерять сам поиск новых методов лечения, и это желание подсказано художественной книгой — «живой водой» для своих читателей. Для успешной встречи с книгой необходимы трудная внутренняя работа и нежелание довольствоваться готовыми решениями.

Случай Шулубина

Для Солженицына существенны движения живой и мертвой воды в литературе, а также взаимодействие литературы с реальностью. Одна из глав романа «В круге первом» носит название «Жизнь — не роман». Но для Солженицына жизнь — это и роман как собрание незавершенных жанровых форм, рождающихся в современности. Однако эти формы нужно увидеть, понять, дать им интерпретацию. Препятствием может стать не только советская идеология, но и те «предрассудки», «идолы», о которых Костоготов узнает от Шулубина: «люди не склонны жить чистым опытом», предпочитая ему идолов «облагороженной стадности» [12, с. 365-366].

Внимательный читатель Ф. Бэкона, А. С. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого и П. Кропоткина, Шулубин не становится пленником чьего-либо видения мира, но сохраняет критическую рефлексию и в конце концов формулирует свой проект «нравственного социализма», мало кем, однако, востребованный. Он с горечью замечает, что выросло целое поколение людей, не читавших и не обсуждавших В. Соловьева, П. Кропоткина, Н. Михайловского. При этом «книги с истиной» бывший библиотекарь и сам жег в печке. Отсутствие «книг с истиной» в опыте нескольких поколений приведет, по мнению Шулубина, к новым ошибкам и заблуждениям в вопросах о счастье, смысле жизни и экономическом устройстве [12, с. 372].

Случай Демки

Демка занимает особое положение среди читающих героев «Ракового корпуса». Он молод и неопытен, но стремится к образованию, мечтает изучать историю и литературу. В повести он представлен и читателем учебников, и читателем литературных журналов, и участником дискуссий о Толстом, и адресатом письма Костоглотова о зоопарке. Демка изображен также пытливым, ищущим героем, не поддающимся авторитету чужого мнения.

Первый урок чтения и письма он получает от Костоглотова при обсуждении учебника стереометрии. «Вот так бы все писали! Толщины никакой, да? А сколько тут напихано!» [12, с. 27].

В споре о рассказе Толстого «Чем люди живы» Демка отличает Льва Толстого от Алексея Толстого. Не приняв поначалу позицию непротивления злу насилием, он продолжает думать о смысле любви и счастья. Положив за правило прочитать все книги лауреатов сталинской премии, Демка испытывает после чтения «нудь и муть», «ущерб», «тоску» [12, с. 110]. Прочитанные книги только запутывают его сознание, а главное, не утоляют жажды сострадания и жалости.

Демка как читатель и слушатель обладает способностью видеть и соотносить всё прочитанное с реальностью, отстаивать то, к чему он пришел и не считаться с общественными стереотипами. Так, с детства узнавший о религии как дурмане, он не видит в верующей тете Софе ничего «реакционного». Демку тоже можно отнести к числу задумывающихся и прозревающих героев.

Олег Костоглотов как читатель и возможный будущий писатель

Литературоведы давно обратили внимание на признание Олега Костоглотова о серьезном душевном перевороте после известия о страшном диагнозе: смягчении души и прощении [9]. В споре о Толстом с соседями по палате именно он защищает поиски смысла жизни и самосовершенствования. Не разделяя с Толстым его религиозных взглядов, он сумел понять и оценить правдивые описания предсмертных состояний. Его слова о предсмертной области в человеческой жизни можно прокомментировать отсылками к «Войне и миру» (уми-

рание старика Болконского, князя Андрея) и «Анне Карениной» (сцена у постели больной Анны, внезапно сблизившая мужа и любовника).

При этом Олег Костоглотов изображен в повести и как возможный будущий писатель. Особенно отчетливо это проявляется в заключительных главах произведения, для понимания которых важен библейский код и жанровая модель христианских «Шестоднегов». Именно Олег Костоглотов воспринимает утро выхода из больницы, как второе рождение и «утро творения», как мир, создающийся заново, с его свежестью, новизной, пиршеством красок.

Ощущая прилив творческих сил, он пишет письмо Демке, в котором, подобно Адаму, наделяет животных определенными именами. Как и в «Шестодневах», он символически истолковывает свойства живых существ. Правда, он делает это по-своему, опираясь на собственный лагерный опыт. Письмо Демке — это своеобразный набросок к лагерной прозе, воплощение творческой мощи как части образа Божьего в человеке. Может быть, поэтому текст адресован первым дням творения.

Гимн творению рождается не только в рамках библейского и средневекового кода, но также связан с древней ритуально-мифологической памятью: повторяется миф о пробуждающейся Эос, описывается миф о соперничестве зари и Луны.

Обыгрывание, «опевание» образа первого дня творения подчинено и более сложной художественной задаче: у вновь родившегося человека есть преследующая его память о прошлом, арестантском опыте. Радуюсь исцелению и освобождению, Олег не переживает полноты чувства: «Только когда дрогнул и тронулся поезд там, где сердце, или там, где душа — где-то в главном месте груди — его схватило — и потянуло к оставляемому» [12, с. 447]. Движение поезда подчеркивает незаметное душевное движение, некий переворот, обращение, «скрученное» положение соединяет героя с этим душевным движением и почти телесно восстанавливает связь с памятью о прошлом.

Можно сказать, что в финале мы становимся свидетелями не только возвращения к жизни, но и рождения нового писателя, творчество которого будет окрашено и опытом «после ГУЛАГа», и опытом «восстания из мертвых» после страшной болезни, отсылающим нас к истории евангельского Лазаря.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что опыты чтения и внимание автора к человеку читающему являются одной из форм внутренних сцеплений, характерных для композиции повести «Раковый корпус». Писатель включил в текст романа не просто упоминания о книгах, но и описание их восприятия, оценок, обусловленных психологическим, культурным, социальным опытом персонажей.

Анализируя произведение А. И. Солженицына, мы выявили два типа событийности: внешне-сюжетный и внутренне-экзистенциальный. Книге принадлежит особая роль в развертывании второго вида сюжетности: она может открыть путь к внутреннему поиску и возможностям роста личности, но может и огра-

ничить свободу, перекрыв дорогу к реальности и истине, спровоцировав провалы коммуникации с культурой прошлого, ослабив интерпретационные усилия читателей. Второй путь был использован идеологами передового мировоззрения и социалистического реализма.

Полемизируя с адептами идеологии, Солженицын уходит от искушения стать пленником новой. Писатель возвращается к произведениям русской, зарубежной классики и Серебряного века, которым было свойственно «живое искание истины» [2, с. 157], формирует уникальную эстетическую программу, знаки и приметы которой присутствуют в изображении героев-читателей в особенности тех из них, кто избирает литературное поприще или находит в нем свое призвание. Именно в этом заключается главный смысл изображения читательского опыта героев в составе художественного мира «Ракового корпуса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С. Г. О художественных мирах / С. Г. Бочаров. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.
2. Булгаков С. Н. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (Параллели) / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 142-158.
3. Гуревич А. М. Из «Онегинской энциклопедии» / А. М. Гуревич // Гуревич А. М. «Свободная стихия». Статьи о творчестве Пушкина. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 325-376.
4. Мартьянова С. А. Русская и мировая классика на страницах романа А. И. Солженицына «В круге первом» / С. А. Мартьянова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2018. № 1 (29). С. 27-33.
5. Немзер А. С. Литературная девушка / А. С. Немзер // Знамя. 2018. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/12/literaturnaya-devushka.html> (дата обращения: 20.03.2022).
6. Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель / Ж. Нива. СПб.: Вита Нова. 2014. 336 с.
7. Нива Ж. Слово и взгляд у Солженицына / Ж. Нива. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/upload/books/Niva_Zh.-Slovo_i_vzglyad_u_Solzhenitsyna.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
8. От Года литературы — к веку чтения: коллективная монография / науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова. М.: Межрег. центр библ. сотрудничества, 2016. 459 с.
9. Прохорова Т. Г. Диалог с Толстым в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» / Т. Г. Прохорова. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1478> (дата обращения: 16.03.2022).
10. Сараскина Л. И. Солженицын / Л. И. Сараскина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2018. 959 с.
11. Синявский А. Что такое социалистический реализм / А. Синявский. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/satira/samiz/fen04.htm> (дата обращения: 19.04.2022).

12. Солженицын А. И. Раковый корпус / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. Раковый корпус. 552 с.
13. Столяров Ю. Н. Коллективные монографии о чтении: аналитический обзор / Ю. Н. Столяров // Вестник ЧГАКИ. 2017. № 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnye-monografii-o-chtenii-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 15.06.2022).
14. Темпест Р. Толстой и Солженицын: встреча в Ясной Поляне / Р. Темпест. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?SECTION_ID=297&PAGEN_1=2 (дата обращения: 15.03.2022).
15. Терешкина Д. Б. Человек перед лицом смерти: минейный код повести А. Солженицына «Раковый корпус» / Д. Б. Терешкина // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Tereshkina_D.B.-Chelovek_pered_litsom_smerti.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
16. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. СПб.: Симпозиум. 2005. 502 с.

Svetlana Alexeyevna MARTYANOVA¹

UDC 821.161.1

**THE ANTHROPOLOGY OF THE READER'S EXPERIENCE
IN THE STORY *CANCER WARD* BY A. I. SOLZHENITSYN**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associated Professor,
Russian and Foreign Philology Department,
Vladimir State University named after Stoletovs' brothers
martyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118.

Abstract

This article studies reader's experience of A. I. Solzhenitsyn a means of characterizing the consciousness and behavior of the characters in the story *Cancer Ward*. Different researchers have already paid attention to the role of a book, reading, and a person reading verbal and artistic texts in the artistic world (*Don Quixote* by Cervantes, *Eugene Onegin* by A. S. Pushkin, *Poor Folk* by F. M. Dostoevsky, *Madame Bovary* by G. Flaubert); however, these works were fragmentary. The relevant aspects of 20th century literature, including Solzhenitsyn's texts, have been studied even less.

The author of this article shows that the appeal to the reader's experience of the characters is an essential facet of the objective world of the story *Cancer Ward*. The analysis focuses on the question how a book which has been read becomes a part of a character's existential and cultural experience, evidence of either their insights, discoveries, or delusions, dead ends. The article substantiates the discussion of the book in the depiction of Solzhenitsyn's characters from the point of view of cultural anthropology, which studies the relationship of a person with cultural tradition and society, and psychological — with its interest in forms of thinking and communication. Experiences in interpreting what Solzhenitsyn's characters read are important not only for characterizing individual characters, but also for society as a whole. This article emphasizes that the cultural problems of the Soviet era were due to the "archaeological" type of hermeneutics, which alienated a person from the classical tradition, which is enduringly valuable for the self-determination of a person. There are two types of

Citation: Martyanova S. A. 2022. "The anthropology of the reader's experience in the story *Cancer Ward* by A. I. Solzhenitsyn". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 47-60. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

eventfulness in the narrative organization of the text: plot and existential. A special place in the overall picture belongs to a semi-autobiographical character — Oleg Kostoglotov, whose path from death to resurrection includes the experience of reading and comprehending reality through artistic and philosophical texts.

The methodological foundation of the work includes the approaches developed by comparative literature, intertext theory, as well as anthropological, historical, and cultural studies.

Keywords

Book, reader, anthropology, A. I. Solzhenitsyn, *Cancer Ward*.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

REFERENCES

1. Bocharov S. G. 1985. *About Artistic Worlds*. Moscow: Sovetskaya Rossia. 296 p. [In Russian]
2. Bulgakov S. N. 1996. "Vasnetsov, Dostoyevsky, Vl. Solovyov, Tolstoy (Parallels)". In: Bulgakov S. N. *Quiet Thoughts*, pp. 142-158. Moscow: Respublika. [In Russian]
3. Gurevich A. M. 2013. "From 'Onegin's encyclopedia'". In: Gurevich A. M. "Free Element". *Articles about Pushkin's Creativity*, pp. 325-376. Moscow: Yazyli slavyanskoy kultury. [In Russian]
4. Martyanova S. A. 2018. "Russian and world classical literature in A. I. Solzhenitsyn's novel *In the First Circle*". *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1 (29), pp. 27-33. [In Russian]
5. Nemzer A. S. 2018. "Literary girl". *Znamya*, no. 12. Accessed 14 March 2022. <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/12/literurnaya-devushka.html> [In Russian]
6. Niva Zh. 2014. *Alexander Solzhenitsyn: Fighter and Writer*. Saint Petersburg: Vita Nova. 336 pp. [In Russian]
7. Niva Zh. *Solzhenitsyn's Word and View*. Accessed 20 March 2022. http://www.solzhenitsyn.ru/upload/books/Niva_Zh.-Slovo_i_vzglyad_u_Solzhenitsyna.pdf [In Russian]
8. Askarova B. Ya. (ed.). 2016. *From the Year of Literature — To the Century of Reading*. Moscow: Mezhr regionalnaya tsentralnaya biblioteka sotrudnichestva. 459 pp. [In Russian]
9. Prohorova T. G. *Dialogue with Tolstoy in A. I. Solzhenitsyn's story *Cancer Ward**. Accessed 20 March 2022. <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1478> [In Russian]
10. Saraskina L. I. 2018. *Solzhenitsyn*. 2nd edition. Moscow: Molodaya gvardiya. 959 pp. [In Russian]
11. Sinyavsky A. *What is socialistic realism*. Accessed 19 April 2022. <http://www.agitclub.ru/museum/satira/samiz/fen04.htm> [In Russian]
12. Solzhenitsyn A. I. 2012. "Cancer Ward". In: Solzhenitsyn A. I. *Collected Works in 30 vols. Vol. 3. *Cancer Ward**. Moscow: Vremya. 552 pp. [In Russian]
13. Stolyarov Iu. N. 2017. "Multi-authored monographs on reading: analytical review". *Culture and Arts Herald*, no. 4 (52). Accessed 20 March 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnye-monografii-o-chtenii-analiticheskiy-obzor/viewer> [In Russian]

14. Tempest R. Tolstoy and Solzhenitsyn: meeting in Yasnaya Polyana. http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?SECTION_ID=297&PAGEN_1=2 [In Russian]
15. Teryoshkina D. B. 2015. "A man facing death: mineyny code of A. Solzhenitsyn's novel 'Rakoviy Corpus'". *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, no. 3. Accessed 15 March 2022. http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Tereshkina_D.B.-Chelovek_pered_litsom_smerti.pdf [In Russian]
16. Eco U. 2005. *The Role of the Reader Explorations in the Semiotics of Texts*. Saint Petersburg: Symposium. 502 pp. [In Russian]

Ольга Константиновна ЛАГУНОВА¹
Виктория Валерьевна МАРКОВА²

УДК 82.09(571.121)

**ФИЗИЧЕСКАЯ НЕНОРМА КАК МЕРА
ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА
В ПОВЕСТЯХ НЕНЕЦКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ А. П. НЕРКАГИ
(К СПЕЦИФИКЕ ЭТНОТЕРПЕНИЯ)**

¹ доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
eleshenska@yandex.ru

² кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru

Аннотация

В статье впервые системно описывается феномен отклонения от физической нормы в четырех повестях русскоязычного ненецкого прозаика Анны Неркаги. Предмет изображения рассматривается в работе со следующих позиций: 1) как элемент онтологичности мышления выдающегося представителя коренных малочисленных народов России; 2) как инструмент испытания и восстановления нормы/порядка; 3) как механизм, связанный с опорой ненецкой словесности на культуру синкретической и традиционалистской стадий развития искусства слова.

В статье авторами обозначаются проблемно-тематические аналоги феномена ненормы в региональном контексте, выступающие косвенными и прямыми импульсами по отношению к прозе Неркаги или в качестве ближнего сопоставительного материала для нее. Системность описания позволяет увидеть различие вариантов изображения

Цитирование: Лагунова О. К. Физическая ненорма как мера природного и социального порядка в повестях ненецкой писательницы А. П. Неркаги (к специфике этнотерпения) / О. К. Лагунова, В. В. Маркова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 61-78. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

этнотерпения в национальных культурах России и на этой основе отрефлексировать их специфику в гуманитарной понятийной линейке.

Статья выполнена в рамках Года культурного наследия народов России и является продолжением комплексного изучения прозы А. Неркаги, неоднократного номинанта на Нобелевскую премию по литературе. Это изучение было начато коллективной монографией о ней и трехтомным изданием прозы писателя 1970-х — 2010-х гг. с научными комментариями. Анна Неркаги выступает в миссии посвященного в тайны бытия своего народа и говорит от его имени. Сюжет в ее повестях, отражая кругозор автора, способствует проявленности самовосстановления героя, бытийной нормы в нем. Она же базируется на природно-языческом начале, составляющем судьбу персонажа и обеспечивающем равность его своей судьбе и месту в этносе.

Ключевые слова

Малочисленные коренные народы России, ненецкая литература, Анна Неркаги, ненорма, порядок, онтология, историческая поэтика.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

Введение

В русском толковании терпение связано не только с определенным качеством внутреннего и внешнего состояния, но и с наличием границы, за чертой которой это состояние исчерпывается, уничтожается («лопается») [15, с. 784]. Оно имеет свою меру и сверхмеру, доступную разве что высшей силе и ее носителям (например, Христос). В антропологической сфере терпение сопрягается с иными, но схожими качествами (настойчивость, стойкость, упорство, выдержка, безропотность, смирение и др.), а также наличием особых условий (страдание, боль, неудобства, неприятность, тяжесть, крушение, бедствие, поражение, беспокойство и др.). Всё это обозначается специалистами при толковании данной лексемы и в рамках ее лексического гнезда.

Сравнительный анализ произведений разных национальных литератур [3, 5] дает возможность исследовать не только бытовые проявления этики отношения к отклонению от физической и психической нормы в людях, но выйти и к различиям национальной ментальности, к различию отношения к уродству как самого носителя изъяна, так и социальной среды.

Широкий и разнообразный материал для осмысления феномена дает художественная практика русскоязычных писателей малочисленных народов, где посредник с русским переводческим самосознанием не востребован.

Тундровая ненка Анна Неркаги — одна из фигур этого ряда. Ее тексты переведены на английский и испанский языки, она дважды номинировалась на Нобелевскую премию по литературе. Синкретичность и традиционалистичность поэтики ее прозы, а также соотнесенность компонентов христианского мироощущения с языческими основаниями авторского ценностного кругозора по-

зволюют показать особое качество терпения как нормы этнической жизни, как ожидание возвращения порядка, изначально данного природой и поддерживаемого человеком внутри традиции. Здесь вера в порядок мыслится как внеиндивидуальное испытание, и потому именно христианский компонент (повесть «Молчащий» [13]) вводит терпение в качестве рефлексивной категории, хотя и до этого ее наличие сюжетно и персонажно прорабатывается автором (повести «Анико из рода Ного», «Илир» [13], «Белый ягель»).

Терпение — это проявление индивида и окружающих к испытанию. У Неркаги это изображается в сюжетах физической аномалии героя, его телесной аномальности. Аналитика телесности в последние десятилетия переживает подъем, который отчасти связан с кризисом социальных характеристик субъектов. Связка здоровье/болезнь (норма/отклонение) пронизывает различные этажи словесной культуры и на каждом из них имеет свое особое качество (мифологическое/фольклорное/литературное). В пределах религиозных различий срабатывает дополнительное различающее наложение (языческое/христианское/иудейское/буддистское). Испытание духа инвалидностью стало ракурсом рефлексии и в сфере художественно-эстетической. В этой связи показательны хронологические рамки существования газеты «Русский инвалид» в России. Столичная газета появилась в 1813 г., т. е. по результатам победоносной для страны Отечественной войны, а закончила бытование в 1917 г., т. е. во время Первой мировой войны, в условиях радикального государственного кризиса. Тематически и целево хронология выявляет здесь историческое наполнение жизни в ее массовом разрезе, что сегодня получает методологию гуманитарной рефлексии [21, 22].

Русские же литераторы, как известно, были убеждены, что именно духовное нездоровье порождает страдания тела. Неслучайно военный и писатель М. Ю. Лермонтов в письме родственнице на смеси французского и русского языков замечал, что страдания тела происходят от болезней души, и советовал ей быть «внутренне покойной», следовательно, здоровой [9, с. 388]. Так работала христианская стандартная формула антропологического двуединства духа и тела при доминировании вечной жизни духа и ограниченности земной телесной оболочки.

Вторая мировая война обострила, но не отменила для российской империи это двуединство, хотя в условиях «советской цивилизации» зримо акцентировался телесный элемент. Это прослеживается, например, в центральном монологе пьесы «Вечно живые» В. С. Розова [20, с. 44]. Христианский пафос ясно формулировался в дни самой войны Б. Л. Пастернаком (см., например, стихотворение «Смерть сапера» [16, с. 45]). Более того, в ранних редакциях этот текст насыщался автором открытой антитезой духа и тела [16, с. 283] (см. также [7, с. 92-93]). Отечественность испытания создавала органику целостности антропологического единства души и тела у людей христианского сознания различных социальных слоев, подлинности героизма, невозможного без самопожертвования (см., например, стихотворение А. Межирова «Музыка» [11]).

Региональные сектора литературы страны что в стихотворном, что в прозаическом варианте схватывали данный мотивно-тематический настрой общенациональной культуры. В частности, это показательно и для тюменских литераторов. Напомним, что в Тюмени работало в период войны восемь госпиталей. В романе «Так было» (1960-1966) К. Я. Лагунова между Андреем и Полиной обозначается проблема невозможности продолжения рода вследствие военной контузии героя [8, с. 308]. Важной в романе является сцена обсуждения на собрании инвалидов строительства двухэтажной школы для детей в поселке. Бывший комиссар поселка Рыбаков сообщает, что в райцентре проживает «почти триста инвалидов», но и на третьем году войны «наш долг помогать фронтовикам» [8, с. 313]. В финале романа автор дает монолог-совет умудренного руководителя (обращенный к младшему, но тоже уже руководителю) не отрываться от родной земли, отдать ей свое сердце [8, с. 400]. Закономерно, что, аналогично бывшему духовному наставнику в литературе и жизни К. Я. Лагунову, тундровая ненка А. Неркаги в своей поздней этнопедагогике, обращенной к детям-сиротам своего народа, будет апеллировать к исходности для человека родной земли: «Я увожу детей далеко в тундру Полярного Урала и говорю им: “Бегайте по полянам — чтобы земля слышала, как вы смеетесь! Земля ждала вас — бегайте! Бегайте по ней кругами — она чувствует на себе ваши ноги”» [5, с. 28]. И не случайно лирический субъект одного из послевоенных поэтов Тюмени объединил в известной формуле чувства свои с персонажем-инвалидом: «Мы мир, мы мир удержим / Хотя б одной рукой!» [6, с. 216-217].

В середине 1970-х гг. ненецкий писатель Иван Истомина, сам инвалид с детства, выпустит роман «Живун» о мальчике-инвалиде Ильке, который станет важным событием в литературе Тюменского региона, ведь автор уже давно проживал и работал в областном центре. Этот духовно-тематический контекст обозначил как особенную тему тела у Анны Неркаги.

Одно из мудрых изречений ненцев гласит: «Глаза у него ушли вовнутрь лица, на расстояние долгого крика». Так описывают людей, принявших страдания, тяжелобольных. «Нормальные» люди таких не прогоняли, помогали, чем могли, ни о чем не расспрашивали «страдавших». «Подруга» Страдания — Скорбь, но та Скорбь, в уголках губ которой живет не умирающая никогда величественная Надежда» [14, с. 87].

Методы

Авторы статьи методологически ориентированы на достижения отечественной исторической поэтики и этнофилологический подход к осмыслению литературных явлений. Понимание словесной культуры в полиэтнической России как сложного разнофазового комплекса пока не стало методологической нормой филологического мышления. Встраивание в нее, то есть в норму, различных проблемно-тематических феноменов (таких как нарушение физического порядка), характерных не только для литературных, но и, например, музыкальных произведений (опера, балет), способно при накоплении аналитического мате-

риала создать перспективные креативные связки интермедиальных, культурологических, историко-генетических и этнофилологических технологий анализа эстетических явлений страны и континента.

Результаты и обсуждение

Крик — не свойственная в повседневной жизни угорских и самодийских народов форма выражения сильной эмоции. Крик может сопровождать определенные ритуальные действия. Например, когда ворожей завершает «путешествие» к духам, он «бросает бубен, выходит из экстаза и присутствующие кричат: «ты! ты! ты! (Да!)» [10, с. 121]. В начале сеанса «самоеды, подлаживаясь под звуки бубна, кричат сперва тихо, а затем более громкими голосами гой, гой, гой!» [10, с. 122], уговаривая духов помочь им. В этом ритуале, сочетающем шепоты шамана и крики присутствующих, оказываются рядом и скорбь, и надежда.

Крик может быть следствием-реакцией на невероятного масштаба катастрофу, которая, например, обрушилась на семью Матери Детей в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» [1]. Потеря дочери вызвала такой у матери такой дикий крик, что от него «треснули льды и снега болота. Треснуло небо. Треснуло солнце. Всё вокруг покрылось трещинами» [1, с. 73]. Этот крик переходил в «жуткий вой», «расшатывал, казалось, всё мироздание. Всё рушилось. Всё рассыпалось. Казалось, подступал конец Мира, человечества, остяцкого народа» [1, с. 73]. Надежду Матери на то, что аэроплан не будет убивать детей, поглотила великая Скорбь. В приведенном выше изречении ненецкого народа в одном ряду крик, потери, страдания, боль. «Долгий крик» не обязательно должен иметь звуковое выражение. «Долгий крик» — это взгляд, жест, телодвижение, выражение лица.

Образ Хона

Первое представление Хона в повести Неркаги «Илир» фиксирует его физическую немощь: тонкие высохшие ножки, горб, худенькие кулачки, передвижение на четвереньках. Описание вызывает скорбь, которую приглушает надежда: «маленький Хон смотрел на небо и землю <...> губы тихо шевелились, будто мальчик еле слышно пел песню надежды или говорил с Яминей» [13, с. 123]. Физическая неполноценность мальчика часто подмечается его отцом, который тоже ощущает себя ущербным, обделенным: у него нет достойного здорового наследника. Потому всё нездоровое, искалеченное в ребенке раздражает, мотивирует обиду, агрессию, в которую лишь изредка пробиваются жалость и сочувствие. В поле зрения отца часто попадают два ребенка: здоровый, крепкий, красивый Илир и хилый, немощный Хон. Один выглядел маленьким мужчиной, другой калека, урод, «не будущий мужчина», не будущий хозяин оленьих стад.

Указание в тексте на то, что Хон равнодушно относился к своей немощи, корректировалось замечаниями о желании и надежде мальчика измениться. Он уповал на солнце и его тепло, на доктора, которого привезет красная нарта. По-

нимание, что это чудо не произойдет, стало основанием веры в другое чудо. Ограниченность общения, перемещения, отсутствие должной заботы и любви со стороны близких сформировали в сознании ребенка убежденность в том, что где-то должен быть особый мир, где его поймут и примут таким, какой он есть, где его полюбят и оградят от невнимания и злобы. Болезнь дала понять этот мир рядом. Это Земля, по которой он ползал. Вид травинку, которую гнет к земле ветер он ассоциирует с собой: «Такая же, как я... Похожих на себя я могу найти только внизу, на Земле. Я и Земля — едины...» [13, с. 163]. Мальчик сравнивается с хрупким и беззащитным, редко встречающимся горным цветком, который растет среди камней в одиночестве. Ребенок не разрушает себя размышлениями о своей болезни, о том, как ему тяжело в мире здоровых людей. Найдя свой мир, где нет людей, он сам себя спасает от одиночества и нелюбви, от жестокости отца к нему, Илиру, Грехами Живущему, от неприязни матери.

Ребенок даже находит преимущества своей жизни, данные ему инвалидностью: только такие, как он, могут оценить и понять всю красоту природного мира. У каждого из обитателей «маленьких озер» «поставлен невидимый для человека чумик», где живут дети и старики. Не случайно Хон замечает, что никто не видит и не знает того, что ведомо ему. Тем самым он конструирует свою особую, овеванную тайной, реальность, в которую он, но никто другой, хочет и может переместиться: надо только превратиться в паучка или жучка. Это превращение может освободить его от беспомощных ног, слабых рук, разрывающем кашле. И вот он уже представляет, как поднимается над постелью и «выскользнув в верхнее отверстие чума, парит в синеве» [13, с. 202, 203]. Мечта о превращении Хона в жителя подводного мира имеет мифологическую основу. Превращение хаоса в космос «оказывается переходом от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформленному, от разрушения к созиданию» [12, с. 206].

Он находит силы посмотреть на себя со стороны, увидеть и понять, насколько он жалок и некрасив. Но, что важно, это расстраивает ребенка исключительно потому, что он не сможет защитить от злого отца Илира, собаку Грехами Живущего, что с этим ни на что непригодным телом ему надо будет жить дальше. И в искаленном теле постепенно просыпался протест против самых близких, который позволил мальчику, преодолевая страх, нарушая иерархию старший/младший, «твердо», «уверенно» сказать вслух родителям: «Вы злые. Очень злые» [13, с. 191].

Ребенок-инвалид острее здоровых людей реагирует на агрессию и несправедливость. Он, слабый, неспособный защитить себя, пытается защитить и помочь другим, рискуя быть наказанным. Потрясенный жестокостью отца и матери, не пожалевших его, инвалида, Хон думает не о себе, а об Илире, которого отец приносит в полумертвом состоянии. Без спроса, тайком взяв кусок мяса из котла, он отнес его сироте; собрав последние силы, воспользовавшись отсутствием отца, Хон предложил матери позвать к огню Илира; задыхаясь от кашля, он принес Илиру свой аркан. Покидая этот несправедливый мир, Хон призывал

Илира: «Уходи отсюда... Уходи. У тебя есть ноги. Ты можешь» [13, с. 212]. Эти тихо сказанные слова звучали как крик, в котором прочитывалось: если бы я не был калекой, я бы ушел.

Мечта, облегчающая уход Хона, уводила его в любимое озеро-лужицу, над которым стояли два «веселых» куста багульника. Лепестки цветов, падающие в воду, обеспечивали ее особый запах. Здесь, в этом маленьком озере, было уютно, тепло, спокойно: домики под листочком, добрые жучки, «умный» и «вежливый» сосед — усатый паучок. Мальчик был счастлив только в этом мире, где царил закон: «радуйся сам и радуй других» [13, с. 206]. Мечта о жизни без отца, жизни с отдающей теперь себя слабющему сыну матерью, жизни с дружной семьей подводного мира сопровождала последние земные дни Хона.

Крик, который мать удерживала, чтобы не потревожить умирающего сына, вырвался наружу, когда Хона не стало. На ее крик-воплъ не ответили ни Солнце, ни Небо, ни Земля, ни Яминя. Им не нужна была его смерть. Только потеряв сына, мать вспомнила, как сама относилась к его уродству: «Ни разу не утешила, не приласкала его, больше того, смотрела на мальчика с досадой и раздражением <...>. Много вспомнила женщина. И ужаснулась, и взвыла с отчаянием, потому что поняла: <...> ее материнское равнодушие, недовольство сыном ускорили его смерть» [13, с. 214]. Эти воспоминания возвращают к началу повествования, предоставляя еще раз родителей к ребенку-инвалиду, осознающему свое уродство, лишенному обычных детских забав. Крик-потеря матери в финале повести сливается с криком-болью Хона в начале повествования, когда отец наказал сына-инвалида.

Образ дочери Хасавы

В повести «Белый ягель» одна из героинь (дочь Хасавы) — инвалид от природы. В стойбище, в котором происходит действие, отец и «от роду немая» дочь появились неожиданно. Первая реакция девушки на встречу с незнакомыми — беспокойство и страх. Имя героини автором не названо, его, по сути, заменяет недуг — немая. Окружающие принимают ее спокойно, никак (ни раздражением, ни чрезмерным вниманием) не акцентируя ущербность девушки, достойно справляющейся с ролью хозяйки чума.

В тексте не раз подчеркивается внимание, с которым девушка вслушивалась в слова говорящих. Лишенная возможности отреагировать словом, она выражала свои эмоции (всегда экспрессивные) телодвижением, жестом, мимикой. Чаще всего повествователь выделяет выражение лица, движение рук, взгляд. Взгляд заплаканной дочери, сидящей у котла, в котором кипела только вода (еды не было), вызвал в обезумевшей от навалившейся беды Хасавы мысли о необходимости вернуться к нормальной прежней жизни. Ни обходившие стороной его чум люди, ни валяющаяся в какой-то рухляди дочь не могли остановить его падение. Лишь однажды пойманный ее взгляд, в котором были и голод, и жалость, взгляд, ударивший сильнее слов, дал понять, как он виноват перед всей своей семьей, «всей своей жизнью, перед оленями» [13, с. 83]. Когда после тя-

желейших двух лет к уже окрепшему Хасаве приехали сын и дочь, немая безудержно радовалась этой встрече и подаркам. Слушая разговор отца и приехавших гостей, требующих то, что им, якобы, принадлежит по закону, не понимающих, что олени — это не деньги, а братья по жизни, судьбе и горю, немая «широко раскрыла рот и глаза <...>. В глазах у нее стояли слезы» [13, с. 87]. Радость сменилась непониманием, тревогой, отчаянием. Важная деталь — «белые, сытые» лица брата и сестры, добывающих своими словами отца, а заодно и сестру, ничего не выражали. Неконтролируемые и произвольные («не замечая, что вытирает руки, перепачканные в золе о новое красное платье» [13, с. 87]; «вся насторожившись, подбадривала огонь дрожащими руками» [13, с. 88]; перед тем, как выйти на улицу, где Хасава убивал своих оленей, немая «дрожащими, но сильными руками разорвала прямо на себе, не снимая, свое новое платье и, мыча, бессильно бросила сестре и брату яркие куски ситца» [13, с. 89]) движения рук немой, передавая состояние девушки, демонстрировали, скорее, не неспособность ее к словесному выражению эмоций, а невозможность найти подходящие слова, чтобы остановить творимый братом и сестрой беспредел, упакованный в слова, бросаемые в лицо отцу: «должен», «закон», «обязан», «нужно», «деньги».

Когда Пэтко собрал людей стойбища, чтобы раздать бережно хранимое приданое дочери, которая, как он понял, не вернется, в его руках оказались суконные дорогие упряжки со старинными бубенцами, издающими чудесный «малиновый звон». Старый ненец, встретившись взглядом с «удивленными глазами» немой, понял: «кто другой, кроме нее, должен ночевать под радостный звон колоколов. Немая. Ей, обиженной богом или судьбой, только ей слышать до конца своих дней песни радости, которые не пожелала знать его родная дочь» [13, с. 99]. Жест старика — не проявление жалости к девушке, не желание ее подбодрить, поддержать, а убежденность, что она не предаст свою землю, не бросит отца, а будет жить как должно. «Удивленные неземной красотой» глаза девушки-сироты засветились необыкновенной радостью от подарков старика, которые она воспринимала и как утешение, и как возможность продолжать жить как надо. Глава, где описано, как Пэтко раздает приданое дочери, завершается сценой всеобщей, всех объединяющей радости, дающей силы жить дальше, убеждающей в том, что ничто в этом маленьком сообществе людей никому не даст пропасть, потеряться, стать сиротой. Немая, «забыв обо всем», сидела под тремя деревьями (в мифологии самодийских народов дерево символизирует животворящее начало), «прислонившись к их могучему стволу, то и дело тревожила колокола, и их несуетливый звон не раздражал людей» [13, с. 102].

Образ Хромого Дьявола

Инвалидность — это то состояние, которое может кардинально изменить или изначально направить по особому руслу жизнь любого существа, будь то человек или животное. В повести «Анико из рода Ного» одного из представителей природного мира (волка) фиксирует суть его физической ущербности — Хромой

Дьявол. Повествование начинается с истории о том, как здоровый, сильный зверь превратился в инвалида. Волк на протяжении повествования вспоминает, как случай разделил его жизнь на тогда, когда у него было всё (логово, волчица, волчата, стая), и теперь, где нет ничего, кроме одиночества и тоски по прежней жизни, кроме жажды отомстить людям за свое уродство и желания всё-таки хоть на исходе своих дней обрести счастье. Он знал счеты и законы мира, где жил, понимал, что теперь он, «больной», «слабый», «несчастный», своей «уродливой фигурой» не только «не внушал страх», но даже сильному ветру не всегда мог сопротивляться: «Три лапы — не четыре» [13, с. 309]. Волк осознавал, что он уродлив, но он продолжал любить жизнь, кровь, рассветы, темные ночи, своих волчат, логово. Ему хотелось доказать и себе, и другим, что «урод имеет такое же право на счастье, как все» [13, с. 387]. А пока этого счастья не было, были тоска и одиночество, о которых он иногда рассказывал всему миру. В минуты отчаяния волк начинал выть. Это был вой-обида, вой-плач, вой — крик о боли, вой — тоскливая угроза. В этом вое слышались и жажда любви, и страх смерти, и бешенство от запаха чужой волчицы и чужого счастья, от отчаяния, от собственной слабости и бессилия.

Хромой Дьявол понимал, что ему надо торопиться жить, чтобы успеть отомстить искалечившим его «двуногим» и воспитать сына-наследника. Одно было связано с другим. Имя волка не исчерпывало его сути. В повести есть сцены, демонстрирующие метаморфозы Хромого Дьявола. Наблюдая за волчатами Рваного Уха, играя с одним из них, он вдруг становился трепетно-нежным, заботливым, мягким, сентиментальным. Мечта об «отцовском счастье» реализовалась. Украденный с риском для жизни щенок стал сыном Хромого Дьявола. Уже «почти слепой, лишенный зубов и чутья», он водил сына по местам «прежней жизни», передавая «в наследство <...> свою землю <...> и ненависть к сильным людям» [13, с. 391, 392]. Нередко, описывая отношения между людьми разных поколений, Неркаги сравнивает их с деревьями, акцентируя, как старшее поколение держится на этой земле из последних сил, чтобы поддержать друг друга и дать вырасти молодым. И здесь в описании отношений волков подчеркивается, как слабеющий, стареющий калека-отец торопится передать свой жизненный опыт. Процесс воспитания подробно не описан, но в сценах, где показаны оба волка, когда рядом с отцом уже не щенок, а сильный, крепкий молодой сын, выделены детали ласкового заботливого отношения уже младшего к старшему. Теперь молодой волк добывал еду и кормил отца — «учителя»:

«Второй волк был стар <...>. Он сделал несколько шагов к молодому <...>; молодой подошел к нему, ткнулся носом в его шею, он ответил на ласку еле заметным движением куцевого хвоста. Потом лег на землю, где только что отдыхал молодой, и тяжело вздохнул <...>. Молодой лег рядом, и теперь контраст между ними был еще явственней <...>. Так иногда распорядится природа: поставит рядом два дерева, одно без ветвей, со сломанной верхушкой и больной корой, второе — зеленое, радостное, с неугомонным шелестом листьев» [13, с. 391].

«Отцовское счастье» и выросший сын не примирили Хромого Дьявола со своей ущербностью, лишившей его радости жизни на многие годы. Желание рассчитаться с теми, по чьей вине он лишился задней лапы, было так велико, что не давало умереть: «Эта ненависть и заставляла его жить» [13, с. 392]. В финале повести Неркаги эту ненависть к двуногим волки выплеснули сполна. Сын отомстил за отца. Два старых врага, собака Буро и Хромой Дьявол погибли в схватке. Волка положили на «нечистую» нарту, собаку — на священную. И между этими нартами метался молодой крупный волк. Он не знал, как поступить. Он не мог долго оставаться среди людей, и ему трудно было расстаться с отцом. Наблюдающему за этой сценой Алёшке «становилось жаль волка, который, видимо, остался одиноким и, может, не знал, как жить дальше» [13, с. 402]. После колебаний и раздумий он стал удаляться от стойбища, перед уходом, как показалось Алёшке, смело посмотрел на человека: «Уж не признали ли он силу человека, в то же время не унижая и свою?» [13, с. 403]. По сути, отец-калека сумел, как видим, воспитать достойного наследника, возродив в нем то, что было утрачено им самим после того, как он стал «уродом».

Особость отношений ненца с природным миром ограждает человека от скоропалительной реакции на неблагоприятные действия того или иного животного. Сначала надо попытаться понять, почему зверь так поступил, что им двигало, а поняв, принимать решение. Старики стойбища были убеждены, что Хромой Дьявол загрыз Некочи и ее маленькую дочь, но мстить волку не стали: «Это он сделал по своим законам» [13, с. 326]. Волк — «главный миссионер» в тундре. Если человек — пастух оленей, то волк — «пастух стойбищ». «Оленеводы, — пишет А. В. Головнёв, — с пониманием относятся к нуждам хищников и считают, что волки должны регулярно поедать домашних оленей, так же, как это делают сами люди» [2, с. 221]. И в финале повести человек, понимающий, насколько грозен и опасен зверь, не тронул его, а лишь выказал свое уважение и восхищение.

Образ Грехами Живущего

В повести «Илир» есть представляющий природный мир персонаж, которого возраст превратил в инвалида. Грехами Живущий — собака-пастух, немолодая, утратившая прежнюю прыть и ловкость. Пес не любит людей, ни более или менее доброжелательных по отношению к нему, ни агрессивных, пинающих ногами, бросающих в него камни. Но более всего он «ненавидел хозяина», который платил ему тем же. Однажды собака не справилась со стадом оленей и, понимая это, ждала удара от хозяина. Один из ударов арканом пришелся по глазу пса. Свидетелями сцены жесточайшей расправы были мальчики Хон и Илир. Не способный защитить Грехами Живущего, Хон подталкивал оцепеневшего от страха Илира к каким-то действиям, которые могли бы остановить обезумевшего Майму: «Беги к нему <...>. Скажи <...>. Он убьет его» [13, с. 183]. Преодолев страх, Илир, подбежав, накрыл собаку своим телом, предложив заменить собою Грехами Живущего: «Я побегу вместо Грехами Живущего» [13, с. 184].

Грехами Живущий хотел быть внутренне свободным, потому не выносил, когда его сажали на ненавистную цепь. Как и Хромой Дьявол, он посылал небу свой вой-жалобу, вой-угрозу, постепенно переходящий в «тоскливую песню». За всю свою собачью жизнь Грехами Живущий не подпускал к себе ни одного человека так близко, как подпустил сироту Илира. Оба на цепи у поганой нарты, оба изуродованы хозяином, оба одиноки. Мальчик и собака были спасением друг для друга. Неагрессивность маленького человека, говорящего псу нежные слова, обнимающего его, пробудила в старой собаке ответные родственные чувства. Он воспринимал «добрые ласковые звуки», исходившие от ребенка, как «дружелюбное урчание»: «Илир и старый пес стали жить вместе. Они делили постель <...> Делили и пищу, которую ели из медного таза <...> казалось, они во всё понимали друг друга, не объясняясь, и знают какую-то тайну, неведомую другим <...> ведут себя так, словно счастливы» [13, с. 198, 199].

В тексте подробно описана реакция собаки на потерю зрения, его ощущения, эмоции, сменяющие одна другую: удивление, ярость, ожидание боли (воспоминания детства, когда на голову щенку надевали мешок, а потом били), неуверенность, враждебность, агрессивность. В борьбе еще жившей в нем ненависти к людям и доброго отношения к мальчику победила мудрость старшего: «В последние дни Грехами Живущий держался так, будто знал, что гораздо старше и опытней Илира. Мальчик часто натывался на его испытующий взгляд. Так смотрит мужчина на ребенка, набрасывающего аркан на разбросанные по земле оленьи рога» [13, с. 200].

Недуг не всегда сближает человека с человеком, человека и зверя, зверя со зверем. Но поведение мальчика, хорошо знающего, что такое боль физическая и моральная, растрогало дрожащую, только что ослепшую собаку: «между ними никогда еще не было такой близости, выливавшейся в нежность» [13, с. 201]. Слепота потрясла и самого Грехами Живущего, и мальчика, уговаривающего друга, что бояться нечего, надо жить, он защитит. Они хорошо понимали друг друга, изуродованный хозяином ребенок и натерпевшийся от того же хозяина ослепший пес. Недуг собаки как бы окончательно породнил их. Не случайно чуть ранее наблюдавший за странными, с его точки зрения, отношениями мальчика и собаки Майма заметил: «скоро его стал тревожить этот странный союз <...> сирота и Грехами Живущий были уж слишком едины» [13, с. 194, 199]. При описании отношений мальчика и собаки Неркаги часто использует слово «понимать». Понимание — это то, чего не хватало многим ее героям, это то, что стало основой единения маленького мальчика и собаки. Показателен в этом плане случай, когда однажды Илир пришел, упал на мох и заплакал. «Обеспокоенный» его долгим отсутствием Грехами Живущий «подковылял к мальчику, лег рядом, встревоженно взглянув, лизнул его холодную руку <...> изнывая от тоски и жалости, задрал вверх морду, и завыл» [13, с. 205].

Человек или животное при полученных разными путями по разным причинам ограничениях жизнедеятельности достаточно быстро начинают приспосабливаться к новой жизни. Так и Грехами Живущий стал общаться с миром

исключительно через слух. Он хорошо различал шорохи и шумы, безошибочно узнавая шаги, запах, дыхание, скрип лыж Илира. Времяисчисление обрело иные формы: не смена дня и ночи, а приход и уход маленького доброго человека. Частью жизни Грехами Живущего, как и Хромого Дьявола, стали воспоминания о том времени, когда он не был слеп. Их немного, но к ним возвращали запахи, например, дыма, что побуждало к воспоминаниям об огне, костре.

Образ Варнэ

В повести «Илир» есть героиня, которую также можно причислить к инвалидам. Ее физическая ущербность не природного, генетического происхождения, не результат воздействия извне кого-либо или чего-либо. Свой недуг она выбрала сама добровольно и осознанно. Речь идет о Варнэ, предстающей перед читателем и другими персонажами то сумасшедшей, то здоровой. В начале повести она представлена как сумасшедшая старуха, бродящая по стойбищу ночью. То, что она делает («со злостью плюнула на шкуру, лежащую поверх нарты с идолами»; «переступила через хорей»; «три раза перешагнула через упряжь» ездовой нарты, через охотничьи снасти; погрозила кулаком чуме Маймы [13, с. 143]), свидетельствует о том, что она осознает смысл своих поступков. Каждый шаг или жест сопровождается словесным проклятием в адрес того, кого она считает своим врагом. Она желает ему «черной болезни», обезноживания оленей во время долгого пути, неудачи на охоте, нападения на него злого хищника, который изуродует его. Обряд, который совершает Варнэ, направлен на уничтожение обидчика.

«По ненецкой традиции, — пишет А. В. Головнев, — женщина не должна перешагивать через аркан, хорей, мужскую одежду, оружие, орудия промысла, упряжь, пересекать путь идущему аргишу. <...> Если женщина желает навредить мужчине, она злонамеренно перешагивает через его вещи (прежде всего шест-хорей) <...> женщине, наделенной свойством рожать, принадлежит и способность умерщвлять» [2, с. 213, 214].

Автор не предлагает читателю задать и ответить на вопрос больна ли героиня. В тексте есть комментарий повествователя к ее поведению: «старая женщина вздрагивала от дум. Весь день уходил у нее на кривляния, а ночью, когда всё живое засыпало <...> можно было расслабиться, стать собою» [13, с. 143]. Подозрение, что героиня вполне здорова и лишь играет роль сумасшедшей, возникает, когда она единственная посочувствовала горю Илира, подбодрила его, разговаривая с умным и понимающим ребенком, как «с равным». Она, разведя огонь в его опустевшем чуме, позвала мальчика, чтобы сказать ему особые слова о жизни, доме, смерти отца, чтобы посоветовать ему взять уголек из родного очага, который бы защищал и оберегал Илира.

Размышления Варнэ связаны либо с тем, как много на земле злых людей, напоминающих обоюдоострый нож, либо с воспоминаниями о своем прошлом, когда был свой дом, отец, мать, когда казалось, что можно в этой жизни быть

счастливой. Но счастья не случилось. Начало истории («Давным-давно, когда ее звали еще Едэйне» [13, с. 144]) и отдельные детали (например, неприятный скрип в основании шеста — голос Харбцо, забирающего у людей рассудок) отсылают к мифологии и фольклору ненцев. К тому же история Едэйне-Варнэ связана с метаморфозой (женщина-птица), часто встречаемой в мифах, сказках, легендах, преданиях ненцев. Трагическая гибель отца, скорая смерть матери, понимание того, что счастливой жизни не будет, мотивировали желание Едэйне добровольно отдать Харбцо свой рассудок. Он понял желание женщины, но рассудок у нее не отнял. Тогда и пришла героине мысль изобразить сумасшедшую, что облегчило бы ей жизнь.

Сумасшедшая — значит больная, неадекватная, не контролирующая свои поступки, действия, слова. Но если это мнимое сумасшествие, тогда можно говорить, что думаешь, даже если никто не примет твои слова всерьез. Однако, чтобы никто не усомнился в том, что перед ним сумасшедшая, выглядеть надо тоже соответствующим образом. Это обратимое превращение *здоровая* — *больная* часто акцентируется в тексте как раз через внешние метаморфозы героини. Она выглядела порой страшной старухой: «скрюченные», кривые, черные пальцы, рваная ягушка, гильзы на концах шапки, неприбранные грязные волосы, «дряхлая», «облезлая», «засаленная» одежка, издаваемые ею странные звуки, взмахи рук, похожие на хлопанье крыльев, резкие «вороватые», необъяснимые движения, таинственный вид, хищный блеск глаз, непонятный шепот, взрывной пугающий хохот, визгливое вскрикивание, дрыгание ногами, кривляние, карканье и т. д. — всё свидетельствовало о безумии героини. Но спокойно-рассудительный разговор с осиротевшим Илиром, советы, которые Варнэ давала мальчику, повторяемая гостям фраза «Я не сумасшедшая <...> я в своем уме» [13, с. 160], просветленный, чистый, помолодевший, не имеющий конца взгляд Варнэ — всё это свидетельствовало о здоровом уме женщины, признающей в том, что хотела отдать Харбцо свой разум, но он не взял. Одинокая скорбная фигура старой женщины в покинутом всеми стойбище олицетворяет и скорбь по прошедшему, его значительная часть была прожита в обличье потерявшего разум человека, при этом должно было хватать разума контролировать себя, чтобы не разрушить роль, олицетворяет и надежду на новую жизнь, которую сулила красная нарта.

Заключение

Только подход к ненецкой литературе с позиций современной исторической поэтики позволяет объяснить механизм самовосстановления отклонившейся от физической нормы субстантивности персонажа и выживания его в этносе как самодостаточного по природной внутренней силе существа.

Языческое мирочувствование Анны Неркаги, приведшее ее после четырех повестей к прозе 2000-2010-х гг. [4, с. 77-81; 19], и опора культуры ее письма на специфику синкретической и традиционалистской (в первой фазе) стадии развития словесности требуют прямой и внешней мотивировки событийного

упорядочивания персонажа, проживающего в состоянии физической ненормы, но восходящего к компенсирующему финалу равновесия с собой и этносом.

Прозаик исходит из высшей распределенности природной силы в этносе, имеющей внесоциальную мифосинкретическую основу и направленной на упорядочивание хаоса. Это самовосстановление упорядоченности авторского космоса в условиях 1970-1990-х гг., т. е. в условиях кризиса советской цивилизации и ее перехода к новым основаниям устойчивости [17, 18], требовало и от Анны Неркаги некоего аналогичного механизма объективации внутреннего процесса расслоения мироощущения на советское/ненецкое через создание традиционной поэтики (персонажи — сюжет — повествование). При этом собственно ненецкое (языческое) заставляло автора структуру первых двух звеньев этой цепи (персонаж — сюжет) наполнять субстантивной заряженностью на уход от ненормы. 2000-2010-е гг., породив в сознании Анны Неркаги новые императивы художественной стратегии (опору на связку «повествование — субъект речи») [19], отменили прежние механизмы выражения ненормы, сделали субъекта речи носителем субстантивного языческого порядка и вывели инвалидность как знак временного хаоса за границы этнонационального мироощущения и этнотерпимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах / Е. Д. Айпин. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 302 с.
2. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
3. Комаров С. А. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. 200 с.
4. Комаров С. А. Проблема «цивилизационный вызов/правильный ответ» и художественная словесность малочисленных народов севера Сибири: случай А. П. Неркаги / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 57-72. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72
5. Комаров С. А. Проза А. Неркаги в контексте русскоязычной культуры последней трети XX века / С. А. Комаров, Н. С. Кузнецова, О. К. Лагунова, Е. Л. Юдинцева. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. 320 с.
6. Кукарский А. С войны / А. Кукарский // Отцы и дети Великой Победы: Хрестоматия писателей Тюменского края / Сост. С. А. Комаров. Тюмень: Общество русской культуры, 2020. С. 216-217.
7. Куляпин А. И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А. И. Куляпин, О. А. Скубач. М.: Языки славянской культуры, 2013. 239 с.

8. Лагунов К. Я. Так было: Роман / К. Я. Лагунов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1986. 400 с.
9. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. М.: Худ. литература, 1976. Т. 4. 542 с.
10. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Т. Лехтисало. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1998. 136 с.
11. Межиров А. Музыка / А. Межиров // «...Это в сердце было моим»: Страницы советской поэзии. М.: Советская Россия, 1988. С. 272.
12. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. М.: Наука, 1976. 407 с.
13. Неркаги А. П. Молчащий: повести / А. П. Неркаги. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 416 с.
14. Неркаги А. П. Собрание сочинений в 2 т. / А. П. Неркаги. Тюмень: Русская неделя, 2017. Т. 2. 434 с.
15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1995. 928 с.
16. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Б. Л. Пастернак. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2. 368 с.
17. Проза А. П. Неркаги 1970-х годов с комментариями: «Анико из рода Ного», «Илир». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. 374 с.
18. Проза А. П. Неркаги 1980-1990-х годов с комментариями: «Белый ягель», «Молчащий». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. 312 с.
19. Проза А. П. Неркаги 2000-2010-х годов с комментариями: «Мудрые мысли ненецкого народа», «Песнь Творцу». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2020. 280 с.
20. Розов В. С. Собрание сочинений: В 3 т. / В. С. Розов. М.: «Олимп-Пресс», 2001. Т. 1. 510 с.
21. Сонтаг С. Болезнь как метафора / С. Сонтаг. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 176 с.
22. Трубецкова Е. Г. «Новое зрение»: болезнь как прием остранения в русской литературе XX века / Е. Г. Трубецкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 304 с.

Olga Konstantinovna LAGUNOVA¹
Victoria Valerievna MARKOVA²

UDC 82.09(571.121)

**PHYSICAL ABNORMALITY AS A MEASURE OF NATURAL
AND SOCIAL ORDER IN THE STORIES OF THE NENETS WRITER
A. P. NERKAGI: TO THE SPECIFICITY OF ETHNO-PATIENCE**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Dr. Sci. (Philol), Professor,
Russian and Foreign Literature Department, University of Tyumen
eleshenka@yandex.ru

² Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Journalism Department,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru

Abstract

This article systematically describes the phenomenon of deviation from the physical norm in four stories by the Russian-speaking Nenets prose writer Anna Nerkagi. The authors consider the image subject from the following positions in this work: 1) as an element of ontological thinking by an outstanding representative of the indigenous peoples of Russia; 2) as a tool for testing and restoring the norm/order; 3) as a mechanism associated with the reliance of the Nenets literature on the syncretic and traditionalist stages of the literary development. In this article, the authors identify problem-thematic analogues of the abnormality phenomenon in the regional context, which act as indirect and direct impulses in relation to Nerkagi's prose or as close comparative material for it. The systematic nature of the description shows the difference in the options for depicting ethno-tolerance in the national cultures of Russia and, on this basis, reflects their specificity in line of the humanities concepts.

This article has been written as part of the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia and continues a comprehensive study of A. Nerkagi's prose, a multiple nominee for

Citation: Lagunova O. K., Markova V. V. 2022. "Physical abnormality as a measure of natural and social order in the stories of the nenets writer A. P. Nerkagi: to the specificity of ethno-patience". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 61-78. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

the Nobel Prize in Literature. This study was started with a collective monograph about her and a three-volume edition of her prose from the 1970s-2010s with scientific comments. Anna Nerkaghi, initiated into the mysteries of her people's existence of her people and speaking on their behalf, uses the course of fictional events to fix the self-restoration of the main character's existential substance as a natural-pagan principle, which constitutes the fate of the character and ensures that they are equal to their fate and place in the ethnic group.

Keywords

Small indigenous peoples of Russia, Nenets literature, Anna Nerkagi, abnormality, order, ontology, historical poetics.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

REFERENCES

1. Aipin E. D. 2002. *Mother of God in Bloody Snows*. Ekaterinburg: Pakrus. 302 pp. [In Russian]
2. Golovnev A. V. 1995. *Speaking Cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians*. Yekaterinburg: UrO RAN. 606 p. [In Russian]
3. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2016. *Literature of Siberia: Mission, Ethnicity, Axiology*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 200 pp. [In Russian]
4. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2021. "The 'Civilizational Challenge/Correct Response' Problem and the Artistic Literature of the Small-Numbered Peoples of the Siberian North: The Case of A. P. Nerkagi". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 7, no. 3 (27), pp. 57-72. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72 [In Russian]
5. Komarov S. A., Kuznetsova N. S., Lagunova O. K., Yudintsev E. L. 2019. *Prose of A. Nerkagi in the Context of the Russian-Speaking Culture of the Last Third of the 20th Century*. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. 320 pp. [In Russian]
6. Kukarsky A. 2020. "From the war". In: Komarov S. A. (ed.). *Fathers and Children of the Great Victory: Reader of Writers of the Tyumen Region*, pp. 216-217. Tyumen: Obshchestvo russkoy kultury. [In Russian]
7. Kulyapin A. I., Skubach O. A. 2013. *The Mythology of Soviet Everyday Life in the Literature and Culture of the Stalin Era*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 239 pp. [In Russian]
8. Lagunov K. Ya. 1986. *So It Was: A Novel*. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo. 400 pp. [In Russian]
9. Lermontov M. Yu. 1976. *Collected Works in 4 vols. Vol. 4*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 542 pp. [In Russian]
10. Lekhtisalo T. 1998. *Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nentsy)*. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University. 136 pp. [In Russian]
11. Mezhirov A. 1988. "Music". In: "... It Was in My Heart": *Pages of Soviet Poetry*, p. 272. Moscow: Sovetskaya Rossiya. [In Russian]

12. Meletinsky E. M. 1976. Poetics of Myth. Moscow: Nauka. 407 pp. [In Russian]
13. Nerkagi A. P. 1996. Silent: Stories. Tyumen: SoftDesign. 416 pp. [In Russian]
14. Nerkagi A. P. 2017. Collected Works in 2 vols. Vol. 2. Tyumen: Russkaya nedelya. 434 pp. [In Russian]
15. Ozhegov S. I., Shwedova N. Yu. 1995, Dictionary of the Russian Language. Moscow: Az. 928 pp. [In Russian]
16. Pasternak B. L. 1990 Poems and Poems in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sovetsky pisatel. 368 pp. [In Russian]
17. A. P. Nerkagi's Prose of the 1970s with comments: "Aniko from the Nogo clan", "Ilir". 2019. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. 374 pp. [In Russian]
18. A. P. Nerkagi's Prose of the 1980s-1990s with comments: "White reindeer moss", "Silent". Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2019. 312 p. [In Russian]
19. A. P. Nerkagi's Prose of the 2000s-2010s with comments: "Wise thoughts of the Nenets people", "Song to the Creator". Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2020. 280 pp. [In Russian]
20. Rozov V. S. 2001. Collected Works in 3 vols. Vol. 1. Moscow: Olimp-Press. 510 pp. [In Russian]
21. Sontag S. 2016. Disease as a Metaphor . Moscow: Ad Marginem Press. 176 pp. [In Russian]
22. Trubetskova E. G. 2019. "New Vision": Illness as a Method of Estrangement in Russian Literature of the 20th Century. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie. 304 pp. [In Russian]

Валентина Петровна ЧЕПИГА¹

УДК 81'255.2

ПОЭЗИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

¹ кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянских языков,
Страсбургский государственный университет
valentina.chepiga@gmail.com

Аннотация

В данной статье затрагивается проблема переводов на французский язык стихов ключевых фигур Серебряного века — В. Маяковского, А. Ахматовой, М. Цветаевой и Н. Гумилёва. Рассматриваются основные антологии русской поэзии, вышедшие в Париже в 1947, 1965 и 1985 гг. Анализируются особенности французских переводов стихов Маяковского, Ахматовой, Цветаевой и Гумилёва, а также их переводческие преобразования и стратегии переводческой практики. Устанавливается, что лингвистическая форма, состоящая из четырёх макроуровней: морфологии, словообразования, лексики и синтаксиса — является одной из самых сложных как для перевода, так и для сравнения переводов. То, какими стратегиями пользуются переводчики на французский язык, определяет степень эквивалентности перевода.

Рассматривается понятие креативности поэтического перевода, а также анализируются сильные и слабые стороны рифмованного и нерифмованного переводов. Нерифмованные переводы приближают к передаче смысла стихотворения, но лишают поэтическое произведение ритмичности, напевности и в той или иной мере снижают эмоциональность. Рифмованные переводы могут передавать эмоциональность поэтического текста, но поиск рифмы может — и часто приводит — к приблизительности и снижению эквивалентности стихотворения. Мы предлагаем сделать выбор в пользу той или иной переводческой стратегии: при рифмованном переводе переводчики стремятся сохранить образ авторской рифмы, «дыхание» стихотворения, при нерифмованном же переводе переводчик часто «ближе» к оригиналу.

Цитирование: Чепига В. П. Поэзия серебряного века на французском языке: к проблеме поэтического перевода / В. П. Чепига // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 79-93. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-79-93

Ключевые слова

Поэтический перевод с русского на французский язык, поэзия Серебряного века, рифма, лингвистическая форма.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-79-93

Введение

Необходимо сказать, что поэзия Серебряного века уже получила свое заслуженное признание во Франции. В большинстве своем французский читатель имеет дело с переводами, которые становятся заместителями оригиналов в иноязычной культуре. С технической точки зрения это означает, что подавляющее число читателей не знакомы с русским оригиналом — представление о поэтическом творчестве того или иного автора создается исключительно и только через тот или иной переводной текст.

Переводы русской поэзии в целом можно найти в коллекциях издательских домов Франции, как крупных, так и более камерных. Одна из больших антологий вышла в Париже в 1925 г. в издательском доме Mercure de France, она называлась «La poésie russe de 1890 à nos jours», переводчиком был Жан Шюзвиль (Jean Chuzewille).

Существуют три антологии, которые позволили французским читателям получить представление о русской поэзии Серебряного века. Речь идет об антологиях 1947, 1965 и 1985 гг., как наиболее полных; все три были изданы в Парижских издательствах:

- 1) Это «Антология русской поэзии: с XVIII века до наших дней» («Anthologie de la poésie russe: du XVIIIe siècle à nos jours»), вышедшая в издательстве Bordas в переводах Эмманюэля Рэ (Emmanuel Rais) и Жака Робера (Jacques Robert);
- 2) «Серебряный век в русской поэзии. Антология русских поэтических произведений предшественников и современников И. Бунина конца XIX века до начала XX века, переведенных или адаптированных» («L'Âge d'argent dans la poésie russe. Anthologie des œuvres poétiques russes des prédécesseurs et contemporains de Bounine de la fin du XIXe siècle jusqu'au début du XXe siècle, traduites ou adaptées»), вышедшая в издательстве La Bruyère в переводах Мишеля Расловлефф (Michel Raslovleff);
- 3) Самая известная антология, созданная Эльзой Триоле: «Русская поэзия: антология. Два века русской поэзии (1896-1970)» («La poésie russe: anthologie. Deux siècles de poésie russe (1896-1970)»), вышедшая в издательстве Seghers в 1965 г.

Все три антологии давно не переиздавались, их можно найти только в частных коллекциях, в библиотеках, в букинистических магазинах и в Интернете.

Самой объемной антологией является книга Э. Триоле: в ней представлены 94 русских поэта, в том числе, конечно, В. Маяковский, приводится одно сти-

хотворение И. Северянина. Стихи опубликованы в переводах Луи Арагона, Шарля Добжински, Клода Фриу, Леона Робеля, т. е. тех, кто в 1960-е гг. занимался русской литературой во Франции.

Антологии дают общее представление об отдельных течениях в поэзии, но стихотворения в общие антологии подбираются по литературному вкусу их составителя, часто ограничиваются этим вкусом и не дают подчас представления о том или ином поэте, такого представления, которое сложилось в России.

Остановимся подробнее на поэтических сборниках, в которые вошли стихи того или иного поэта. Именно такие книги могут и переиздаваться, и пользоваться популярностью у читателя.

Если говорить о поэтах Серебряного века, наибольший интерес у переводчиков вызвала поэзия В. Маяковского, А. Ахматовой и М. Цветаевой.

Цветаевой посвящены многочисленные публикации во Франции, над переводами ее произведений работали разные переводчики, наиболее известные из них — это В. Лосская, Э. Амурски и А. Абриль. Так, в переводе Абриля в 2015 г. в издательстве Cirsé вышел сборник любовной лирики «Les Poésies d'amour»; в 2017 г. в издательстве La Barque в переводе Амурски вышла поэма Цветаевой «Крысолов». В 2018 г. в издательстве Éditions des Syrtes вышел сборник стихотворений «Les Grands Poèmes» в переводе Лосской. Последняя считается основным переводчиком Цветаевой, переводам которой она посвятила всю свою жизнь. В 2020 г. вышел замечательный перевод цветаевской «Федры» в издательстве Vibration éditions. Автор перевода — Флориан Вутев, который занимается переводами С. Есенина и в 2021 г. в том же издательстве выпустил перевод избранных стихотворений Н. Гумилёва.

Поэзия Гумилёва, как это ни парадоксально, переводилась не так активно. В 2003 г. в издательстве Le Murmure в переводе Сержа Фошро (Serge Fauchereau) вышли «Избранные стихотворения» Гумилёва. В 2021 г. в издательстве Vérope в переводе Али Жазери (Ali Jazairi) вышла подборка стихотворений поэтов Серебряного века, в которую вошли стихотворения Гумилёва (150 текстов и, кроме того, произведения С. Городецкого, А. Ахматовой, И. Одоевцевой, В. Брюсова, И. Анненского, С. Есенина и В. Хлебникова).

Переводами Ахматовой занимался А. Абриль, но, пожалуй, наиболее известной книгой стал сборник под общим названием «Реквием» в переводе Ж.-Л. Бакеса, вышедший в издательстве «Галлимар» в 2007 г. В него вошли «Четки», «Белая Стая», «Anno Domini», «Бег времени», «Вечер». Поэтому французский читатель имеет возможность получить целостное впечатление о творчестве Ахматовой.

Что касается Маяковского, то, кроме самой Триоле, переводами его поэзии занимались К. Фриу, в меньшей степени В. Берелович, Ш. Добжински и А. Делюи.

Методология

Проблемы поэтического дискурса и перевода, рифмованного перевода и перевода верлибром исследует Л. С. Макарова, которая пришла к выводу о том, что

стратегия креативности возглавляет парадигму стратегий поэтического перевода. С этим трудно не согласиться, ведь поэтический перевод требует более активной преобразующей деятельности, нежели перевод прозы. В нем, как точно отмечает Макарова, ярко проявляются эстетические вкусы и пристрастия переводчика как творца, со-создателя поэтического текста [7, с. 115].

Поэтическому переводу свойственна высокая степень субъективизма и избирательность личностных условий в трактовке смысла, что делает критерии анализа достаточно неустойчивыми. Поэтому любой анализ легко отнести к критике, но в то же время сложно критическими методами выявить какие-то общие прагматические черты в различных переводах.

Остановимся на нескольких общих замечаниях, касающихся перевода поэтического текста с русского на французский язык.

Во-первых, длительное время бытовало мнение, согласно которому верность поэтического перевода подлиннику в принципе невозможна, в первую очередь, по причине различных систем стихосложения. Так, французская система стихосложения является силлабической, русская — силлабо-тонической. Действительно, очень многие трудности перевода поэзии связаны с расхождениями в мелодике речи оригинала и перевода [7, с. 114]. Однако еще более мелодика речи различается в еще более неблизкородственных языках, чем русский и французский, тем не менее, переводчики виртуозно справляются с задачей перевода восточной поэзии (например, поэм китайского поэта VIII в. Ли Бо, переводчик — С. Торопцев). Поэт-переводчик может приблизиться к адекватности поэтического перевода оригиналу вследствие того, что основные прототипические черты поэтической речи во французском и русском стихосложении все-таки являются общими.

Главным камнем преткновения является рифма. Переводчики часто прибегают к приблизительной рифме, которая заменяет точную рифму, т. е. полный звуковой ассонанс.

Во-вторых, французская интонация, основанная на нерасчлененности сегментов синтагм, — плавная, поэтому целостное впечатление от поэтического текста всегда связано с характером фонеморфологической делимитации слова в русском и французском языках. Таким образом целью переводчика является максимальное приближение к тональности стиха. Именно поэтому так сложно выявить тенденции в переводе, поскольку на первый план выходит креативность переводчика, личностная составляющая его работы.

В-третьих, имеют значение компенсаторные практики переводчика. Для поэтического перевода на французский язык характерна стратегия экспрессивизации [7, с. 116], т. е. повышения экспрессивности стиха, его образности. Эта стратегия прямо вытекает из характера фонеморфологической делимитации слова во французском языке. Переводчик стремится усилить экспрессивность, чтобы компенсировать невозможность передачи силлабо-тонического стиха. Экспрессивность может быть подчеркнута и акустическими вариациями, обыгрыванием того или иного звука во французском языке.

В-четвертых, отметим наличие трансляционной трансформации. Конечно, это замечание является общим для переводческой практики. Самый распространенный прием — это прием опущения. Он опасен тем, что переводчики могут использовать его по некоей некомпетентности, так и по причинам креативности. Приемы трансформации, приемы изменения парадигмы образа или образов и другие приемы время от времени, а иногда и довольно часто используются переводчиками.

Поэтический перевод — это, прежде всего, индивидуальный подход переводчика к тексту: как говорит Н. С. Мавлевич, «из любого перевода торчат уши переводчика» [9].

Остановимся подробнее на проблеме рифмы. В европейской поэтической традиции вначале совершился переход от точной рифмы к неточной. Поэтической установкой, как подчеркивает М.Л. Гаспаров, долго была аксиома: «Рифма должна была быть точной не только на слух, но и на глаз» [3, с. 222].

При устойчивом наборе поэтических тем это означало определенный, стереотипный набор рифм в устойчивых парах (типа: *amours — toujours, partir — mentir, aimer — semer*). Отход от стереотипности, желание обновить рифму были несколькими программными требованиями французских символизма и постсимволизма, именно поэты этих течений предлагали читателю и критику рифмы, нестандартные для французского языка (например, *riche — chère*). Символисты от точной рифмы вообще практически отказываются [8, с. 159]. Однако традиция точной рифмы во французском стихосложении была очень сильна, проще оказалось вообще отказаться от рифмы, перейдя постепенно к верлибру. Французский свободный стих в первой половине XX в. лидирует. Именно поэтому распространение получает и нерифмованный перевод рифмованных стихов, он (как считалось и считается позже, в середине и во второй половине XX в.) может обеспечить смысловую и образную близость двух текстов, не будучи ограниченным рифмой. Выбор способа перевода, как считает Л. С. Макарова, определяется «эстетическим кредо» [8, с. 160] поэта-переводчика. В переводе поэзии именно поиск рифмы, в первую очередь, заставляет перестраивать и трансформировать оригинал — менять, в первую очередь, синтаксическую структуру предложения.

Специалист по франкоязычной поэзии Е. Труутс пишет, что перевод поэтического произведения состоялся в той мере, в коей он позволяет понять и осмыслить на родном языке поэтическое высказывание того или иного поэта. Текст перевода должен читаться как система — не только с лингвистической точки зрения, но и с культурной и исторической. Переводчику необходимо вскрыть пласт скрытых значений, который не принадлежит родному языку. Передача смысла произведения — задача первая, но не главная. Ценность переводного произведения проявляется благодаря передаче парадигматических связей поэтического дискурса: рифмы, просодии, ритма, голоса [11, с. 2].

Результаты и обсуждение

Остановимся на особенностях переводов Ж.-Л. Бакеса из сборника «Реквием», на переводах Маяковского К. Фриу и других переводчиков, а также рассмотрим

переводы стихов Цветаевой и Гумилёва Ф. Вутевым. Выбранные переводы являются типичными, по ним можно судить о принципах перевода русской поэзии на французский язык.

«Облако в штанах» В. Маяковского

В 1947 г. в парижском издательстве «Éditions des portes de France» вышел перевод Б. Горелого под названием «Le Nuage en pantalon» [17]. Через тридцать лет в издательстве «Les éditeurs français réunis» вышел перевод Ш. Добжински. В том же 1977 г. параллельно К. Давид публикует в издательстве «Gallimard» свой перевод, который переиздают в 2005 г. Кроме этого, поэму «Облако в штанах» перевел В. Берелович, перевод вышел в издательстве «Mille et une nuits». Были и другие переводы этой поэмы. Например, перевод А. Робэна, вышедший в издательстве «Seuil» в 1949 г. под названием «La Nue empantalonnée», к сожалению, на данный момент недоступный, как и перевод, выполненный для издательства Сен-Мон в 2001 г. А. Айрапетовф под названием «Nuage en pantalon».

Прежде чем анализировать указанные переводы, необходимо указать критерии сравнения.

Поэтический перевод, как и любой другой вид перевода, определяется через понятие эквивалентности; под ним мы, вслед за рядом исследователей и, в т. ч., Н. М. Жутовской, будем понимать близость переводного и исходного текстов с точки зрения семантики, стилистики и прагматики [5, с. 342]. Это довольно широкое определение эквивалентности разбивается, безусловно, на составляющие, которые, в зависимости от опыта переводчика и его видения самого процесса перевода и конечного результата, приобретают большее или меньшее значение. В. Н. Комиссаров писал, что переводчик ежечасно должен решать, чем при переводе пожертвовать, как полноценно воспроизвести текст автора, как передать его коммуникативно значимые элементы. Говоря об эквивалентности, он уточняет, что

«эквивалентность перевода <...> обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества. Различается теоретически возможная эквивалентность, определяемая соотношением структур и правил функционирования двух языков, и оптимальная — близость, достигаемая в конкретном акте перевода» [6, с. 113].

Пути достижения оптимальной эквивалентности не являются равнозначными. К. И. Леонтьева, например, говоря о поэтическом тексте как об особой структурной организации, отмечает его многоуровневость и выделяет несколько форм, а именно графическую, дискурсивную, фонетическую и лингвистическую:

«Под графикой понимаются длина строк, пунктуация, цветовыделение, оригинальная орфография и тому подобные приемы, под дискурсивной формой исследователь понимает поэтический ритм, выраженный в метрических единицах, под фонетической формой понимаются звук, конечные и внутренние рифмы, звуковые повторы, паронимия и тому подобные формы» [10, с. 364].

Лингвистическая форма, которая состоит из четырех макроуровней, а именно морфологии, словообразования, лексики и синтаксиса, является, вероятно, одной из самых сложных как для перевода, так и для сравнения переводов одного и того же произведения.

Напомним исходный текст «Облака в штанах»:

Вы думаете, это бредит малярия? // Это было, / было в Одессе. / «Приду в четыре», — сказала Мария. // Восемь. / Девять. / Десять. // Вот и вечер / в ночную жуть / ушел от окон, / хмурый, / декабрь. // В дряхлую спину хохочут и ржут / канделябры.

Первым мы рассмотрим *инципит* перевода Б. Горелого (1898-1986), журналиста и писателя, который довольно мало занимался переводами с русского языка:

Vous pensez, radote la malaria // Ce fut / Ce fut à Odessa. / — Je viendrai à quatre heures, dit Marie. // Huit / Neuf / Dix. // Voici dans l'épouvante nocturne / Le soir qui abandonne les fenêtres, / Sombre, / Hivernal. // Les candélabres hennissent, ils éclatent de rire / Dans le dos sénile [17].

Прежде всего обратим внимание на то, что бросается в глаза — отсутствие работы с рифмой. Напомним, что для французской литературы XX в. поэтический эксперимент сопровождается если не полным отказом от рифмы, то некой усталостью от нее. В эссе «La Rime en 1940» Л. Арагон жалуется на «вырождение французской рифмы» [11, с. 3], которое связано с тем, что репертуар рифм в языке практически исчерпан, и работа над рифмой приводит к заимствованию и даже плагиату. От рифмы как от ненужных оков отказываются приверженцы верлибра; они в поисках иных способов поэтической организации текста. Улипысты не относят рифму к зоне эксперимента. Возможно, именно поэтому французские переводчики отказывают поэзии Маяковского в рифме, как будто бы она воспринималась ими как нечто, не вяжущееся с поэтическим бунтарством.

Однако же диссонансная рифма (рифма неточная, неполная, при которой все или часть согласных совпадают, а набор гласных различается) стала использоваться именно в начале XX в. и стала опознавательным знаком поэтов-футуристов. Кроме того, еще одним опознавательным знаком поэзии Маяковского является то, что слово может рифмоваться со словосочетанием (так, в поэме «Облако в штанах» примером может служить рифмовка «разжал уста» / «пожалуйста»).

В данном переводе мы постоянно сталкиваемся с «избыточным переводом», например, во фразе «В дряхлую спину хохочут и ржут канделябры» в переводе добавлено личное местоимение «ils», позволяющее ненужную интерпретацию: «Les candélabres hennissent, ils éclatent de rire» («канделябры ржут, потому что они хохочут»).

Из сильных сторон данного перевода стоит отметить четкую передачу смысла русской фразы, а также отсутствие пунктуационной интерференции, отчего французский текст читается легко.

Следующий перевод, *инципит* которого мы проанализируем, — это перевод писателя и поэта польского происхождения Ш. Добжински (1929-2014) «Облака в штанах»:

Vous pensez que divague la malaria ? // C'est arrivé, / C'est arrivé à Odessa. //
— Je viendrai à quatre heures, / avait dit Maria. / Huit. / Neuf. / Dix. // Et voici
que le soir / S'éloigne des fenêtres, / assombri, / décembre. // Les candélabres
sont hilaires / et hennissent / dans mon dos vétuste [15].

Данный перевод, в котором переводчик также не работает с рифмой, выгодно отличается от первого уже тем, что здесь русифицировано имя героини — Мария, а не Мари, как в первом переводе.

Переводчик использует слово «décembral» — «декабрь». Во французском языке это слово так же, как и в русском, является авторским, его использовал П. Верлен для характеристики света. В остальном перевод также является «рассказом» о поэме Маяковского, как и первый рассмотренный нами перевод.

Следующий перевод, *инципит* которого мы рассмотрим, — перевод К. Давида:

Vous pensez: c'est du délire, la malaria ? // Ça se passa / à Odessa. / « Je viendrai
à quatre heures », avait dit Maria. // Huit, / neuf, / dix heures. // Et voilà que le
soir / dans l'horreur de la nuit / a quitté les fenêtres, / soir sombre / de décembre. //
Dans mon dos délabré ricanent et hennissent / les candélabres [14].

Прежде всего, этот перевод выгодно отличает работа с рифмой: «малярия» рифмуется с «Марией», как и в оригинале, «декабрь» (в этом переводе «декабрьский») — с «канделябрами». Кроме того, переводчиком проделана прекрасная работа над передачей временных нюансов с использованием возможностей французской грамматики: так, «сказала Мария» передано предпрошедшим временем, что прямо указывает французскому читателю на действие, произошедшее в прошлом до другого действия в прошлом же, т. е. в нашем случае «до вечера, уходящего в ночную жуть». Отметим также и небольшую избыточность при переводе, например, повторение слова «вечер».

В. Берелович (род. в 1946), специалист по русской истории, дает следующий перевод:

Vous croyez que c'est un délire de paludique ? // Ça s'est vraiment passé, / dans
la ville d'Odessa. // « Je viendrai à quatre heures » m'avait promis Marie. //
Huit heures. / Neuf heures. / Dix heures. // À son tour, le soir / s'éloigne des
fenêtres / dans l'horreur nocturne / renfrogné, / décembre. // Dans mon dos de
vieillard, / se tordent et s'esclaffent / les candélabres [16].

Автор перевода также не работает с рифмой, сохраняет французскую форму имени героини — «Мари», перевод характеризуется чрезмерной интерпретацией, сужением значений («обещала» вместо «сказала», «в свою очередь» вместо

«вот и», «в мою старческую спину» вместо «в дряхлую спину»), однако сохраняется эпитет «декабрь».

Поэзия Анны Ахматовой

Рассмотрим перевод стихов Анны Ахматовой, выполненных Жана-Луи Бакесом. Напомню, что именно сборник поэзии в его переводе (380 страниц, изданный Галлимаром) дает наиболее широкое представление французскому читателю о творчестве А. Ахматовой. Рассмотрим перевод знаменитого «Сероглазого короля»:

Слава тебе, безысходная боль!	Gloire à toi, souffrance sans issue !
Умер вчера сероглазый король.	Hier est mort le roi aux yeux gris.
Вечер осенний был душен и ал,	Le soir d'automne était rouge, étouffant.
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:	Mon mari, à son retour, a dit tranquillement :
«Знаешь, с охоты его принесли,	
Тело у старого дуба нашли» [1].	« Tu sais ? On l'a rapporté de la chasse » [12].

В приведенном нерифмованном переводе присутствуют ярко выраженные звуковые ассонансы: на уровне микрофразиса (*gloire à toi — est mort le roi, yeux gris — Mon mari*). Теоретически же важность рифмы подтверждается и следующим наблюдением: несмотря на выбор в пользу нерифмованного перевода, отказ от рифмы, переводчик стремится использовать рифму там, где это возможно, подкрепляя тем самым ритмическую и звуковую структуру стиха (*étouffant — tranquillement*).

Нерифмованный перевод с определенным сохранением размерности позволяет ближе подойти к передаче смысловой фактуры стиха. Однако при этом он лишает стихотворное произведение его своеобразной (почти музыкальной) ритмичности, напевности, образованной особым фоническим сочетанием рифменных повторов в клаузуле, и, в конечном итоге, снижает эмоциональный накал вербально-художественной информации.

Рассмотрим перевод стихотворения «Сжала руки под темной вуалью»:

Сжала руки под темной вуалью...	Les mains crispées sous le voile sombre...
«Отчего ты сегодня бледна?»	« Pourquoi es-tu si pâle aujourd'hui? »
— Оттого, что я терпкой печалью	— Parce que je lui ai fait boire
Напоила его допьяна.	Jusqu'à l'ivresse une amère douleur.
Как забуду? Он вышел, шатаясь,	Comment l'oublier ? Il est sorti, il titubait,
Искавился мучительно рот...	La bouche tordue par la souffrance.
Я сбегала, перил не касаясь,	Sans toucher à la rampe, j'ai couru,
Я бежала за ним до ворот.	J'ai dévalé l'escalier jusqu'à la porte.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка	Le souffle court, j'ai crié : « Ce n'est pas vrai.
Все, что было. Уйдешь, я умру».	Il ne s'est rien passé. Si tu pars, je meurs ».
Улыбнулся спокойно и жутко	Il a souri, calme, sinistre.
И сказал мне: «Не стой на ветру» [2].	Il m'a dit : « L'air va te faire du mal » [12].

Этот нерифмованный перевод с частичным сохранением размерности позволяет также очень близко подойти к передаче смысловой фактуры стиха, практически сохраняет синтаксический рисунок исходного текста.

В переводе присутствуют смысловые преобразования. В частности, «шутка» преобразуется в нейтральное «*Ce n'est pas vrai*»; «печаль» превращается в свой неполный синоним «*douleur*» (боль); «Не стой на ветру» в «*L'air va te faire du mal*».

Нерифмованный перевод на первый взгляд очень близок оригиналу, но он и менее экспрессивен. Потеря эмоционального потенциала поэтической информации происходит вследствие демегафоризации: вместо ярко экспрессивного «Шутка / всё что было» — «*Ce n'est pas vrai. Il ne s'est rien passé*». Эта последняя французская строка выделяется в отдельную структуру, отграниченную точкой после «*vrai*», что подчеркивает цезуру в данной строке.

«Федра» Марины Цветаевой

Рассмотрим два рифмованных перевода Цветаевой, выполненные Ф. Вутевым. Первый отрывок — из «Федры»:

О, зарось! о, зов!	Ô bois mystérieux !
О, новых холмов	Ô grand, merveilleux
Высоты!	Espace !
Восславимте лов!	Ô guerriers envieux
Что лучше боев?	D'un sort plus glorieux —
Охота!	La chasse !

Хвала Артемиде за жар, за пот, За черную зарось, — Аида вход Светлее! — за лист, за хвою, За жаркие руки в игре ручья, — Хвала Артемиде за всё и вся Лесное [18].	Louons Artémis pour l'ardeur, l'épuisement, Pour ces pins, ces chênes — bosquets éclipsant L'Enfer par leurs ombres terrestres ! — Et pour ces ruisseaux qui caressent ardemment — Louons Artémis pour ces lieux d'isolement Sylvestre [18].
--	---

Переводчиком проделана большая разноплановая работа. Полностью сохранена цветаевская насыщенность и герметичность, ритм, использована рифма. Сохранено цветаевское кольцо: «Охота!» — «*La chasse!*»; «Лесное» — «*Sylvestre*».

Есть некоторые смысловые преобразования: в частности, лексическая единица «лист» заменяется на основе генерализации лексической единицей «*chênes*» (*дубы*), для выполнения рифмообразующей функции (*bosquets éclipsant — caressent ardemment*).

Во второй части опускается весьма существенный для эмоциональной тональности стиха сегмент «Хвала Артемиде за всё и вся / Лесное». Переводчик допускает интерпретацию: «*Louons Artémis pour ces lieux d'isolement / Sylvestre*», «всё и вся Лесное» становится «*lieux d'isolement*» («пустынные места»). В дан-

ном тексте, на наш взгляд, как никогда важен для Цветаевой — а значит, и для переводчика — ритмический рисунок, полностью сохраненный Вутевым.

Поэзия Н. Гумилёва

Последний пример рифмованного перевода — начало «Жирафа» Гумилёва в переводе Ф. Вутева:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд	Je vois bien, tu as aujourd'hui le regard si chagrin,
И руки особенно тонки, колени обняв.	Si faibles sont tes genoux entre tes bras enlacés.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад Изысканный бродит жираф.	Écoute-moi : près du lac Tchad, en pays lointain,
Ему грациозная стройность и нега дана, И шкуру его украшает волшебный узор,	Rôle une girafe élancée.
С которым равняться осмелится только луна,	Elle est gracieuse dans sa sensuelle lenteur, Sa peau nous fascine par ses délicieux ornements
Дробясь и качаясь на влаге широких озер [4].	Que seule la lune égale avec ses lueurs Quand elles se dispersent, flottant sur les eaux des étangs [13].

Переводчик полностью сохраняет ритмический рисунок, используя неполную рифму. Очень деликатно и всего несколько раз использует прием генерализации и неполной синонимии: «озеро» — «étang» («пруд»), «влага» — «les eaux» (воды).

Рифмованный перевод менее близок оригиналу, чем нерифмованный, но он и более экспрессивен. Как «Федра», так и стихотворение Гумилёва сохраняют свою своеобразную напевность. Можно сказать, что в переводах сохраняется «голос» поэтов. Именно в этом, на наш взгляд, заключается интерес переводов Вутева.

Выводы

Мы рассмотрели как рифмованные, так и нерифмованные переводы поэзии Серебряного века. Выбор в пользу той или иной переводческой стратегии сделать сложно: как мы увидели, при рифмованном переводе переводчики стремятся сохранить образ авторской рифмы, «дыхание» стихотворения, при нерифмованном же переводе переводчик часто «ближе» к оригиналу.

Переводы на французский язык Ахматовой максимально приближают французского читателя к смысловой фактуре русского стиха, при этом, что вообще характерно для нерифмованных переводов, объективно лишают его ритмичности, не передают работу поэта с рифмой (что, однако, как мы уточнили, отражает традицию стихосложения во Франции).

В переводах Цветаевой и Гумилёва переводчику удалось сохранить ритмический рисунок, своеобразную напевность поэтов, проведена большая работа по поиску рифмы. Насколько работа с рифмой показательна в плане достижения адекватности текста оригинала тексту перевода? Вероятно, рифмование при

переводе зачастую касается иных частей речи, используются иные ассонансы и т. д. Таким образом, работа с рифмой является очень индивидуальным и часто критикуемым аспектом работы переводчиков.

Наиболее подробно мы рассмотрели переводы Маяковского, поскольку автор данной статьи работал над переводом «Облака в штанах». В рассмотренных переводах есть как грамотные переводческие решения и находки (особенно это касается использования прошедших времен во французском языке), так и непроработанные моменты, а именно в большинстве своем речь идет об избыточной интерпретации или же о резком сужении значения лексических элементов. Отказ работы переводчиков с рифмой у Маяковского мы воспринимаем как не вяжущийся с поэтическим бунтарством элемент поэзии этого поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А. А. Сероглазый король / А. Ахматова // Ахматова А. А. Вечер / А. Ахматова. 1912. Ч. III. URL: www.ahmatova.ru/book/777 (дата обращения: 20.06.2022).
2. Ахматова А. А. Сжала / А. Ахматова // Ахматова А. А. Вечер / А. Ахматова. 1912. Ч. III URL: www.ahmatova.ru/book/777/ (дата обращения: 20.06.2022).
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 271 с.
4. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы / Г. С. Гумилёв. М.: Профиздат, 1966. С. 305-307.
5. Жутовская Н. М. Поэтический перевод и проблема адекватности / Н. М. Жутовская // Царскосельские чтения. 2012. Том 1. № 13. С. 342-347.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В. Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
7. Макарова Л. С. К вопросу о переводах русской поэзии на французский язык / Л. С. Макарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 114-118.
8. Макарова Л. С. Рифмованный перевод и перевод верлибром / Л. С. Макарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 159-163.
9. Переводческие семинары 2018-2019 гг., конкурс Inalco russe open. URL: <https://inalco-russe-open.webnode.ru> (дата обращения: 20.06.2022).
10. Прибыткова И. В. Проблема поэтического перевода / И. В. Прибыткова // Молодой ученый. 2020. № 2 (202). С. 363-369.
11. Труутс Е. И. К проблеме поэтического перевода: «Облако в штанах» / Е. И. Труутс, В. П. Чепига // Индустрия перевода: Материалы XII Международной научной конференции. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2020. Том 1. С. 138-145.
12. Akhmatova A. Requiem — Poème sans héros et autres poèmes / A. Akhmatova; traduction de Jean-Louis Backès. Gallimard, 2007.

13. Goumilev N. Poésies choisies / N. Goumilev; traduction de Florian Voutev. Vibration éditions, 2021. P. 51.
14. Maïakovski V. À pleine voix, Anthologie poétique 1915-1930 / V. Maïakovski; traduction de Christian David. Gallimard, 2005.
15. Maïakovski V. Le Nuage en pantalon / V. Maïakovski; traduction de Charles Dobzynski. Le Temps des cerises, 1998.
16. Maïakovski V. Le Nuage en pantalon / V. Maïakovski; traduction de Wladimir Berelowitch. Mille et une nuits, 1998.
17. Maïakovsky V. Le Nuage en pantalon / V. Maïakovsky; traduction de Benjamin Gorely. Aux portes de France, 1947.
18. Tsvetaeva M. Phèdre / M. Tsvetaeva; traduction de Florian Voutev. Vibration éditions, 2020. P. 23.

Valentina CHEPIGA¹

UDC 81'255.2

**SILVER AGE OF RUSSIAN POETRY INTO FRENCH:
TOWARDS THE PROBLEM OF POETIC TRANSLATION**

¹ Dr. Sci. (Phylol.), Professor, Department of Slavistic Studies,
Strasbourg University (France)
valentina.chepiga@gmail.com

Abstract

This article studies the problems of translating Silver Age Russian poetry into French, namely Vladimir Mayakovsky, Anna Akhmatova, Marina Tsvetaeva, and Nikolai Gumilev. The author examines the main anthologies of Russian poetry published in France in the 20th century: the anthologies of 1947, 1965 and 1985, all three published by Paris publishers. This article focuses on the peculiarities of the translations, when analyzing the translation transformations and examining the strategies of translation practice in France. The linguistic form, consisting of the four macro-levels: morphology, word formation, vocabulary and syntax — is one of the most difficult both to translate and to compare translations. What strategies French translators use determines the degree of equivalence of the translation.

The author also looks at the notion of the creativity of poetic translation and analyzes the strengths and weaknesses of rhyming and non-rhyming translations. Unrhymed translation brings us closer to conveying the meaning of the poem, but it deprives the poem of rhythm and melody, as well as reduces emotionality. A rhyming translation can convey the emotionality of the poem, but the search for rhyme can lead to approximation and diminish the equivalence of the poem. The author explains the choice of each translation strategy: in a rhyming translation, translators seek to preserve the author's rhyme image, the "breath" of the poem; while in a non-rhyming translation, the translator is often "closer" to the original.

Keywords

Poetic translation from Russian into French, Silver Age poetry, rhyme, linguistic form.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-79-93

Citation: Chepiga V. 2022. "Silver age of Russian poetry into French: towards the problem of poetic translation". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 79-93. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-79-93

REFERENCES

1. Akhmatova A. A. 1912. "The grey-eyed king". In: Akhmatova A. A. Evening. Part 3. Accessed 20 June 2022. www.ahmatova.ru/book/777/ [In Russian]
2. Akhmatova A. A. 1912. "Hands tightly". In: Akhmatova A. A. Evening. Part 3. Accessed 20 June 2022. www.ahmatova.ru/book/777/ [In Russian]
3. Gasparov M. L. 2003. An Essay on the History of European Verse. Moscow: Fortuna Limited, 2003. 271 pp. [In Russian]
4. Goumilev N. S. 1966. Short and Longs Poems, pp. 305-307. Moscow: Profizdat. [In Russian]
5. Zhutovskaya N. M. 2012. "Poetic translation and the problem of adequacy". Tsarskoye Selo Readings, vol. 1, no. 13, pp. 342-347. [In Russian]
6. Komissarov V. N. 1999. Modern Translation Studies. Course of lectures. Moscow: ETS, 1999. 192 pp. [In Russian]
7. Makarova L. S. 2009. "On the issue of translations of Russian poetry into French". Bulletin of Adygeyan State University. Series 2: Philology and art criticism, no. 4, pp. 114-118. [In Russian]
8. Makarova L. S. 2011. "Rhymed translation and verlibre translation". Bulletin of Adygeyan State University. Series 2: Philology and Art History, no. 3, pp. 159-163. [In Russian]
9. Translation seminars 2018-2019, Inalco russe open competition. Accessed 20 June 2022. <https://inalco-russe-open.webnode.ru> [In Russian]
10. Pribytkova I. V. 2020. "The problem of poetic translation". Young Scientist, no. 2 (202), pp. 363-369. [In Russian]
11. Truuts E. I., Chepiga V. P. 2021. "To the problem of poetic translation: 'Cloud in the pants'". Proceedings of XII International Scientific Conference "Translation Industry". Perm National Research Polytechnic University. [In Russian]
12. Akhmatova A. 2007. Requiem — Poème sans héros et autres poèmes, traduction de Jean-Louis Backès. Gallimard. [In French]
13. Goumilev N. Poésies choisies, traduction de Florian Voutev. Vibration éditions, 2021. P. 51. [In Russian and in French]
14. Maïakovski V. 2005. À pleine voix, Anthologie poétique 1915-1930, traduction de Christian David. Gallimard, 2005. [In French]
15. Maïakovski V. 1998. Le Nuage en pantalon, traduction de Charles Dobzynski. Le Temps des cerises. [In French]
16. Maïakovski V. 1998. Le Nuage en pantalon, traduction de Wladimir Berelowitch. Mille et une nuits. [In French]
17. Maïakovsky V. Le Nuage en pantalon. Traduction de Benjamin Gorely. Aux portes de France, 1947. [In French]
18. Tsvetaeva M. Phèdre, traduction de Florian Voutev. Vibration éditions, 2020. P. 23. [In Russian and in French]

ИСТОРИЯ

Сергей Викторович ГРИГОРИШИН¹

УДК 930.1

LISTENWISSENSCHAFT ВОЛЬФРАМА ФОН ЗОДЕНА И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ШУМЕРСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СПИСКОВ

¹ кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет
s.v.grigorishin@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-2509-6382

Аннотация

Предметом исследования является теория Listenwissenschaft немецкого ассириолога Вольфрама фон Зодена. Так как существует две редакции этой теории — 1936 и 1960 г., соответственно, — нужно уточнить, что наш анализ посвящен более поздней версии теории В. фон Зодена. После детального описания элементов этой теории, производится ее систематизация, результаты которой отражены в представленной в исследовании интеллектуальной карте. Поскольку Listenwissenschaft часто подвергалась критика за абстрактность и спекулятивность, в исследовании были введены точки зрения критиков В. фон Зодена. Проанализировав точки зрения критиков, автор статьи приходит к выводу, что главный аргумент теории Listenwissenschaft, манифестирующий наличие системы в лексических списках, остался непоколебленным. А это, в свою очередь, приводит к выводу о включении теории В. фон Зодена в область исследований философской мысли в ассириологии, уточняющей эпистемологические основания шумерских и вавилонских лексических списков. Новизна исследования состоит в том, что Listenwissenschaft впервые с 1999 г. (времени публикации статьи ученика В. фон Зодена — Д.-О. Эдцарда) была представлена в по-

Цитирование: Григоришин С. В. Listenwissenschaft Вольфрама фон Зодена и проблема интерпретации шумерских лексических списков / С. В. Григоришин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 94-132. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

зительном освещении, что в свою очередь располагает заново рассмотреть эту теорию для решения поставленных перед ассириологией эпистемологических задач, в частности в контексте делящегося столетия дискуссии о функции лексических списков внутри религиозных представлений билингвально мыслящих вавилонян.

В исследовании применен метод феноменологии религии в редакции Ж. Ваандербурга.

Ключевые слова

Лексические списки, списки богов, ниппурский литературный канон, *Eigenbegrifflichkeit*, *Göttersystem*, *Ordnungswille*, *Listenwissenschaft*, *Zweisprachigkeit*, Бенно Ландсбергер, Вольфрам фон Зоден, Адам Фалькенштейн, А. Лео Оппенхейм, Антон Даймель.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

Введение

Проблема формирования научных представлений обществ древнего Ближнего Востока достаточно подробно проанализирована в науке с фактической и прикладной точек зрения. В то же время эпистемологические основания этих представлений остаются недостаточно изученными, как и теоретическая сторона вопроса в целом. Как правило, практически каждое исследование на эту тему содержит краткое или подробное описание месопотамской литературы, математики, астрономии, медицины и гадательных текстов. Но при этом такие экскурсы неизменно оставляют вне поля зрения способ классификации шумеро-вавилонских наук, рубрикации конкретной научной дисциплины, канонизированные и устоявшиеся веками способы материального оформления абстрактного и спекулятивного знания.

Как само собою разумеющееся, месопотамские науки рассматриваются в сравнении с современным пониманием научного знания. Тем самым зачастую нарушается принцип историзма, призванный объяснить логику разрыва между представлениями отдаленных веками эпох. В подобных случаях перед учеными неизбежно возникают непредвиденные заранее сложности, поскольку, например, астрономию и астрологию им приходится рассматривать поочередно: то как ранний этап чистой науки, то как досадную смесь религиозных и научных представлений. Нежелание увидеть вещи глазами самих создателей текстов III-I тыс. до н. э. неизбежно приводит исследователей к деформации представлений об изучаемом историческом периоде.

Характерным примером аисторизма может служить неловкость при разборе текстов религиозного содержания. Неумение филологов и историков мыслить в теологических, религиоведческих или философских категориях редуцирует анализ религиозных представлений к тематическому полю лингвистики, не приспособленной к тому, чтобы понимать круг вопросов метафизического, в том числе и довольно абстрактного, содержания. Подобная ситуация складывается всегда, когда возникает необходимость вслед за анализом, например, медицинских представлений рассматривать мифологию, заговоры или магические тексты.

Практически обязательное отсутствие в арсенале ученого философской методологии приводит к тому, что первоисточники обречены быть истолкованы

превратно, в вопиющем несоответствии с тем, как они воспринимались их создателями. Ясно и то, что без принятия принципа историзма месопотамские науки в глазах современного ученого обречены выглядеть крайне примитивно.

С другой стороны, целиком объяснимы опасение научного сообщества в том плане, что смещение баланса в сторону принципа историзма рискует завести исследователя в другую крайность — видеть в зачаточных формах научного знания уже сложившиеся и полноценные науки. Именно таким путем в самом начале XX в. пошли панвавилонисты, значительно преувеличивавшие степень влияния шумерских, аккадских, вавилонских и ассирийских представлений на новоевропейского человека, западную культуру, государство и общество.

Но при этом не нужно, однако, забывать, что даже такой программный текст панвавилонистов, как «Babel und Bibel» Фридриха Делича, должен восприниматься тоже с учетом принципа историзма. Тогда станет ясно, что эти знаменитые сравнения ассирийских и вавилонских материальных памятников с цитатами из больших и малых пророков объяснялись не романтическим намерением воссоздания в памяти забытой древности, а имели прямое отношение к легитимации милитаристских амбиций Германской империи во время информационной подготовки к Первой мировой войне. К тому же, даже на уровне историографии ставшее привычным пренебрежение к трудам Делича, Йенсена и Иеремиаса обязано быть переосмыслено, иначе нельзя понять сущность достижений следующего за панвавилонистами поколения немецких ученых, особенно тех из них, кто внес существенный вклад в философскую мысль в ассириологии.

Историография

В сложный для Европы и мира период с 1925 по 1945 гг. были созданы ключевые работы по эпистемологическим и теологическим основаниям шумеро-вавилонской науки и религии, хотя некоторые важнейшие труды создавались и позже, вплоть до 1965 г. Круг ученых, обладавших масштабом философского осмысления клинописных источников, был крайне невелик, и был локализован в треугольнике немецких университетов Берлина, Лейпцига и Бреслау.

Поскольку панвавилонистская научная школа под руководством Фридриха Делича традиционно именуется берлинской школой ассириологии, а в Бреслау среди классиков ассириологии межвоенного периода относительно длительное время работал лишь Бруно Мейсснер, то с полным на то основанием интересующий нас круг ученых может быть назван лейпцигской школой ассириологии. Такое мнение подтверждается, в частности, Михаэлем Штреком в работе «Geschichte der Altorientalistik an der Universität Leipzig», где развитие ассириологии связывается с родоначальником этого направления в Лейпцигском университете, учеником Делича, профессором ассириологии Генрихом Циммерном.

Лейпцигская школа начинает свой отсчет с 1900 г. — даты создания Циммерном Института семитологии и археологии. Первый научный труд лейпцигской школы ассириологии — это исследование Циммерна «Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion» (1901). А уже через десять лет Циммерн издал ис-

следование по Большому вавилонскому списку богов «Zur Herstellung der großen babylonischen Götterliste An=(ilu) Anum» (1911), тем самым на долгие годы вперед задав главный ориентир для лейпцигской школы — анализ религиозных представлений месопотамского жречества на основании исследования созданных ими лексических списков.

Очевидно, что тематический круг исследований со временем стал гораздо шире, но важно отметить как раз то, что выведение на первый план исследования шумерской и вавилонской религии отличает лейпцигскую школу от других ассириологических школ. К этой же школе содержательно примыкает упомянутый уже выпускник Лейпцигского университета Бруно Мейсснер, хотя его долгая научная карьера была связана в основном с Бреслау и Берлином. На двухтомник Мейсснера «*Babylonien und Assyrien*» (1920-1925) часто и по делу ссылается Вольфрам фон Зоден, хотя ценит он больше собранный фактографический материал, чем его истолкование Мейсснером [33, с. 436, 442, 450-451, 455, 457-458].

Циммерн [37, 38] и Мейсснер [30] заложили основания теологического подхода к вавилонской религии, но первый действительно серьезный шаг философского осмысления эпистемологических оснований шумерских и вавилонских представлений сделал следующий представитель лейпцигской школы, ученик Циммерна, Бенно Ландсбергер. Ключевой поворот в философской мысли в ассириологии был связан с его публикацией «*Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt*» (1926), особенно благодаря введению в научный оборот понятия *Eigenbegrifflichkeit*, т. е., «своепонятийности» [7, 28].

Однако следует признать, что идеи Ландсбергера опередили свое время, и, как часто случается в истории, это повлекло за собой печальные последствия полного забвения этого труда. Лишь наиболее философски образованные и развитые ассириологи смогли осознать значимость этой работы. Оппенгейм и фон Зоден прямо ссылались на исследование Ландсбергера, а Гютербок и Фалькенштейн, как минимум, подразумевали. Через двадцать лет после своей epochальной работы Ландсбергер издал в Анкаре еще одну статью «*Die geistigen Leistungen der Sumerer*» (1945), включающее центральное для понимания шумерского политеизма понятие *Göttersystem*¹ [29].

К числу первых, кто продолжил дело Ландсбергера были его ученики, тоже выпускники Лейпцигского университета, Адам Фалькенштейн и Вольфрам фон Зоден. Фалькенштейн создал первую в шумерологии грамматику, основанную на философской эпистемологии, «*Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš*» (1949-1950). Автор книги сузил грамматику исключительно кругом источников, известных как цилиндры царя Гудеа. Идущая от Ландсбергера традиция мыслить неразрывное единство языка и мышления нашло классическое отражение в труде Фалькенштейна [20], что выводит это исследование не просто на уровень

¹ В данное время готовится к публикации наша статья, доказывающая преемственность взглядов Бенно Ландсбергера с философией мифологии «позднего» Фридриха Шеллинга.

философского осмысления шумерской теории познания, но и претендует на статус исследования в области феноменологии религии¹.

Другой ученик Ландсбергера и, одновременно, друг Фалькенштейна — Вольфрам фон Зоден сделал особенно значительный вклад в философскую мысль в ассириологии [6, 33, 34]. Его перу принадлежат две программные работы в этой области, а именно «Leistung und Grenze sumerischer und babylonischer Wissenschaft» (1936) и «Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens» (1960).

Наконец, замыкает круг классиков философской мысли в ассириологии А. Лео Оппенгейм [9, 31]. Хотя Оппенгейм не учился у Ландсбергера в Лейпциге, но зато много и близко общался с ним в период их совместной работы в Восточном институте Чикагского университета. Влияние идей Ландсбергера Оппенгейм прямо признает в своей книге «Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации» (1964), где он пишет следующее:

«Возможно, требуется также объяснение моего общего подхода к исследованию месопотамской цивилизации. Даже рискуя, что меня обвинят в новом виде панвавилонизма, я поместил Месопотамию в центре картины <...>. У меня было твердое намерение — возможно и неразумное — поддержать выдвинутую более тридцати лет назад Б. Ландсбергером теорию „Eigenbegrifflichkeit“, которая нашла очень мало сторонников» [9, с. 267].

Есть необходимость объяснить мысль Оппенгейма, почему же опора на теорию Ландсбергера может быть расценена как поддержка берлинской школы и панвавилонизма в принципе. Дело в том, что неопытный взгляд не всегда способен увидеть различие между берлинской и лейпцигской школами ассириологии. И те, и другие ставят в центр истории Древнего мира месопотамскую цивилизацию, объясняя это ее уникальным вкладом в сокровищницу мировой культуры. И Делич, и Ландсбергер настаивали на том, что шумерская и вавилонская традиции обладали настолько своеобразной культурой, что ее нельзя ставить вровень с другими. Общие основания между берлинской и лейпцигской школами можно увидеть также и в том, что они считали главным своеобразием шумеро-вавилонской духовной культуры ее религию. Однако на этом совпадении заканчиваются, и начинаются принципиальные расхождения. Берлинская школа возвышала Вавилонию и Ассирию как государственные образования далеко превосходящие библейский Израиль. Панвавилонизм исходил из предпосылки, что древние израильтяне заимствовал у вавилонян культуру и религию, а не наоборот. Фундаментальным основанием всех теоретических положений Делича, Йенсена и Иеремиаса было утверждение, в согласии с которым религиозной системой вавилонян был прамоотеизм. А лейпцигская школа наоборот, своеобразность шумеро-вавилонской духовной культуры видела в шумерском

¹ В среднесрочной перспективе мы планируем посвятить феноменологическому аспекту филологии Адама Фалькенштейна отдельную работу.

политеизме, через билингвальные лексические списки, сопряженные с вавилонским политеизмом. Теория прамоноотеизма берлинской школы ассириологии вступала в спор с теорией политеистической системы, системой богов, лейпцигской школы ассириологии. Но в случае с Оппенхеймом гораздо важнее не религиозная сторона месопотамской истории, а научная, а в этом плане споров между панвавилонистами и по-неокантиански мыслящими ассириологами было гораздо меньше. По этой причине Оппенхейм связывает воедино поддержку теории Ландсбергера и беспокойство, что его взгляды могут быть истолкованы как панвавилонистские.

Философия и методология ассириологии

Назвав имена ассириологов и шумерологов прямо или косвенно примыкающих к лейпцигской школе, не лишним будет отметить хотя бы два из множества важнейших критериев распознавания философской составляющей в ее исследованиях. В претендующем на философское обобщение исследовании неуместным для лейпцигцев считалось наличие бессмысленного многостраничного цитирования первоисточников.

По мысли авторов книг, не учитывающих такой подход лейпцигской школы, и не всегда способных отрефлексировать этот изъян, эти переводы обязаны были бы служить подтверждением их собственных рассуждений. Однако на деле подобный подход, развивающий намерение подкрепить научные тезисы фактами и примерами из первоисточников, приводят к совершенно обратному результату — подменой аргументации бездумным цитированием.

Лейпцигская школа довольно быстро исключила эту ошибку из своих рассуждений. Но то, что значительное время такой подход в претендующих на обобщение трудах был крайне популярен, может свидетельствовать хотя бы структура научно-популярных работ С. Крамера [23] и Т. Якобсена [22]. В этом отношении даже старые работы берлинской школы ассириологии в интеллектуальном плане смотрятся гораздо привлекательнее.

Лучше всего на эту тему высказался Оппенхейм:

«Я весьма умеренно цитирую переводы древних текстов, как для подтверждения своих слов, так и в тех случаях, когда возникает соблазн дать источникам „говорить самим за себя“. Пожалуй, нельзя не признать, что переводы текстов больше могут рассказать о самом переводчике, чем о том, что стремился передать автор» [9, с. 5].

Следовательно, освобождение мышления от объемного цитирования первоисточников — важное предварительное условие для выхода на уровень философских обобщений. Филология не способна и не должна подменять собою философию.

Второй критерий состоит в умении авторов работ по шумерской и вавилонской науке, культуре и религии включать в исследование новый понятийный аппарат, если таковой, разумеется, оправдан логикой и целью исследования.

Иначе велик риск получить в распоряжение монографию, философское содержание которой заменено наукообразием.

А потому многолетнее и ответственное штудирование трудов классиков лейпцигской школы ассириологии с одной стороны служит хорошим иммунитетом против желания расцвечивать свои труды неоправданными неологизмами, а с другой — прививает у читателя вкус к грамотно построенному категориальному аппарату и основанной на нем системы аргументации. Сюда же относится включение в исследования новых, ранее не используемые в ассириологии понятий. Наличие развернутой системы категорий, заимствованной из философии, религиоведения или теологии, либо даже же созданной своими усилиями (почему бы и нет?), дает возможность ученому осмыслить научные и религиозные достижения шумеров и вавилонян на искомом философском уровне.

Теория Listenwissenschaft Вольфрама фон Зодена

Перейдем к изучению взглядов ассириолога, воплотившего в себе образец ученого, владеющего философским категориальным аппаратом и способного использовать этот аппарат для построения своей теории. Из числа представителей лейпцигской школы, наибольший вклад в понимание специфики научного знания в Шумере и Вавилоне сделал классик немецкой ассириологии Вольфрам фон Зоден, известный как выдающийся лексикограф, автор авторитетного аккадского словаря и как лингвист, создавший фундаментальную грамматику аккадского языка.

В нашем случае предлагается рассмотреть наименее изученную часть его творчества, посвященную методологии исторического исследования и истории науки. Наибольший вклад в методологию фон Зоден внес благодаря введению в научный оборот понятия Listenwissenschaft, которое в этом исследовании будет попеременно переводиться и варьироваться в двух близких, но принципиально различных смыслах.

Сразу оговоримся, что в немецком оригинале это одно понятие имеет сразу два значения. Мы же, перенося это понятие в русскоязычный контекст, в первом случае будем понимать Listenwissenschaft как «науку о списках», т. е. взгляд на лексические списки с научным содержанием с позиции современного исследователя. В таком случае, объект изучения — корпус лексических списков как исторический источник по формированию научных представлений в Шумере и Вавилоне. Во втором случае, Listenwissenschaft лучше переводить как «наука в списках», что гораздо точнее отражает способ оформления абстрактного знания в виде записей имен существительных, сведенных с помощью классификаторов в форме детерминативов к отдельным рубрикам и каталогизированного шумеро-вавилонского научного знания. Другими словами, науки о списках функционируют как *знание для нас*, в культурном плане, оторванном от создания зачаточных образцов научного знания и представляющих знание в его развитых формах, а *наука в списках* — как *знание для них*, т. е. в том случае, когда это знание выступало для его носителей предельным знанием о мире.

*Отношение к теории Listenwissenschaft
в классической и современной ассириологии*

Однако вскоре после своего возникновения теория Вольфрама фон Зодена встретила достаточно сильное сопротивление в лице других авторитетных ассириологов. Стало общим местом, правда, по сложившейся традиции, не называя конкретных имен, обвинять фон Зодена в абстрактном и спекулятивном характере его теории, несовместимости его взглядов с имеющимися в наличии источниками. За последние 60 лет даже сложился общий консенсус не толковать лексические списки под углом зрения теории науки в списках.

Для того, чтобы продемонстрировать характер критики теории фон Зодена представляется достаточным представить всего три позиции. В данном случае наш выбор пал на представителей трех разных научных школ ассириологии.

Первой будет представлена наиболее серьезная критика наук в списках в традиции американской ассириологической школы, представленной профессором А. Лео Оппенхеймом [31]. Хотя, как уже было сказано, Оппенхейм сам отчасти восходит к лейпцигской школе, поскольку в методологическом плане опирался на взгляды Ландсбергера.

Второй будет представлена трактовка шумерских и вавилонских наук в советской ассириологии, представленной позицией И. М. Дьяконова — авторитетного ученого, давно признанного в международном научном сообществе [4, 5].

Третьей — точка зрения французской ассириологической школы. Здесь, выбирая среди плеяды замечательных исследователей, таких как Эдуард Дорм [17, 18], Рене Лабат [25] или Жан Боттеро [12, 13], мы остановили свой выбор на наиболее современном представителе классической французской школы ассириологии Доминике Шарпене [10], по своим идеям максимально созвучного современным лингвистам, обычно игнорирующим философский аспект своей науки.

Мы убедимся в том, что, несмотря на оригинальность представленных подходов, их объединяет отказ мыслить лексические списки с философских позиций. Этим ученым (хотя позиция Оппенхейма гораздо сложнее двух других и должна рассматриваться особняком) представляется вполне достаточным и абсолютно убедительным удерживать источники на эмпирическом уровне анализа, не приемлющем никакие дедуктивные построения. Идея же о том, что в основе лексических списков существует научная система, регулирующая способ организации таких списков, обычно и трактуется как подобного рода дедуктивная конструкция.

Естественным образом возникает вопрос: на какой предпосылке основан общий консенсус об отсутствии научной системы в лексических списках? Всякий раз отвечая на него, разделяющие эту предпосылку авторы пишут о том, что объем и характер дошедших до нашего времени источников не позволяет сделать вывод о наличии подобной системы. Но верно ведь и обратное. Если нельзя сделать вывод о наличии такой системы, то нет никакой возможности

уверенно утверждать об ее отсутствии. Этот довольно простой и ясный логический вывод, целиком объяснимый в русле идей авторов, скептически оценивающих наши возможности понять содержание лексических списков, в приведенных трудах как правило отсутствует.

Между тем о том, каковы причины исключения из ассириологического дискурса эпистемологических вопросов, нам уже приходилось ранее писать [3, с. 58-70]. Однако в новом исследовании наша аргументация будет построена иначе. новой формулировке тезис звучит так — «наука в списках» Вольфрама фон Зодена имеет право на существование в ассириологии как минимум в виде философской гипотезы.

Согласие либо же отрицание теории Listenwissenschaft обязано отталкиваться от рациональной аргументации, а не апеллировать к здравому смыслу. Последнее мы будем рассматривать в качестве отказа от научной дискуссии и как не соответствующий научной этике переход к риторическим средствам, нерелевантного характера обсуждаемых проблем.

Не может не удивлять, что современная ассириологическая историография за последние двадцать лет, за исключением популярных трудов вроде книги Шарпена, почти ни разу не обращалась к научному анализу взглядов В. фон Зодена. Единственным исключением стала работа Маркуса Хильгерта «Von „Listenwissenschaft“ und „epistemischen Dingen“. Konzeptuelle Annäherungen an altorientalische Wissenspraktiken» (2009) [21]. Но эта работа, в которой проводится оригинальное и весьма неожиданное сравнение идей фон Зодена и Бруно Латура, требует особого внимания и поэтому здесь рассматриваться не будет.

Если же говорить о том, с какой целью мы обращаемся к теории фон Зодена, то цель абсолютно ясна — включить теорию Listenwissenschaft, и, шире, обсуждение проблемы организации шумеро-вавилонских лексических списков, в круг философских обсуждений. Как показывает практика, ни филологии, ни истории для решения методологических вопросов без учета ресурсов философии зачастую оказывается недостаточно. Ограничив круг задач раскрытием специфики теории науки о списках, мы тем самым включили философский подход к анализу эпистемологии лексических списков, что в этом проблемном поле существенно обогащает методологию исторических наук.

Для лучшего понимания круга исследуемых вопросов желательно предварительное ознакомление со словарными статьями Уилфреда Ламберта «Göttergenealogie» [26, с. 469-470] и «Götterlisten» [27, с. 473-479], а также статьей Антуана Ковинье «Lexikalischelisten» [14, с. 609-641]. Их несложно найти в «Realexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie».

Общее строение и внутреннее устройство теории Listenwissenschaft

Сразу же рассмотрим внутреннее устройство науки о шумерских и вавилонских лексических списках. С целью, чтобы в дальнейшем легче было воспринимать предложенный материал, ниже представлены диаграммы с систематизацией

представлений Вольфрама фон Зодена (Рис. 1-5)¹. Для начала фон Зоден распределяет древние и средневековые культуры по принципу количества языков, доминирующих в каждой подобной культуре. Обращает на себя внимание то, насколько зыбкой в общей классификации выглядит класс многоязычных культур. Достаточно ясно, что ученый сосредоточил основное внимание только на классах одноязычных и двуязычных культур. Перечислив их все, из двуязычных культур фон Зоден выделяет ассирийскую и вавилонскую, а главное внимание сосредотачивает на последней из двух. Подчеркнем, что это лишь общая контекстуальная рамка, поэтому нет смысла верифицировать правильность трактовки фон Зоденом распределения одноязычных и двуязычных культур (рис. 1).

Двуязычие в культуре древнего Вавилона

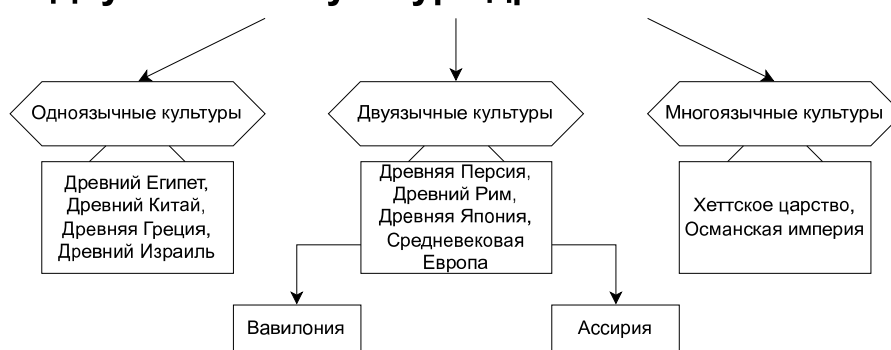

Рис. 1. Систематизация представлений В. фон Зодена о двуязычии в культуре древнего Вавилона

Fig. 1. Systematization of W. von Soden's ideas on the bilingualism in the culture of ancient Babylon

Определив таким образом вообще сам факт существования в истории Древнего мира и Средних веков, т. е. эпохи Премодерна, одноязычных, двуязычных и многоязычных культур, далее фон Зоден говорит только о шумерской монолингвальной культуре и вавилонской билингвальной культуре. Вполне закономерно, что следующим шагом фон Зодена в развертывании своей системы состоит в том, какое смысловое наполнение содержит само понятие культуры. В общем плане культура состоит из письменного языка, истории и литературных памятников (рис. 2).

После раскрытия особенности строения шумерской и вавилонской духовных культур фон Зоден переходит к центральной части теории науки в списках — шумерскому и аккадскому языкам. Главное различие состоит в морфологии этих двух языков. Эта часть, предваряющая развертывание теории наук в списках, в своем изложении строго подчинена своепонятийности, своеобразию вавилонских понятий, главного понятия из теории Ландсбергера, где анализ языка занимал центральное место (рис. 3).

¹ Диаграммы по нашей просьбе созданы Павлом Кориковым, в связи с чем автор исследования выражает ему благодарность.

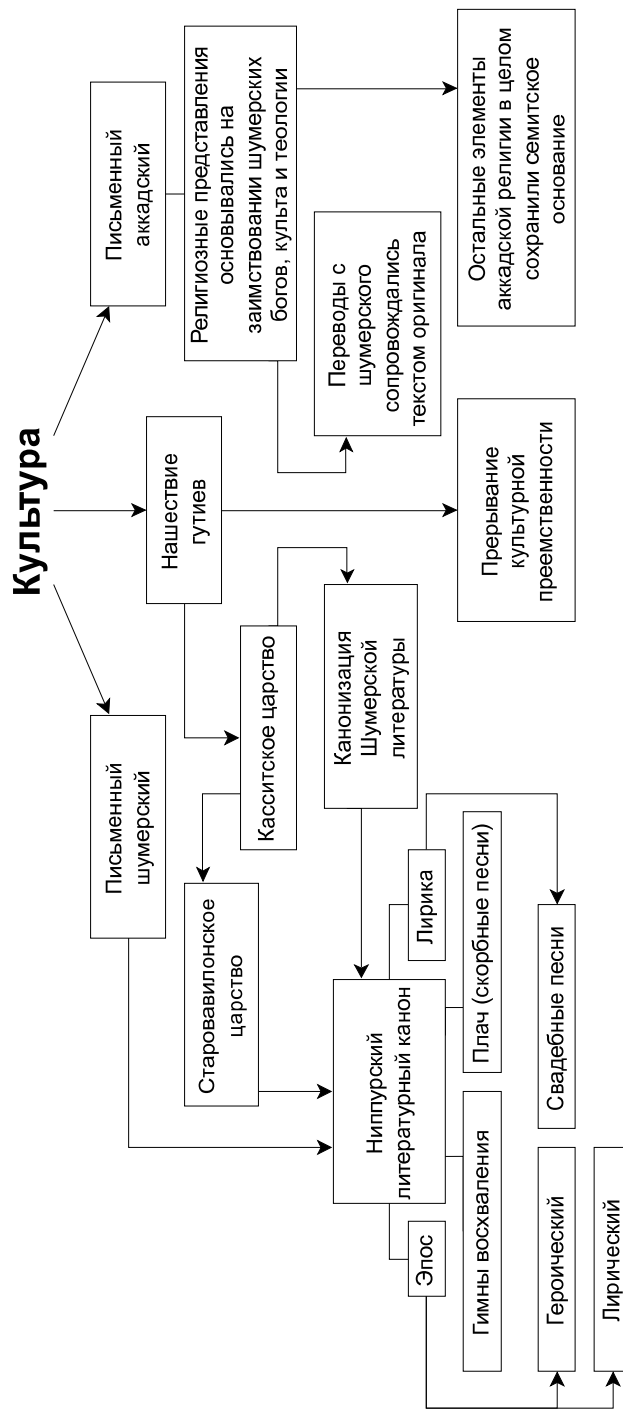

Рис. 2. Систематизация представлений В. фон Зодена о культуре / Fig. 2. Systematization of W. von Soden's ideas on the culture

Рис. 3. Систематизация представлений В. фон Зодена об языке

Fig. 3. Systematization of W. von Soden's ideas on the language

Нигде более так не видна преемственность между теориями Бенно Ландсбергера и Вольфрама фон Зодена, как на этой части диаграммы. Уникальная способность двух филологов переносить языковой материал на философское основание позволяет продвинуться дальше, чтобы вплотную приблизиться к наукам в списках. Тем более неожиданным может показаться переход от понятий культуры и языка к проблемам религии. Как станет ясно немного позже, фон Зоден не считал нужным скрыть роль религии в формировании шумерской и вавилонской науки, в данном конкретном случае — науки в списках. Вавилонская наука восстанавливается только при условии понимания внутренней соподчиненности представленных в диаграмме блоков, а строгая иерархия теории науки о списках в процессе перехода от наиболее общих понятий к более конкретным требует решения вопроса, что было первично — культура, язык, религия или наука.

В начальной части нашего исследования подробно объяснялось зачем применять принцип историзма. В этом конкретном случае, когда язык укоренен сразу в нескольких регионах науки в списках, нужно твердо себе уяснить, что шумерская и вавилонская (аккадская, ассирийская) языковые культуры в этой системе подчинены религии. А к этому выводу нельзя прийти без понимания исторической специфики формирования системы знаний царств Шумера и Аккада. Но такой характер подчинения культуры и языка религии выясняется не через их содержание, а через форму. Оформление картины мира происходит

через списочное строение шумеро-вавилонского знания, как системы представлений в индивидуальном или коллективном сознании (рис. 4).

Рис. 4. Систематизация представлений В. фон Зодена о религии

Fig. 4. Systematization of W. von Soden's ideas on the religion

В результате на наших глазах постепенно восстанавливается целостная картина религиозной картины мира исследуемого региона. Картина мира — это нужно подчеркнуть как оригинальное и еще до конца не оцененное достижение лично фон Зодена — глубоко упорядочена. Представленный в сознании мир каталогизирован под религиозным углом зрения. Само же знание упорядочено в системе наук в списках. Современного человека не может не поразить степень подробности шумерского каталога знаний, соподчиняющий одновременно десятки областей знаний пусть даже в тяжеловесной списочной форме (рис. 5).

В целом нужно признать, что наука в списках отражает стандартное представление о составе шумерских, аккадских, вавилонских и ассирийских наук. Но, как выяснится из дальнейшего хода нашего исследования, отличительная черта во взглядах фон Зодена состоит в предположении, что все эти науки объединяет заложенная внутри списков система. Именно то, что научное знание представляет собою не набор случайных наблюдений, а мышление из единого принципа, позволяет фон Зодену включить в свое объяснение представление о системе в науки о списках.

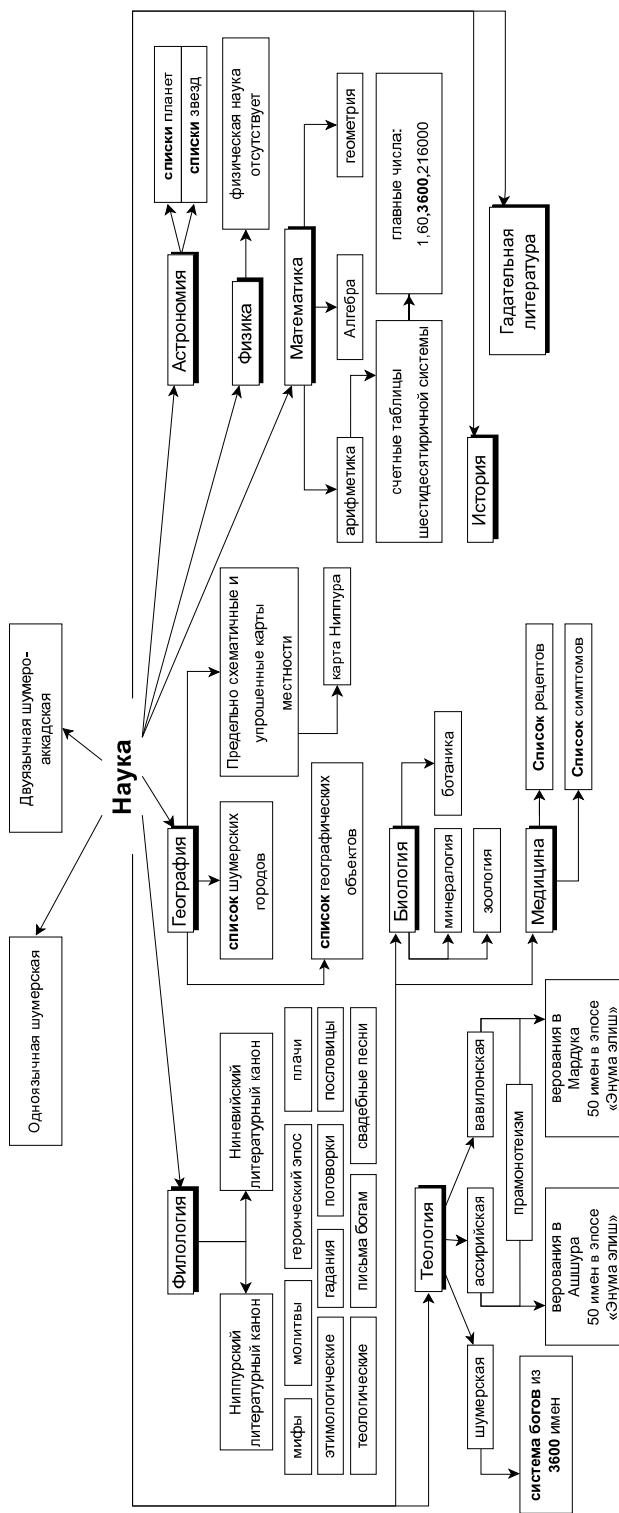

Рис. 5. Систематизация представлений В. фон Зодена о науке

Fig. 5. Systematization of W. von Soden's ideas on the sciences

Теория Ordnungswille u Zweisprachigkeit Вольфрама фон Зодена

Чтобы иметь более корректное представление о взглядах фон Зодена, имеет смысл уточнить, что поздняя (рассматриваемая здесь) версия теории Listenwissenschaft предполагает знакомство с еще одной его теорией — Zweisprachigkeit — теорией двуязычия или билингвизма вавилонян, отраженного в лексических списках (Рис. 1). Задача фон Зодена состоит в том, чтобы под углом зрения билингвизма выявить своеобразие понятий духовного мира вавилонян, отличающихся от своеобразия понятий шумерской духовной культуры. Идея Zweisprachigkeit в поздней редакции теории «наук в списках» заняла место теории Ordnungswille из ранней теории Listenwissenschaft.

В теории 1936 г. фон Зоден делал ставку на раскрытие наук в списках через полумистическое представление о стремлении вещей притягиваться друг к другу, для того, чтобы встроиться в единую систему. А в преломлении вавилонского сознания взаимосвязь вещей, по фон Зодену, была представлена в виде объективной воли к упорядочиванию мира, что якобы и повлекло за собой создание многочисленных лексических списков. Эту теорию много и активно критиковал А. Лео Оппенгейм. Детальный разбор этой полемики дан в нашем исследовании в соответствующем разделе.

В поздней версии «науки в списках» 1960 г. такое толкование фон Зоденом уже не применяется, а вместо него возникает более рационально обоснованная теория билингвизма. Теория Zweisprachigkeit проблематизирует тему *соотношения шумерского и вавилонского способа мышлений и характер их взаимодействия внутри письменных источников.*

Источниковедческие вопросы в отношении теории Listenwissenschaft

В качестве основного источника по теории Listenwissenschaft мы возьмем статью «Двуязычие в духовной культуре Вавилонии», на основе которой сделана предложенная выше диаграмма. Немецкоязычный оригинал был издан отдельной брошюрой в Вене в 1960 г. Насколько нам известно, ни полностью, ни частично эта работа, написанная и изданная по-немецки, на другие языки не переводилась¹. Несмотря на краткий формат научной статьи, исследование фон Зодена имеет программное значение и наряду с трудами Циммерна, Мейсснера, Ландсбергера, Фалькенштейна и Оппенгейма может считаться одним из главных достижений ассириологии в области философского изучения вавилонской культуры, хотя по жанру она целиком вписана в формат исторического исследования.

Комментарий и интерпретация взглядов фон Зодена, несмотря на малый объем текста, представляет значительные трудности. Идеи изложены настолько компактно и в таких емких формулировках, что раскрыть их без искажений, не

¹ Русский перевод, находящийся в рукописи и пока полностью неопубликованный, был осуществлен по нашей просьбе переводчиком А. И. Ведровым в 2015-2016 гг. Русскоязычная версия работы В. фон Зодена насчитывает 19 страниц, цитирование будет осуществляться с опорой на эту рукопись.

обращаясь к цитированию этой работы, не представляется возможным. В то же время невозможно просто ретранслировать позицию фон Зодена, не дополняя его точку зрения реконструкцией исторического и текстологического контекста. Без таких вставок и без того сложная мысль фон Зодена окажется читателю вообще непонятной.

Вследствие указанных причин мы вынуждены ограничиться описанием лишь незначительной части теории *Listenwissenschaft*, сконцентрировав все внимание на четырех страницах (в переводе это 7-10 страниц), где сосредоточено описание вавилонской теологии. Другие сюжеты, во-первых, выше продемонстрированы на диаграмме (интеллектуальной карте; рис. 1-5), а во-вторых, будут возникать в тех частях нашего исследования, где находится реконструкция полемики с теорией фон Зодена со стороны Оппенхейма, Дьяконова и Шарпена. Такой подход оправдан еще и потому, что такие регионы науки в списках, как география, ботаника, зоология, медицина, мантика, астрономия и другие науки в списках подробно рассмотрены в научной литературе, например, в статьях И. Дьяконова [4, 5], М. Сивила [15], Д.-О. Эдзарда [19] и монографии Н. Вельдхейса [35].

Система шумерского политеизма

и вавилонская отождествляющая теология в Listenwissenschaft

Уникальность вклада фон Зодена в тематические лексические списки не может быть полностью понятой без учета его размышлений по поводу шумерского политеизма и вавилонской отождествляющей теологии. Если современные ассириологи склонны сводить эту часть шумеро-вавилонской культуры, по крайней мере в рамках своих научных изысканий, к маргинальным сюжетам, то фон Зоден делает постановку вопроса о связи шумерской и вавилонской религии в лексических списках главной темой, и, тем самым, ставит *шумерские и вавилонские списки богов на центральное место в развитии вавилонской духовной культуры*. Ранее было сказано, что теорию *Listenwissenschaft*, науки в списках, нельзя полностью понять без теории *Zweisprachigkeit*, вавилонского шумеро-аккадского двуязычия. Вследствие этого фон Зоден сравнивает одноязычные шумерские лексические списки и двуязычные шумеро-вавилонские списки. Как первые, так и вторые списки, если они объясняют религиозную и мифологическую сторону существования жителей Шумера и Вавилона, фон Зоден трактует как выражение докатегориального мышления, в каком-то смысле, это мышление личными и нарицательными именами божеств.

Мышление через включение в его акты имен богов фон Зоден определяют в понятии «теологического мышления»: «Самую характерную для двуязычия теологического мышления в Вавилоне форму выражения представляет собой список богов» [6, с. 8]. Само это словосочетание впервые встречается у фон Зодена, хотя о «теологической науке» у вавилонян и про вавилонских «теологов» писал уже Мейсснер [30, с. 102]. Имеет смысл уточнить еще один нюанс: Мейсснер, в отличие от фон Зодена, различает мифологию и теологию, что у фон Зодена ясно не прописано.

Pantheon Babylonicum Антона Даймеля

В этом отношении уникальна позиция Антона Даймеля, автора лексикографического свода вавилонских божеств «*Pantheon Babylonicum*» (1914 г., второе издание — 1950 г.). Как католический монах Даймель не позволяет себе назвать политеистическую религию словом «теология», руководствуясь, как кажется на первый взгляд, соображением, что только лишь монотеистическая религия имеет право именоваться теологией [16].

Если даже это так, ни Мейсснера, ни фон Зодена такие предубеждения Даймеля в научном плане не останавливают. Принцип историзма позволяет представителям лейпцигской школы выявлять теологические представления в лексических списках, хотя способ реализации этой теологии абсолютно далек от идеалов «Суммы теологии». В лучшем случае теология лексических списков могла бы оказаться в одном из разделов «Суммы против язычников» (хотя вопрос о соотношении монотеистической христианской теологии и политеистической шумеро-вавилонской теологии гораздо сложнее, чем просто отнесение последней к категории язычества). Но также нельзя считать позицию Даймеля абсолютно необоснованной. На самом деле ход мысли католического ассириолога состоит не в том, что по религиозным соображениям нельзя назвать политеистическую систему теологией, а в том, что ассириология не вполне способна совладать с теологической терминологией независимо от того, идет ли речь о протестантской или католической теологии.

Даймель отчасти проложил этот путь по крайней мере в отношении используемых теологических понятий. В новом издании каталога «*Pantheon Babylonicum*» (1950), в кратком предисловии, уже написанном на немецком языке (а не на латыни, как в первом издании), множество раз варьируются понятия Göttern в таких словосочетаниях, как Götternamen Götterephiteta, Götterkatalog, Götteraufzählung, Götterlisten, Götterverzeichnis, пусть и принимаемых в христианской трактовке как «falschen Göttern der Babylonier» [16, с. V-VII]. Среди этих понятий как-то менее значимым становится более привычное для первого издания и однозначное по своим оценочным качествам понятие Pantheon. Такая эволюция в словоупотреблении явно указывает на желание Даймеля включить осмысление вавилонской религии в более понятийно определенную теологическую систему.

Ведущая от Антона Даймеля римская школа ассириологии в этом плане шла вслед за рефлексией лейпцигской школы. Уже Мейсснер четко разграничивал такие рубрики вавилонской религиозной системы, как пантеон, жречество, культ, космологию, теологию, религиозную литературу и магию, причем четко по первоисточникам разграничивая каждую из указанных рубрик [30, с. VIII]. А как раз между вторым томом книги Мейсснера и вторым изданием каталога Даймеля в философскую мысль в ассириологии вошло еще одно, возможно, главное для понимания специфики шумеро-аккадской религии и мифологии, предложенное Ландсбергером понятие — Göttersystem.

Эпистемологические основания вавилонской отождествляющей теологии

Но безусловный прорыв, несмотря на перечисленные уже достижения, связан с творчеством фон Зодена. Понятие «вавилонская теология» вводилось не просто для отождествления верований шумеров и вавилонян с привычными для монотеистических религий систематизации знаний о боге, но с целью поиска системного принципа, лежащего в основе этой теологии. Соответственно, чтобы найти подобный принцип фон Зодену требовалось не только сместить акценты с анализа материальной культуры на духовную культуру, но и в самой духовной культуре исключить все области кроме мышления.

При такой постановке вопроса мышление уже несуществующих в истории народов возможно было исследовать только через памятники письменной культуры, причем преимущественно заслуживали внимание только те из них, что регулируют сферу религиозного мышления. В таком случае верным был бы подход, позволяющий рассмотреть отличие представлений шумеров и вавилонян о божественной сущности, а значит — выходить на эпистемологический уровень анализа мышления.

Тематизация проблем мышления стало отличительным признаком теории «науки о списках». Вровень с достижениями фон Зодена шли только отдельные труды Ландсбергера, Фалькенштейна и Оппенгейма. Декларирующий же предметственность от Рудольфа Отто Торкильд Якобсен со своим «Сокровищем тьмы» и в малой степени не был приближен к лейпцигской школе, и, соответственно, частью этого интеллектуального дискурса.

Рассмотрим фрагменты текста из статьи, описывающей теорию науки в списках, уделив особое внимание частям, описывающим различие религиозного мышления шумеров и вавилонян.

«Мышление как шумеров, так и аккадцев определяла в первую очередь религия. Но представления о сущности божества у этих народов сильно различались. Крупные шумерские божества, изначально олицетворявшие силы космоса и природы, в ходе недостаточно известной нам долгой эволюции в главных культовых городах заполучили настоящие государства богов со структурой, аналогичной управлению в городе-государстве. Количество богов, которые, согласно таким представлениям, действовали на небольшом пространстве, тем самым настолько увеличилось, что приведенное позднее круглое число 3 600 наверняка не было большим преувеличением.

Вавилоняне переняли этот огромный пантеон и включили в него собственных богов. Поскольку же для семитов боги прежде всего обладали властью, они не могли представить такое количество богов на таком небольшом пространстве. Вместе с тем, их мышление было так сильно привязано к шумерской традиции, что теологи не могли просто-напросто исключить утратившие для них актуальность фигуры из пантеона. Поэтому они создали, возможно, опираясь на образец шумерских богословских положений, мыслительное построение, которое мы можем охарактеризовать как отождествляющую теологию.

Согласно этой теологии, подавляющее большинство известных нам божественных образов следует рассматривать как ипостаси меньшего числа богов, не обладающие самостоятельной сущностью. Чем более знаменитым был бог, тем больше он имел ипостасей. Например, Мардуку из Вавилона теология вавилонского эпоса о сотворении мира, который, вероятно, возник в касситскую эпоху приблизительно в XV веке, приписывала 50 имен. И все-таки во II тысячелетии даже после подобной редукции государства богов сохранялся весьма внушительный пантеон, чьи образы были сходными друг с другом. Поэтому позднейшие теологи пошли намного дальше и в конце концов свели всех так называемых больших богов к простым ипостасям, подчас даже к частям тела того бога, который почитался по преимуществу. Но эта более радикальная форма отождествляющей теологии не могла укорениться везде, поскольку ее сложно было совместить с традицией и поскольку она представляла серьезную экономическую угрозу для крупных храмовых культов.

Но прежде всего невозможным было согласие по поводу вопроса, какого из прежних больших богов следует рассматривать как божество в собственном смысле. Для теологов Вавилона это был Мардук, для других — Нинурта или Набу, в Ассирии речь шла об Ассуре и т. д. Это привело к образованию в I тысячелетии такого теологического клубка, который распутать практически невозможно» [6, с. 7].

Распутать этот клубок возможно. Но для начала определим общий ход мысли фон Зодена, переведя его высказывания в краткие тезисы:

- 1) религия определяла картину мира шумеров и вавилонян;
- 2) представления о боге у шумеров и вавилонян различались;
- 3) шумерский пантеон мог насчитывать до 3 600 богов;
- 4) вавилоняне отождествляли своих и шумерских богов по причине их огромного количества;
- 5) отождествляющая теология была представлена в двух вариантах — умеренном и радикальном;
- 6) умеренный вариант отождествляющей теологии ограничивался перенесением свойств своих богов на шумерских;
- 7) радикальный вариант состоял в сведении шумерских больших богов к ипостасям главного вавилонского бога Мардука, или же других вавилонских богов;
- 8) радикальная отождествляющая теология во всех других месопотамских городах, так же, как и в Вавилоне, ипостаси шумерских божеств сводила к своему главному богу, как, например, это произошло с культом Ашшура;
- 9) свести все вавилонские пантеоны к единому шумерскому прототипу невозможно;
- 10) путаница в пантеонах возникла к середине I тыс. до н. э., т. е. уже ко времени распада Нововавилонского и Новоассирийского царств.

Переход от отождествляющей теологии к лексическим спискам

Обратим внимание на то, что пока речь шла только о пантеонах, но не о лексических списках. Наблюдения фон Зодена над шумерской и вавилонской религией в этой части опираются только на мифологические тексты. Например, когда ученый говорит о 50 именах Мардука, то речь безусловно идет о VI-VII таблицах эпоса «Энума Элиш», где все эти имена даны в виде длинного гимна в честь главы вавилонского пантеона.

На первом этапе разворачивания своей теории фон Зоден не говорит о Большом вавилонском списке богов, где существуют серьезные смысловые пересечения с указанным эпосом, а лишь декларирует сведение больших шумерских богов к ипостасям Мардука. Это не совсем корректно. Большими богами фон Зоден может именовать только лишь семь главных богов Шумера и никого другого: Ана, Энлиля, Энки, Инанну, Нанну, Нинурту и Уту, благодаря отождествляющей теологии переименованных в Ану, Эллиля, Эйу, Иштар, Сина, Нинурту и Шамаша. Только Нинурта у вавилонян сохранил свое изначально шумерское имя, остальные же боги обрели вавилонские имена. На самом деле, даже в «Энума Элиш» никто из представленных семи богов не фигурирует в виде ипостаси Мардука. Пятьдесят имен, о которых говорит фон Зоден, в большинстве своем представляют, за редчайшим исключением, абстрактные наименования, а не имена уже существующих богов.

С проблемой существования отличающихся пантеонов в разных городах Вавилонии и Ассирии тоже было не так сложно, как считает фон Зоден. Например, когда во главе пантеона на место Мардука становится Ашшур, то вся нижняя конструкция под ним остается неизменной и полностью идентичной вавилонскому пантеону — опять же, если мы ограничиваемся мифологическими текстами, а не говорим о лексических списках.

Радикализируем свое утверждение и скажем следующее: вне лексических списков богов как шумерская, так и вавилонская теология достаточно примитивны и представлены гораздо меньшим числом богов, чем в случае, когда в работу включаются лексические списки. Пока пантеон существует вне списка, то не может быть и речи ни о какой теологии.

Мифологическая литература и лексические списки

Шумерская и вавилонская мифология транслируют в коллективное представление ограниченное число действующих лиц, вряд ли выходящих за сотню даже вместе с различными демонами, колдунами, волшебниками, смертными царями, людьми, реальными и фантастическими животными, рыбами и птицами. Без лексического списка ни обычной, ни отождествляющей теологии нет. Вольфрам фон Зоден это хорошо понимал, поэтому далее по тексту раскрыл особенности различия канонических мифов и лексических списков, объясняя то, как они соотносятся с религией и литературой. По сути именно обращение к лексическим спискам позволяет распутать запутанный клубок шумерских и вавилонских пантеонов. А главное, пока шумерские списки богов не рассматриваются как

ценность сама по себе, мы не можем выйти на философский уровень анализа религии шумеров и вавилонян.

Содержание мифов само по себе никак не помогает проникнуть в способ мышления исчезнувших с реальности народов независимо от того, говорят ли эти мифы об эпистемологической специфике такого мышления или же теологической. В обоих случаях нужно искать форму изложения учения о богах и каждом отдельном боге, а не стремиться реконструировать мышление с помощью интерпретации мифов. Более того, вне лексических списков, утверждаем мы — и скоро убедимся, что об этом пишет и фон Зоден — мифологические тексты вообще не несут никакого познавательного смысла, а превращаются в анонимный и бессмысленный фольклор. Лишь в сопряжении мифа и лексического списка возникает возможность встроиться в логику шумерского мышления.

Но подчеркнем и то, что ранее мы оставляли без должного внимания, но на чем призывает нас сконцентрироваться фон Зоден: он пишет, что у шумеров и вавилонян «представления о сущности божества <...> сильно различались» [6, с. 7]. Ученый объясняет, что вавилонянам было сложно оперировать огромным шумерским пантеоном, что приводило как к необходимости редуцирования их числа, так и сведения разных божеств к ипостаси какого-нибудь одного из них. Это не совсем соотносится с источниками, поскольку Большой вавилонский список богов охватывает больше имен, чем известные шумерские списки богов вместе взятые (Список богов из Фары, список богов из Абу-Салабиха, Ниппурский список богов, список богов Женуйяка, список богов Вайднера). Понятно, что даже Вавилонский список включает по преимуществу шумерский пантеон, лишь с вкраплением семитских пантеонов. Но этот список создавался жрецами бога Мардука, и нет никаких причин считать, что в этом списке использована в полном объеме ресурс отождествляющей теологии. Шумерские боги по преимуществу остались на тех же местах, какие занимали в шумерских списках богов, и никто из них не исчез с помощью отождествления шумерского прототипа с доминирующим в культуре вавилонским богом.

Также не кажется вполне убедительной идея, что поглощение шумерских божеств вавилонскими не происходило по причине экономической целесообразности. Так, фон Зоден пишет о том, что жречество могло воспрепятствовать отождествляющей теологии, поскольку исчезновение в таком отождествлении тех или иных божеств привело бы к отсутствию храмовых жертвоприношений и, как следствие, прекращению работы храмов, посвященным культу редуцированного в теологии божества. Этот вывод нарушает логику самого же фон Зодена, ранее писавшего, что «мышление как шумеров, так и аккадцев определяла в первую очередь религия», а значит религиозная сторона жизни определяла экономическую, а не наоборот.

И тем не менее, несмотря на высказанные нами критические соображения, нельзя не признать стройность конструкции фон Зодена, ведь сочетание в одном билингвальном мышлении двух типов религиозных систем действительно пред-

полагало необходимость их совмещения. Под вопросом остается лишь верность рассуждения фон Зодена о том, что это взаимное напряжение двух теологий определяла категория количества, но сам факт фиксации такого напряжения уже становится достойным результатом анализа шумерской и вавилонской религий.

Главное же достижения фон Зодена было в том, что ему удалось совсем иначе, чем это было свойственно другим ассириологам, рассмотреть лексические списки. Никто, за исключением Ландсбергера, не подошел так близко к пониманию эпистемологического значения лексических списков, в первую очередь списков богов. Раскроем в общий чертах характер умозаключений фон Зодена, снова воспользовавшись фрагментом его статьи:

«Для духовных высказываний в шумерской литературе <...> сформировались лишь две главные формы: религиозная поэзия <...> и список. Позднее <...> наряду со списком знаков, который теперь содержал достаточно спорадический выбор существующих понятий и названий, возник тематически упорядоченный список слов и имен, также состоящий из одного столбца и не содержащий пояснений. Его заданием было воссоздание в одном столбце порядка мира предметов и явлений, схваченного в именах и названиях. Этот компендиум списков, со временем растущий в объеме, охватывал прежде всего списки богов, звезд, географических названий, классов людей, животных, растений и минералов, а также созданных людьми предметов. Если бы этот компендиум был в нашем распоряжении полностью и если бы мы могли истолковать приведенные в нем названия, мы могли бы узнать благодаря ему, из чего для шумеров состоял мир.

Даже сейчас мы узнаем благодаря ему, что дар наблюдения у шумеров был развит слабо; например, они различали всего несколько изображений звезд и удовлетворялись довольно грубыми и внешними классификациями животных, растений и минералов. Их интересовали не столько вещи как таковые, сколько их взаимное расположение созданном богами мировом порядке, который представлялся им неизменным.

Соответственно, мы не можем предполагать, что при преподавании рационально объяснялась систематика списков или отдельные названия, и при этом добавлялись недостающие определения понятий. Скорее этот порядок иллюстрировался в преподавании с помощью мифов и других видов литературы, рассказывающей о создании или восстановлении порядок после периодов хаоса или трудностей.

Для шумеров одномерные списки были систематическими дополнениями к поэтическому вымыслу, который по самой своей природе мог прояснить порядок только в общих чертах» [6, с. 8-9].

Заново переведем набор суждений фон Зодена в формат тезисов, демонстрирующих, что:

- 1) шумерская религия высказывала себя через шумерскую литературу;
- 2) шумерская литература существовала в виде религиозной поэзии и лексических списков (причем не преимущественно, а всецело, другие типы источников, нерелевантны для анализа шумерской религии);

- 3) из потока религиозной поэзии для анализа религии шумеров имели значения только входящие в канон произведения (Дьяконов называл набор канонизированных мифов «ниппурским литературным каноном»);
- 4) лексические списки существовали в двух принципиально разных видах — списках в форме случайно или ситуативно включенных понятий и списках построенных по тематическому принципу (наверное, более точно было бы назвать их различие в том, что первые строились по фонетическому принципу, а вторые — по семантическому);
- 5) главный, хоть и глубоко спрятанный в статье тезис, — тематически упорядоченные списки составлялись с целью «воссоздания в одном столбце порядка мира предметов и явлений, схваченного в именах и названиях»; классификация тематически упорядоченных лексических списков имела систематический характер и состояла в перечислении имен по родовым, видовым и индивидуальным критериям «богов, звезд, географических названий, классов людей, животных, растений и минералов, а также созданных людьми предметов»;
- 6) в нашем распоряжении не полный каталог списков; если бы сохранились бы все лексические списки, то мы бы знали, «из чего для шумеров состоял мир»;
- 7) судя по спискам, умение различать предметы у шумеров было развито слабо¹;
- 8) в лексических списках главное не «вещи как таковые, сколько их взаимное расположение созданном богами мировом порядке», т. е. важен способ организации вещей как внутренних элементов системы (здесь мы находим варьирование пятого тезиса, дополненного суждением о существовании принципа системности при составлении тематически упорядоченных лексических списков);
- 9) во время обучения письму и переписывании клинописных таблиц систематика списков рационально не объяснялась, о чем свидетельствует полное отсутствие отдельных таблиц с комментариями тематических списков;
- 10) комментарием к систематике списков служила религиозная поэзия, преобразованная в набор канонических книг, религиозная поэзия

¹ Этот тезис Вольфрам фон Зоден получил в наследство от Бенно Ландсбергера. Идея состоит в том, что, если, например, определенный цвет не был представлен в лексических списках, шумеры этот цвет не различали. Это умозаключение было настолько уязвимо для критики, что зачастую выступало главным аргументом против теории *Eigenbegrifflichkeit*. Однако же сила подобной критики состояла только в том, что она с беспечностью ребенка не осознавала, что суждение Ландсбергера было высказано не просто так, а встроено в сложнейшую гносеологическую теорию неокантианца Генриха Риккерта. См. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. С. 158-206.

и лексические списки были взаимодополняющими и взаимообъясняющими литературными источниками, в синтезированном виде определяющие своеобразие шумерской религиозной системы.

Комментарий к тексту фон Зодена и извлеченным из текста тезисам будет краток. Прежде всего обратим внимание на то, что *Listenwissenschaft* существует в двух формах, первая из которых рассмотрена выше. С одной стороны, речь идет о монолингвальных, одноязычных шумерских лексических списках, представляющих собою замкнутую систему. Эти списки не имеют ни комментариев, ни объяснений. Записанные в столбик имена существительные обязаны быть истолкованы не из определений, а через включение этих существительных в религиозную поэзию. Верно и обратное, герои религиозной поэзии могут быть правильно поняты, в том числе на уровне структуры образа, его мотивов и сюжета произведения, в который встроен образ, только в случае определения их точного места в лексическом списке. Такой принцип не является исключением лишь для списков шумерских богов, но и применим к области мира одушевленных и неодушевленных вещей. Так, люди, животные, птицы, рыб или минералы обязаны быть истолкованы не как примеры зачаточных форм естествознания, но как элементы реальности в религиозной поэзии шумеров.

Listenwissenschaften как элемент системы *Geisteswissenschaften*

Чтобы не входить в пространные рассуждения на эту тему, достаточно напомнить о фундаментальном характере различий между *Naturwissenschaften* и *Geisteswissenschaften*, которое можно найти как минимум в неокантианстве, не говоря уже о философии жизни или феноменологии религии. С учетом этого различия становится не менее очевидно и то, что *Listenwissenschaften* представляют собой отдел *Geisteswissenschaften*, а последние, нужно это четко понимать, совсем не сводятся к области каких-либо «гуманитарных наук». Далее, как религиозная поэзия, так и лексические списки являются не столько каталогизацией вещей в природе, по крайней мере потому, что не принадлежат к региону *Naturwissenschaften*, сколько фиксацией восприятия мира, еще нерасчлененного на внутренний и внешний, на посюсторонний и потусторонний миры. Лексические списки описывают не вещи как они существуют сами по себе, а лишь результат наблюдения за вещами. То, что фиксируется через восприятие и переходит в память, далее преломляется в сознании как нечто значимое для запоминания, и уже благодаря ценности вещей, уже после предварительной инвентаризации, транслируется религиозную поэзию и лексические списки.

Важно, что фон Зоден не оставил без внимания вопрос о случайности или необходимости попадания данных в сознании вещей в лексические списки, благодаря чему проясняется тезис, что для шумеров, судя по оставленным ими памятникам духовной культуры, важны были не вещи сами по себе, а способ организации вещей, характер их расположения по отношению друг к другу. Намекает ли фон Зоден на то, что в основании лексических списков мы натал-

квиваемся на обычный для ранних и примитивных культур пантеизм? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным.

Если принять тезис фон Зодена, что в основании лексических списков, согласно теории *Listenwissenschaft*, заложен системообразующий принцип, то сводить его просто к идее пантеизма означает просто разрушить всю, с таким трудом построенную, умозрительную конструкцию. Не шумерский пантеизм является системообразующим принципом тематически устроенных лексических списков, но шумерский политеизм. Чтобы ощутить весомую разницу между пантеизмом и политеизмом, с определенной долей условности, первое можно охарактеризовать как народную религию, включающую в себя, например, фольклор и магию, а второе — как жреческую религию, умозрительную настолько, насколько обладающим навыком письма людям хватало терпения составлять бесконечные колонки имен существительных, регламентирующих способ восприятия мира и диктующих связь представлений в сознании.

Weltordnung u Ordnungswille

Наконец, фон Зоден гораздо аккуратнее, чем в ранней версии теории *Listenwissenschaft*, встраивает представление об *Ordungswille*, объясняющий систему шумерского *Weltordnung*. Теперь, в поздней версии, место концепции о существовании безличной воли, силами которой происходит упорядочивание и систематизация мира, занимает ничем не приметная идея *Zweisprachigkeit*, концепция шумеро-вавилонского двуязычия. Но, чтобы понять, в чем состоит сильная сторона новой версии *Listenwissenschaft*, нужно снова обратиться к тексту фон Зодена:

«Если шумерские списки богов в один столбец ничего не могли сказать об отношении богов или приведенных имен друг к другу, как видно из выбранной последовательности, то вавилонский список богов, состоящий из двух или трех столбцов и начинающийся со строки *an=Anum*, в сочетании с вышеупомянутой религиозной литературой мог в достаточной мере прояснить довольно сложную интеллектуальную основу отождествляющей теологии. Он либо отождествлял сотни приведенных в левой колонке преимущественно шумерских имен богов, произношение которых прояснялось многочисленными комментариями, с приведенными справа вавилонскими богами, либо короткими дополнениями подробнее устанавливали связь между ними. Дополнения указывали на родственные или иерархические отношения в соответствующей группе богов или очень коротко уточняли, в каком отношении можно рассматривать приведенного слева бога как ипостась бога, приведенного справа» [6, с. 9-10].

Главные тезисы этого фрагмента:

- 1) шумерские монолингвальные списки богов нельзя объяснить без обращения к контексту — этот тезис раскрыт в процессе анализа предыдущего фрагмента текста;
- 2) вавилонские билингвальные списки богов, построенные в две или три колонки, построены по принципу отождествляющей теологии;

- 3) вавилонские билингвы, вроде Большого вавилонского списка богов an=Anum или Списка богов Вайднера, сами себя не объясняют, а требуют обращения к шумерской и, теперь уже, к вавилонской религиозной поэзии;
- 4) колонки справа и слева отождествляли шумерских и вавилонских богов, или же сводили их к ипостасям;
- 5) вавилонские списки богов, как и шумерские, распределялись по группам, чаще всего по «семьям», но с учетом того факта, что сыновья наиболее авторитетных божеств, как например в Ниппурском списке богов произошло с сыновьями Энлиля — Нанной и Нинуртой, могли равномерно распространяться по всему списку с включением в отдельные группы семей этих сыновей;
- 6) вавилонские двуязычные лексические списки в отдельных случаях, когда такая связь неочевидна, могли сообщать о родственных отношениях между богами;
- 7) кроме родственных отношений в списках богов могла быть отражена божественная иерархия по тем или иным соображения не всегда соответствующая месту в списке.

*Большой вавилонский список богов и его центральное место
в теориях Listenwissenschaft u Zweisprachigkeit*

Обратим внимание на то, что фон Зоден в процессе анализа шумерских лексических списков избегал называть конкретные первоисточники, и тем более, обсуждать отдельные несогласованности в таких списках, сложности идентификации разнообразных божеств, занимающих свое место после, например, возьмем случайное число, после шестидесятого места в списке. А во время перехода к Большому вавилонскому списку богов немецкий ассириолог говорит о конкретном списке, хотя, как и в случае с шумерскими списками богов, не прибегает к помощи реальных примеров. Объяснить это несложно.

Как только фон Зоден переходит к анализу конкретного списка, сразу же возникают сложности в работе с первоисточником. И дело здесь не в том, что отдельные отколотые фрагменты табличек и отсутствие дубликатов не позволяют нам восстановить отдельные имена богов. И даже не в том, что множество имен в практически каждом из списков, иногда доходя чуть ли не до половины, не представляется возможным прочесть. И даже не в том, что составитель научной фонетической транскрипции на свой страх и риск предлагает одну из многочисленных версий представленного в списке имени. Основная проблема как в отношении шумерских списков богов, так и вавилонских списков состоит в том, что, даже прочитав имена, о большинстве стоящих за них образов мы не знаем абсолютно ничего, поскольку о них молчит религиозная поэзия.

А если исходить из количества всё-таки действующих в религиозной поэзии действующих лиц и соотнести их с количеством, присутствующим в списках (напомним, что в каталоге Даймея, собравшего все известные к его времени имена шумерских и вавилонских богов, вышло 3 300 имен, хотя многие из этих

имен — это ипостаси других божеств), то такое соотношение демонстрирует нам, что исчисленный в списке пантеон практически невозможно исследовать.

Завершая свою работу, фон Зоден резюмирует свой вклад в философскую мысль в ассириологии следующим образом:

«Самым значительным в том, что мы понимаем под своеобразием вавилонского мышления, является познание, что встреча совершенно разных образов мышления, таких как образы мышления шумеров и семитов, может подтолкнуть к значительным духовным достижениям, которые ни один из этих народов не мог бы достичь в одиночку» [6, с. 19].

Теория *Listenwissenschaft* стала вехой в понимании эпистемологических оснований вавилонского мышления. Теперь важно понять, как эта сложнейшая теоретическая система Вольфрама фон Зодена адаптировалась к уже существующим в ассириологии представлениям о шумерских и вавилонских лексических списках.

Критика теории *Listenwissenschaft*

Чтобы яснее понять то, что из себя представляет теория «наук в списках», предварительно стоит разобраться в позиции тех ученых, кто косвенно или прямо оппонирует фон Зодену. Учтем также тот факт, что научный этикет зачастую не предполагал наличие прямого конфликта в теоретической дискуссии, в связи с чем фон Зоден как теоретик, а не грамматик или лексикограф (в отличие от его учителя Ландсбергера), всегда оставался фигурой умолчания для критики, вследствие чего понятие *Listenwissenschaft* ровно по тем же соображениям критиковалось не напрямую, а через его полное или частичное описание.

Критика теории В. фон Зодена А. Лео Оппенгеймом

Время ознакомиться с наиболее сильной методологической позицией, сознательно противостоящей теории «науки в списках». Речь идет о «портретной» теории А. Лео Оппенгейма, изложенной в его знаменитой работе «Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации» (1964). Само собою разумеется, что, называя эту теорию «портретной», мы удерживаем в этом определении метафору Оппенгейма. Ранее нам уже приходилось обращаться к рассмотрению взглядов Оппенгейма, но за эти годы, прошедшие с момента написания статьи, наше отношение к этой теории претерпело существенные изменения. Стало понятно, что Оппенгейм намного ближе к *Listenwissenschaft*, чем это казалось раньше. При этом знаменитый скептицизм Оппенгейма заслуживает особого внимания, поскольку, вероятно, это методическое сомнение не только не разрушает строение теории «наук в списках», но наоборот, способствует тому, чтобы был сформирован научный взгляд, максимально освобожденный от заранее готовых оценок, наличие которых значительно ослабляет интеллектуальный потенциал критиков теории *Listenwissenschaft*.

А. Лео Оппенхейм, как философ от ассириологии, высказывает ряд не для всех очевидных суждений, тем самым на годы вперед задавая основную линию интерпретации шумеро-вавилонских литературных текстов и лексических списков. До Оппенхейма никто так остро не критиковал попытки ученых реконструировать духовную культуру древнего ближневосточного региона, ищущих в текстах «первобытную мудрость, наполненную скрытым смыслом космологии» [17]. Стала знаменитой еще одна мысль Оппенхейма о том, что шумерскую религию вообще не стоит изучать, поскольку наше знание материала не дают оснований делать какие-либо твердые выводы. «Я убежден, что систематическое описание месопотамской религии — задача невыполнимая и ставить такую цель вообще не следует» [9, с. 136]. Теперь гораздо яснее, что острие критики Оппенхейма в данном случае направлено не на представителей лейпцигской школы, а на незадолго до этого вышедшие труды Якобсена и Крамера.

Важны размышления Оппенхейма о необходимости систематизировать знания о шумеро-вавилонской культуре, т. е. о необходимости осмысления этой культуры как системы. «Исследователю необходимо, хотя это и трудно, освободиться от собственных привычных взглядов, чтобы иметь возможность привести в систему данные, относящиеся к чуждой цивилизации» [9, с. 23].

Мы помним, что *Listenwissenschaft* исходит из того же убеждения, что в основании методологического подхода должна быть заложена система. Из утверждений Оппенхейма и их сравнением со взглядами фон Зодена проясняется еще один ключевой вопрос, ранее практически не обсуждавшийся в ассириологической литературе. «Наука в списках» фон Зодена построена на убеждении в существовании в шумерских и вавилонских научных представлениях системы классификации одушевленных и неодушевленных объектов, реальных или вымышленных образов, которые независимо от того, существуют они в действительности или нет, уже самим фактом вхождения в классификацию влияют на действительное мышление и поведение древнего ближневосточного общества, или, как минимум, лиц духовного звание из среды такого общества.

В таком случае мифологические тексты и лексические списки объясняют скорее не внешнюю по отношению к человеку реальность, а его внутренний мир, в котором каталогизированы предметы и образы. А значит, то, что обычно воспринимается как религия, имеющая иррациональное и необъяснимое начало, должно быть понято как научное представление независимо от того, какие мы дает оценки границ подобной научности. Теперь становятся ясны общие методологические принципы «портретной» теории вавилонской культуры Оппенхейма, что позволяет нам иначе взглянуть на следующую его мысль:

«Составленные по различным принципам списки богов или священных животных этих божеств и попытки писцов внести порядок в систему богов и их взаимоотношений — короче говоря, то, что можно было бы назвать теологией, — не имеют своего определенного *Sitz im Leben* („места в жизни“) и характеризуют скорее месопотамскую ученость, нежели религиозность. Большое внимание в этих текстах уделяется периферическим

участкам религиозной жизни — главным образом суждениям жрецов о могуществе, функциях, подвигах и родстве различных богов пантеона» [9, с. 143].

Действительно, способ классификации лексических списков (в нашем случае — списков богов) представляет собою зародыш научной классификации независимо от того, что система объектов в этой классификации состоит из образов, не имеющих в реальности материального воплощения. Пусть это не будет еще «теология», хотя Мейсснер и фон Зоден утверждают обратное, но это уже есть «наука в списках».

Отдельно прокомментируем включенное в определение словосочетание «места в жизни». Это понятие восходит к трудам библеиста Германа Гункеля, и первоначально применялось к библейским текстам, а конкретно к анализу Книги псалмов. Гункель говорил о том, какое «место в жизни» занимает тот или иной литературный, религиозный или научный текст. Изолированное толкование текстов от их реального контекстуального употребления значительно искажает наше представление о тексте как таковом. Оппенхейм с большим искусством внедряет концепцию Гункеля в исследование шумерских и вавилонских лексических списков. Чтобы понять значение, например, списков богов, нужно понять какое место в реальной жизни занимали подобные тексты. Даже если не называть это теологией, то и без этого ясно, считает Оппенхейм, что лексические списки богов — это не больше и не меньше чем представление жреческого сообщества о способе взаимоотношений между литературными образами политеистического мира. А научный характер, пусть в наиболее примитивных формах, этим представлением дает систематизация, приведение этих представлений в единую систему богов.

В свете сказанного проясняется еще один важный вопрос, восходящий уже исключительно к теории «системы богов». Шумерский политеизм впервые получил достойное научное освещение как раз в теории Ландсбергера. Систематизация пантеона, его внутренняя логика, система связей обязана считаться гораздо более важной, чем набор мифологических сюжетов, играющих, по сути, вспомогательную роль в выявлении связей между отдельными божествами в лексических списках. Поэтому Оппенхейм пишет, что «теперь можно в полной мере осознать трудности изучения политеистической религии Месопотамии, столь удаленной от нас во времени и чуждой в своих основах» [9, с. 145]. А это, в свою очередь, еще раз подчеркивает существенную роль теории «наук в списках» фон Зодена. Политеизм раскрывается лишь через терпеливое описание каждого, даже самого периферийного мифологического образа, чтобы в результате получить общую картину этой формы религиозных и научных представлений.

Как мы уже выше отмечали, кроме теории *Listenwissenschaft*, относящуюся к поздним его трудам, намного ранее на основании тех же источников предложил теорию *Ordnungswille*. Оппенхейм однозначно выступает против ранней теории фон Зодена:

«Может быть, мы излишне подчеркивали практический элемент в истории возникновения рассмотренных нами многочисленных списков. Но такое истолкование, на мой взгляд, проще и больше отвечает основным особенностям этих списков, чем квазимифологическая теория *Ordnungswille* („стремление к порядку“), согласно которой писцы, создававшие списки, руководствовались желанием „организовать“ окружающую их вселенную, регистрируя все, что они видели вокруг, и описывая результаты своих наблюдений в узких колонках на глине. Столь же необоснованным представляется утверждение о том, что списки слов с названиями растений, животных и камней были как бы первичными курсами ботаники, зоологии и минералогии. Такие утверждения порождены сегодняшней обстановкой, когда чуждая нам цивилизация обязана иметь „научные“ достижения, чтобы считаться заслуживающей изучения» [9, с. 197].

Но несмотря на явные расхождения во взглядах фон Зодена и Оппенгейма на способ систематизации лексических списков, их взгляды исходят из единого источника — теории *Eigenbegrifflichkeit* Ландсбергера, а это означает, что эпистемологические оснований обеих теорий идентичны.

Критика теории В. фон Зодена И. М. Дьяконовым

Дьяконов дважды обращался к вопросу о специфике научного знания в Древней Месопотамии. Свое отношение к этой проблеме Дьяконов выразил в развернутых статьях «Вавилонская филология (III-I тыс. до н. э.)» (1980) и «Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия)» (1982). Сначала речь пойдет о более ранней версии критики *Listenwissenschaft*.

У Дьяконова есть вполне сложившееся представление о том, что шумеро-вавилонская наука имела в своем культурном багаже систематические знания. Во взглядах Дьяконова легко заметна ссылка на педагогику, как на основание для создания лексических списков. «Если наука есть систематизированное познание, то шумеры и вавилоняне систематизировали свои познания почти исключительно в ходе школьного преподавания; эта систематизация была порождена его нуждами» [4, с. 17]. Артикулируя вопрос о системном характере «школьного» знания шумеров и вавилонян, Дьяконов вполне объяснимо ищет союзников, поддерживающих подобный дискурс. В качестве авторитетов в этом вопросе для него выступают Бенно Ландсбергер и А. Лео Оппенгейм, что подтверждается ссылками на их работы.

Итак, Дьяконов подтверждает систематический характер научного знания в Шумере и Вавилоне, что абсолютно резонирует с фундаментальными предпосылками теории *Listenwissenschaft*. Но когда Дьяконов касается лексических списков, он уточняет, что они подлежали «зазубриванию без участия логических умозаключений». А значит, критерий системности знания основан на других основаниях, нежели логических. Даже более того, способ запоминания лексических списков не требовал четкого представления об их содержании и внутренней логике их построения, а предполагал бездумное заучивание наизусть. Дьяконов

подробно рассказывает о 14 классах лексических списков, хотя последний из этих классов объясняется всего в одном предложении. «Были также списки — орфографические справочники для написания имен собственных, имен богов и т. п.» [4, с. 26]. Обращает на себя внимание явно периферийное положение списков богов среди остальных лексических списков, занимающих в теории «науки в списках» практически центральное место. Это «умаление» сделано целиком осознанно, с целью, чтобы продемонстрировать вторичность подобного класса источников. Следовательно, систематичность шумерской и вавилонской науки, следуя этому подходу, не распространяется на списки богов.

По мнению Дьяконова, «главным образом списки слов служили пособием для самого усвоения грамоты, как шумерской, так и аккадской, путем постоянного, многократного переписывания и записывания наизусть» [4, с. 27]. Однако в этом суждении явно перепутаны причины и следствия. Даже если мы допустим, что лексические списки служили исключительно для получения шумерского лексического запаса, то тем самым совсем не доказано, что целью обучения был список находящихся в памяти слов. Наоборот, список слов обязан был получить свое место в памяти, поскольку эти слова отражали особо важную часть окружающей действительности. Важностью содержащейся в словах реальности объясняется заучивания наизусть слов, а не недостатком педагогических средств для запоминания лексики. Само наличие многократно переписываемых табличек с именами собственными приводило Дьяконова к умозаключению, согласно которому наличие практик запоминания означало отсутствие преставлений о логической взаимосвязей явлений:

«Логическому мышлению в вавилонской школе не обучали — тот процесс логических умозаключений, результатом которого могло явиться составление таблиц, списков и ли рецептов, был проделан заранее составителями» [4, с. 27].

Пусть так, но вывод ведь напрашивается совсем другой. Нельзя считать отсутствием логического мышления необходимость автоматического переписывания лексических списков. Наоборот, сам факт составления этих списков подразумевает определенную закономерность, наличие которой объясняется хотя бы тем, что лексические списки имели не случайную, а необходимую форму, поскольку многократно переписывались без единого изменения, если не учитывать вполне допустимые случаи опечаток. «Первая аналитика» Аристотеля тоже заучивалась в виде построения уже существующих силлогизмов, но разве является этот факт доказательством отсутствия логики у Аристотеля? Другими словами, мнемотехники целиком объяснимы даже тогда, когда мы имеем дело с традиционной логикой, а значит, в таком случае нет оснований противопоставлять логику и мнемотехнику, как это делает Дьяконов.

Во второй статье Дьяконова, написанной всего через два года после первой, имеются значительные уточнение общего видения советским ученым шумерской и вавилонской науки. Можно сказать, что вторая статья — это развитие поло-

жений предыдущей¹. Любопытный факт, что, хотя первая треть статьи 1982 г. иногда слово в слово повторяет статью 1980 г., но при этом абзац о систематическом характере шумеро-вавилонской науки из нового варианта текста бесследно исчез. Видимо, этот тезис не совсем совпадал с общим содержанием статьи, фиксирующей скромный научный прогресс в научном знании Месопотамии, если судить о них с позиции современного определения научности. Естественно, изменившийся начальный тезис обязывал Дьяконова пересмотреть свои предпосылки о заявленной ранее систематичности шумерской и вавилонской науки. Зафиксированные в первой статье 14 классов научного знания в новой статье сократились до 12, а упоминание о списках имен богов потеряло место даже среди оставшихся классов.

К тематике *Listenwissenschaft* фон Зодена вплотную примыкают размышления Дьяконова о точных, естественных и социальных науках в шумерских лексических списках. «В форме перечней составлялись также пособия по всем другим наукам — праву, ботанике, медицине, минералогии, химической рецептуре, перечни звезд, богов и их храмов..., математические таблицы и задачки» [5, с. 67]. Однако эти перечни тоже не могли претендовать на статус систематического знания, поскольку «в их изучении первое место отводилось зазубриванию терминологических списков, рецептов и задач» [5, с. 67]. А значит, как и раньше, Дьяконов продолжает настаивать на том, что внутренней логики в подобных источниках нет и быть не может. Очевидно, что этот взгляд принципиально расходится с теорией «науки о списках». Возвращаясь снова и снова к характеристике шумеро-вавилонской науки в области естественнонаучных знаний, Дьяконов оценивает их уровень как достаточно низкий. «Естественные науки в древней Вавилонии были развиты слабо. Едва ли можно считать зачатками ботаники и минералогии списки названий растений и камней из *ḪAR-ra=ḫubullu*» [5, с. 74]. Отметим, что упомянутый Дьяконовым известнейший билингвальный лексический список *ḪAR-ra=ḫubullu* с позиции теории *Listenwissenschaft* раскрыл ученик Вольфрама фон Зодена Дитц-Отто Эдзарт [19]. В общем и целом, Дьяконов систематически проводит линию по приуменьшению религиозного характера строения лексических списков и тем самым открыто выступает против теории В. фон Зодена. Однако при этом, как и в случае с А. Лео Оппенхеймом, взгляды Дьяконова серьезно обоснованы и органически вписываются в доминирующий в ассириологии дискурс.

Критика теории В. фон Зодена Д. Шарпеном

Как уже мы говорили в начале исследования, французская ассириологическая традиция богата исследованиями шумерской и вавилонской религиозных традиций, а также трудами по науке и культуре этого древнего региона мира. Мож-

¹ С некоторой досадой можно обратить внимание на то, что Дьяконов в новую статью вставил значительное извлечение из первой, но возможным оправданием этого факта может служить то, что в советские годы к самоцитированию относились гораздо терпимей, чем в наше время.

но вспомнить хотя бы про католического теолога Эдуарда Дорма, издавшего труды по вавилонскому и ассирийскому политеизму, или о Жане Боттеро, левого интеллектуала, вместе с Крамером писавшего труды по месопотамской мифологии. Но и Дорм, и Боттеро издали свои главные труды в 1945 и 1952 г., соответственно, и по этой причине не могли полемизировать с поздней редакцией теории фон Зодена (1960 г.). Ситуацию никак не меняет и тот факт, что в 1987 г. Боттеро издал новую работу по месопотамской религии. Ознакомление с этим трудом показывает, что в отличие от фундаментального исследования «Вавилонская религия» книга «Месопотамия» имела стандартный научно-популярный характер и не претендовала на изложение или полемику с теориями уровня «науки в списках».

Французскому востоковедению пришлось ждать наступления XXI в., чтобы впервые обнаружить труд, в содержании которого можно найти дискуссию с В. фон Зоденом. Доминик Шарпен как раз и может служить примером современной критики теории «науки в списках».

Перейдем непосредственно к анализу труда Шарпена, а именно в той его части, где речь идет о скрытой критике теории *Listenwissenschaft*. Маркером отрицания систематического строения эпистемологических оснований шумерских и вавилонских лексических списков служила и по-прежнему служит попытка убедить читателя, что подобные тексты не играли никакой роли в жизни человека вне школьных занятий по основам шумерского языка. Вторым маркером нужно считать голословность подобных утверждений, никогда не подкрепленных аргументацией, а просто сводящегося к апелляции к здравому смыслу или апелляцией к авторитету. Описывая методики обучения грамоте в эдуббе, Шарпен, очевидно, не мог обойти внимание лексические списки и канонические списки литературных текстов: «Статус шумерской „литературы“ до сих пор не определен, но очевидно, что многие из этих произведений не имели других функций, помимо педагогических» [10, с. 84]. Однако в дальнейшем изложении Шарпен не мог не признать религиозные функции билингвальных эпических и лексических текстов, изучаемых старовавилонскими «школьниками» в эдуббе: «Обращает на себя внимание место, которое занимают в этих текстах город Вавилон и его бог Мардук: создается впечатление, что второй этап обучения служил прежде всего религиозным целям» [10, с. 91].

Как же согласовать два взаимоисключающих утверждения при условии, что нам ясно, что объявление лексических списков и литературных текстов исключительно педагогическими источниками с пропедевтической функцией означало лишь то, что обучение в эдуббе имело светский, а не религиозный характер?

Шарпен предполагает двойственный характер обучения в зависимости от будущей профессии обучающихся. «Начальная школа», в таком случае, занимала бы место «семи свободных искусств» или как минимум «тривиума», а «средняя и высшая школа» уже предполагала бы обучение на «теологическом факультете». Конечно, «медиевизация» эдуббы имеет лишь метафорическую ценность, реальное обучение в эдуббе вряд ли встраивалось в привычные

средневековому сознанию форматы. Тем не менее, сам факт признания Шарпеном религиозной функции обучения, пусть только на продвинутом, углубленном этапе, предполагает то, что ученый и лексические списки способен рассмотреть под иным, чем просто педагогическим углом зрения. Однако происходит как раз обратное: ранние лексические списки Шарпен характеризует как созданные просто для административных целей:

«Лексические списки иногда воспринимаются как средство познания вселенной, но их „мистическим“ значением увлекаться не стоит: сомнительно, чтобы в основе лежали теологические или космогонические соображения» [10, с. 91].

Оставим без внимания смешение Шарпеном «мистики» и «теологии», но обратим внимание на то, как срабатывает второй маркер — отрицание за лексическими списками теологической функции не подтверждается аргументами, а просто повисает в виде простого заявления.

В целом, отрицание Шарпеном значения *Listenwissenschaft* сводится к совету не увлекаться толкованием лексических списков как средства познания вселенной, что вряд ли может служить весомым аргументом против теории фон Зодена.

Если подвести итог в отношении критики *Listenwissenschaft* с позиций американской, русской и французской ассириологических традиций, то можно сделать общий вывод о том, что ни А. Лео Оппенхейму, ни И. М. Дьяконову, ни Д. Шарпену не удалось предложить четких и ясных контраргументов против теории В. фон Зодена. Вместо аргументов чаще всего звучало просто несогласие, некий «символ веры», утверждающий, что в лексических списках системы нет. Как показало наше исследование, впервые во всей полноте раскрывшее теорию *Listenwissenschaft*, уровень логического обоснования у фон Зодена чрезвычайно высок, что подразумевает критику не менее высокого качества аргументации.

Выводы

Как показало исследование, теория *Listenwissenschaft* Вольфрама фон Зодена целиком применима к анализу содержания шумеро-вавилонских лексических списков. Списочный характер шумерского знания абсолютно не исключает его научного характера — наоборот, благодаря применению принципа историзма, он раскрывает логику лексических списков. Ключевой особенностью *Listenwissenschaft* и ее коренным отличием от других теорий в отношении шумерской лексикографии, нужно считать открытое фон Зоденом понятие системы, заложенное в основание лексических списков. Как руководствующий принцип исследования *Listenwissenschaft* открывает возможность новых достижений в таких, казалось бы, отличающихся областях научного знания, как методология исторических наук, сравнительное религиоведение и феноменология религии. Вместе с теориями Генриха Циммерна, Бруно Мейсснера, Антона Даймеля, Бенно Ландсбергера, А. Лео Оппенхейма и Адама Фалькенштейна идеи Вольфрама фон Зодена формируют внутри ассириологии XX в. цельный философский дискурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григоришин С. В. Значение теории динамичных культур для изучения древневосточных канонических книг / С. В. Григоришин // *Філософія і політика*. 2016. № 4. С. 35–41.
2. Григоришин С. В. Теория Бенно Ландсбергера о своеобразии понятий древних ближневосточных культур / С. В. Григоришин // *Вестник Тюменского университета. Гуманитарные исследования*. 2016. Том 2. № 4. С. 113-128. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128
3. Григоришин С. В. Между Оппенхеймом и Крамером: роль научной установки в изучении ближневосточной мифологии / С. В. Григоришин // *Тирош*. 2014. № 14. С. 58–70.
4. Дьяконов И. М. Вавилонская филология (III-I тыс. до н. э.) / И. М. Дьяконов // *История лингвистических учений. Древний мир*. Л.: Наука, 1980. С. 17-37.
5. Дьяконов И. М. Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия) / И. М. Дьяконов // *Очерк истории естественнонаучных знаний в древности*. М.: Наука, 1982. С. 59-119.
6. Зоден В. фон. Двужычие в духовной культуре Вавилонии / В. фон Зоден; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
7. Ландсбергер Б. Своеобразие вавилонского мира / Б. Ландсбергер; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
8. Ландсбергер Б. Духовные достижения шумеров / Б. Ландсбергер; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
9. Оппенхейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации / А. Л. Оппенхейм. М.: Наука, 1990.
10. Шарпен Д. Чтение и письмо в Вавилонии / Д. Шарпен. М.: Изд-во РГГУ, 2009.
11. Эдзард Д.-О. Наука о шумеро-аккадских списках и другие аспекты древнемесопотамской рациональности / Д.-О. Эдзард; пер. с нем. А. И. Ведрова. (Рукопись).
12. Bottéro J. La religion babylonienne / J. Bottéro. Paris, 1952.
13. Bottéro J. Mésopotamie: l'écriture, la raison et les dieux / J. Bottéro. Gallimard, 1987.
14. Cavigneaux A. Lexikalischelisten / A. Cavigneaux // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; New York. Walter de Gruyter, 1980-1983. Band 6. S. 609-641.
15. Civil M. Lexicography / M. Civil // *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen*. Chicago: University of Chicago Press, 1975. Pp. 123-157.
16. Deimel A. Pantheon Babylonicum oder Keilschriftkatalog der Babylonicum Genesis / A. Deimel. Rome: Verlag der Pöpstl. Bibelinstituts, 1950.
17. Dhorme E. La Religion assyro-babylonienne: conférences données à l'Institut catholique de Paris / E. Dhorme. Paris, 1910.
18. Dhorme E. Les religions de Babylonie et d'Assyrie / E. Dhorme. Paris: Presses Universitaires de France, 1945.
19. Edzard D. O. Sumerisch-akkadische Listenwissenschaft und andere Aspekte altmesopotamischer Rationalität / D. O. Edzard // *Rationalitätstypen*. Freiberg/München: Verlag Karl Alber, 1999. S. 246-267.

20. Falkenstein A. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš / A. Falkenstein. Rome, 1949-1950. 2 Bände.
21. Hilgert M. Von ‚Listenwissenschaft‘ und ‚epistemischen Dingen‘. Konzeptuelle Annäherungen an altorientalische Wissenspraktiken / M. Hilgert // *Journal for General Philosophy of Science*. 2009. № 40. S. 277-309.
22. Jacobsen T. *The Treasures of Darkness. A History of Mesopotamian Religion* / T. Jacobsen. New Haven; London, 1976.
23. Kramer S. N. *History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Man's Recorded History* / S. N. Kramer. University of Pennsylvania Press, 1956.
24. Krebernik M. *Götter und Mythen des Alten Orients* / M. Krebernik. C. H. Beck: München, 2012.
25. Labat R. *Le Caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne* / R. Labat. Paris, 1939.
26. Lambert W. *Göttergenealogie* / W. Lambert // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1957. Band 3. S. 469-470.
27. Lambert W. *Götterlisten* / W. Lambert // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; New York. Walter de Gruyter, 1957. Band 3. S. 473-479.
28. Landsberger B. *Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt* / B. Landsberger // *Islamica*. 1926. № 2. S. 355-372.
29. Landsberger B. *Die geistigen Leistungen der Sumerer* / B. Landsberger // *Ankara Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Dergisi*. 1945. № 3. S. 150-158.
30. Meissner B. *Babylonien und Assyrien* / B. Meissner. Heidelberg, 1920-1925. Band I-II.
31. Oppenheim A. L. *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization* / A. L. Oppenheim. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
32. *Politheismus und Monotheismus in den Religion des Vorderen Orients*. Münster, 2002.
33. Soden W. von. *Leistung und Grenze sumerischer und babylonischer Wissenschaft* / W. von Soden // *Die Welt als Geschichte. Zeitschrift für universalgeschichtliche Forschung*. 1936. № 2. S. 411-464; 509-557.
34. Soden W. von. *Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens* / W. von Soden. Wien, 1960.
35. Veldhuis N. *History of the Cuneiform Lexical Tradition* / N. Veldhuis. Münster: Ugarit-Verlag, 1999.
36. *What is God? Anthropomorphic and Non-anthropomorphic aspects of Deity in Ancient Mesopotamia*. Winona Lake, 2009.
37. Zimmern H. *Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion* / H. Zimmern. Leipzig, 1901.
38. Zimmern H. *Zur Herstellung der großen babylonischen Götterliste An=(ilu) Anum* / H. Zimmern. Leipzig, 1911. S. 83-125.

Sergey V. GRIGORISHYN¹

UDC 930.1

**WOLFRAM VON SODEN'S LISTENWISSENSCHAFT
AND THE PROBLEM OF INTERPRETING
SUMERIAN LEXICAL LISTS**

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Archeology, Ancient History, and Middle Ages, Tyumen State University
s.v.grigorishyn@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2509-6382

Abstract

The subject of this study is the Listenwissenschaft theory by German Assyriologist Wolfram von Soden. Since there are two editions of this theory — 1936 and 1960, respectively — it should be clarified that our analysis is devoted to a later version of W. von Soden's theory. A detailed description of the elements of this theory is followed by its systematization, the results of which are reflected in the intellectual map presented in the study. Since the Listenwissenschaft was often criticized for being abstract and speculative, the views of W. von Soden's critics were introduced into the study.

As a result of the analysis of this criticism, the author of this article comes to the conclusion that the main argument of the Listenwissenschaft theory — the presence of a system in lexical lists — remained unshaken after the criticism. This, in turn, leads to the conclusion that W. von Soden's theory is included in the field of research of philosophical thought in Assyriology, which makes it possible to clarify the epistemological foundations of the Sumerian and Babylonian lexical lists.

The novelty of the study lies in the fact that the Listenwissenschaft for the first time since 1999 (the time of the publication of an article by W. von Soden's student, D.-O. Edzard) was presented in a positive light, which, in turn, prompts a re-examination of this theory in order to solve the epistemological tasks set for Assyriology, in particular, in the context of the discussion about lexical lists.

The study applies the method of phenomenology of religion in the edition of J. Waanderburg.

Citation: Grigorishyn S. V. 2022. "Wolfram von Soden's Listenwissenschaft and the problem of interpreting Sumerian lexical lists". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 94-132. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

Keywords

Lexical lists, Lists of Gods, Nippur Literary Canon, Listenwissenschaft, Göttersystem, Ordnungswille, Listenwissenschaft, Zweisprachlichkeit, Benno Landsberger, Wolfram von Soden, Adam Falkenstein, A. Leo Oppenheim, Anton Deimel.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-94-132

REFERENCES

1. Grigorishin S. V. 2016. "Significance of the theory of dynamic cultures for the study of Ancient Eastern canonical books". *Philosophy and Politics*, no. 4, pp. 35-41. [In Russian]
2. Grigorishyn S. V. 2016. "Benno Landsberger's theory of the specific concepts of the ancient near east cultures". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 2, no. 4, pp. 113-128. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-113-128 [In Russian]
3. Grigorishin S. V. 2014. "Between Oppenheim and Kramer: the role of scientific attitude in the study of Middle Eastern mythology". *Tirosh*, no. 14, pp. 58-70. [In Russian]
4. Dyakonov I. M. 1980. "Babylonian philology (III-I thousand B. C.)". *History of Linguistic Doctrines. The Ancient World*, pp. 17-37. Leningrad: Nauka. [In Russian]
5. Dyakonov I. M. 1982. "Scientific ideas in the ancient East (Sumer, Babylonia, West Asia)". *Essays on the History of Natural-Science Knowledge in Antiquity*, pp. 59-119. Moscow: Nauka. [In Russian]
6. Zoden W. von. *Bilingualism in the Spiritual Culture of Babylonia*. (Manuscript). [In Russian]
7. Landsberger B. *The Peculiarity of the Babylonian World*. (Manuscript). [In Russian]
8. Landsberger B. *The spiritual achievements of the Sumerians*. (Manuscript). [In Russian]
9. Oppenheim A. L. 1990. *Ancient Mesopotamia. Portrait of a Lost Civilization*. Moscow: Nauka. [In Russian]
10. Sharpen D. 2009. *Reading and Writing in Babylonia*. Moscow: Izdatelsvo RGGU. [In Russian]
11. Edzard D.-O. *Science of the Sumero-Akkadian lists and other aspects of ancient Mesopotamian rationality*. Translated from German by A. Vedrov. (Manuscript). [In Russian]
12. Bottéro J. 1952. *La religion babylonienne*. Paris.
13. Bottéro J. 1987. *Mésopotamie: l'écriture, la raison et les dieux*. Gallimard.
14. Cavigneaux A. 1980-1983. "Lexikalischelisten". In: *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Band 6, pp. 609-641. Berlin; New York. Walter de Gruyter.
15. Civil M. 1975. "Lexicography". In: *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen*, pp. 123-157. Chicago: University of Chicago Press.
16. Deimel A. 1950. *Pantheon Babylonicum oder Keilschriftkatalog der Babylonicum Genesis*. Rome: Verlag der Päpstl. Bibelinstituts.
17. Dhorme E. 1910. *La Religion assyro-babylonienne: conférences données à l'Institut catholique de Paris*. Paris.

18. Dhorme E. 1945. Les religions de Babylonie et d'Assyrie. Paris: Presses Universitaires de France.
19. Edzard D. O. 1999. "Sumerisch-akkadische Listenwissenschaft und andere Aspekte altmesopotamischer Rationalität". In: Rationalitätstypen, pp. 246-267. Freiberg/München: Verlag Karl Alber.
20. Falkenstein A. 1949-1950. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš. 2 Bände. Rome.
21. Hilgert M. 2009. "Von ‚Listenwissenschaft‘ und ‚epistemischen Dingen‘. Konzeptuelle Annäherungen an altorientalische Wissenspraktiken". Journal for General Philosophy of Science, no. 40, pp. 277-309.
22. Jacobsen T. 1976. The Treasures of Darkness. A History of Mesopotamian Religion. New Haven; London.
23. Kramer S. N. 1956. History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Man's Recorded History. University of Pennsylvania Press.
24. Krebernik M. 2012. Götter und Mythen des Alten Orients. C. H. Beck: München.
25. Labat R. 1939. Le Caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne. Paris.
26. Lambert W. 1957. "Göttergenealogie". In: Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 3, pp. 469-470. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
27. Lambert W. 1957. „Götterlisten“. In: Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 3, pp. 473-479. Berlin; New York. Walter de Gruyter.
28. Landsberger B. 1926. "Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt". Islamica, no. 2, pp. 355-372.
29. Landsberger B. 1945. "Die geistigen Leistungen der Sumerer". Ankara Dil ve Tarih Çoğrafya Fakültesi Dergisi, no. 3, pp. 150-158.
30. Meissner B. 1920-1925. Babylonien und Assyrien. Band I-II. Heidelberg.
31. Oppenheim A. L. 1964. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization. Chicago: University of Chicago Press.
32. Politheismus und Monotheismus in den Religion des Vorderen Orients. 2002. Münster.
33. Soden W. von. 1936. "Leistung und Grenze sumerischer und babylonischer Wissenschaft". Die Welt als Geschichte. Zeitschrift für universalgeschichtliche Forschung, no. 2, pp. 411-464; 509-557.
34. Soden W. von. 1960. Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens. Wien.
35. Veldhuis N. 1999. History of the Cuneiform Lexical Tradition. Münster: Ugarit-Verlag.
36. What is God? Anthropomorphic and Non-anthropomorphic aspects of Deity in Ancient Mesopotamia. 2009. Winona Lake.
37. Zimmern H. 1901. Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Leipzig.
38. Zimmern H. 1911. Zur Herstellung der großen babylonischen Götterliste An=(ilu) Anum, pp. 83-125. Leipzig.

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. HUMANITATES
2022. Том 8. № 2 (30)

Редактор	<i>Т. А. Протасов</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 30.06.2022
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard EC
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
11,73 усл. печ. л., 9,38 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 303

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
тел./факс: +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81
vestnik-humanities-r@utmn.ru